

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

ШЕСТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В трех томах
Том 1

Материалы

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

А. И. Смирнов (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.),
И. П. Белоус, Н. С. Коноплёв, Н. С. Малова,
Р. Ф. Проходовская, Л. Н. Харченко

Ш52

Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 283 с.

ISBN 978-5-9624-0633-6

ISBN 978-5-9624-0634-3 (т. 1)

Данное издание включает в себя материалы Шестых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в г. Иркутске в 2012 г. Статьи дают представление об основных направлениях исследований отечественных и зарубежных ученых, исследующих проблемы истории и современного состояния общества и перспективы его развития. В издании представлены работы по истории, географии, философии, лингвистике, политологии, культурологии, библиотечному делу и другим научным дисциплинам.

Настоящее издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)
ББК 94л0

ISBN 978-5-9624-0633-6
ISBN 978-5-9624-0634-3 (т. 1)

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2012

РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сопредседатели: Дятлов В. И., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет); Зуляр Ю. А., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет)

АЛЕКСАНДРОВ Е. Ю.

«ДВОЕВЛАСТИЕ» В АНГАРСКЕ: АНГАРСКОЕ МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И АНГАРСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Местное самоуправление – децентрализованная форма управления, характеризующаяся самостоятельностью и автономностью местных властей, которые выступают органами самоуправляющихся территориальных местных сообществ, а также являются формой реализации российским многонациональным народом принадлежащей ему власти.

После Октябрьского переворота 1917 г. в основу организации власти был положен принцип единства системы советов. К идее местного самоуправления в СССР вернулись в конце 1980-х гг. XX в. в связи с «перестройкой» и реформой государственной системы власти. Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» (1990 г.) и закон РСФСР «О местном самоуправлении» (1991 г.) сыграли решающую роль. Были разграничены полномочия между местными советами и администрациями. В 1993 г. в результате конституционной реформы деятельность местных советов была прекращена, распорядительные полномочия переданы местным администрациям, а выборы новых представительных органов местного самоуправления отложены до 1994 г. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., закрепила местное самоуправление и его самостоятельность. В 1995 г. принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В 1997 и 2000 г. к нему принимались существенные поправки, касающиеся городов федерального значения и ответственности органов местного само-

управления. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положил начало *муниципальной реформе*. Для скорейшего претворения муниципальной реформы как политической реальности в жизнь на уровне субъектов РФ по ускоренной схеме принимались законодательные акты. С юридической точки зрения они были плохо проработаны.

Ангарское муниципальное образование (АМО) как единая целостная административно-территориальная единица существовало на карте Иркутской области с 1 октября 1993 г. Согласно закону Иркутской области № 105-оз от 16 декабря 2004 г. «О статусе и границах муниципальных образований Ангарского района Иркутской области» АМО было разделено на городские и сельские поселения (см. рис.). Данное решение принималось без учета мнения населения.

Рис. Карта Ангарского муниципального образования

Принятие регионального закона негативно отразилось на АМО и выразилось в следующих отрицательных трендах: 1) законодательная спешка; 2) вместо единой администрации – образовалось пять; 3) значительно увеличился штат административно-управленческого аппарата; 4) исполнение переданных полномочий на уровень городских и сельских поселений не было обеспечено налоговыми и финансово-экономическими ресурсами; 5) один из ведущих региональных промышленных городов получил униженный статус «городского поселения»; 6) Ангарск стал дотационной территорией и потерял статус одного из основных «городов-доноров» регионального значения.

С 2005 по 2007 г. с приходом в администрацию АМО и городского поселения команды А. П. Козлова и Е. П. Канухина (представители крупной пищевой бизнес-структуры межрегионального значения ОАО «Каравай») недочеты и законодательные пробелы Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» удавалось сглаживать. В 2005 г. администрация АМО и Ангарска предпринимали попытки проведения сбора подписей с целью организации референдума о преобразовании пяти городских и сельских поселений в Ангарский городской округ. В середине февраля 2006 г. думы всех этих муниципальных образований поддержали идею референдума по вопросу создания городского округа Ангарска и включения в его состав Мегет, Савватеевки и Одинска в качестве микрорайонов. В апреле 2006 г. состоялся референдум. Итоги: проголосовали «за»: в городе – 89 % (явка 67 %); в пос. Мегет – 56 % (явка 55 %); в Савватеевке – 58 % (69 %). Село Одинск отказалось принять участие в референдуме, перенеся его на весну 2007 г. В свою очередь, весной 2007 г. депутаты Думы сельского поселения Одинск опять отказались назначить дату проведения референдума. В результате решение вопроса о статусе АМО как городского округа было отложено на неопределенный срок.

В декабре 2007 г. были проведены очередные муниципальные выборы главы города. Е. П. Канухин не был переизбран, а победил Л. Г. Михайлов. С приходом новой управленческой команды резко обострилась проблематика двоевластия. Двоевластие выразилось в создании дублирующих отделов, департаментов и комитетов в структуре администрации Ангарска, аналогичных администрации АМО. С декабря 2007 по октябрь 2010 г. во взаимоотношениях администраций наблюдалась напряженность. Напряженность и проблематичность непонимания выразились в резком увеличении чиновников и расходов городского бюджета на содержание управленческого аппарата. Основные причины: 1) избрание Л. Г. Михайлова поддерживали крупные городские предприятия с градообразующей ролью, такие как ОАО «Ангарская нефтехимическая компания», ОАО «Ангарский электролизно-химический комбинат» и ОАО «Ангарское управление строительства»; 2) мэром АМО с 2005 г. был А. П. Козлов – представитель крупной пищевой бизнес-структуры межрегионального значения ОАО «Каравай».

Согласно изменениям, внесенным в Устав АМО, новый мэром района должен избираться не всеобщим общенародным тайным голосованием, а обновленной Думой АМО. Также был введен пост главы администрации АМО – сити-менеджера. Следовательно, в октябре 2010 г. прошли выборы депутатов районной Думы. Было избрано 15 депутатов по трем пятимандатным округам. Большинство в Думе АМО получили представители КПРФ. От партии «Единая Россия» был избран только один депутат. Кандидаты, выдвинутые как от крупных городских предприятий с градообразующей ролью (ОАО «АНХК», ОАО «АЭХК», ОАО «АУС»), так и от крупной пищевой бизнес-структуры межрегионального значения ОАО «Каравай» не были избраны. На данных выборах наблюдался значительный процент испорченных бюллетеней – протестное голосование. В ходе выборов депутатами Думы АМО мэром района был избран В. В. Жуков, а по результатам муниципального конкурса сити-менеджером стал А. А. Медко (топ-менеджер ОАО «АЭХК»). С приходом новой команды активизировался процесс налаживания стабильных рабочих взаимоотношений между городом и районом. Этому способствовало в немалой степени то, что мэра и сити-менеджера поддерживали ОАО «АНХК», ОАО «АЭХК», ОАО «АУС», а, следовательно, ОАО «НК Роснефть» и ОАО «ТВЭЛ» («Росатом»).

Процесс решения проблемы объединения Ангарска и АМО и двоевластия возобновился в 2011 г. В него включились не только властные структуры города, района, почетные граждане и региональное правительство, но и общественность. В целях поиска оптимального пути решения проблемы проводились различные общественные слушания, как со стороны администраций, так и общественных палат.

При проведении анализа объединительных процессов в других регионах и муниципальных образованиях РФ были рассмотрены варианты уже состоявшихся объединений территорий в городские округа, таких как Домодедово, Старый Оскол и Лысьва. Администрации и общественность остановили свой выбор на примере г. Лысьва (Пермский край). В состав Лысьвенского городского округа входят три сельских поселения. В ходе процесса объединения для населения сельских поселений изменилось только административное название района. Статус сельских населенных пунктов остался прежний – сельские поселения. Следовательно, сохранились все льготы для населения как для жителей сельской местности. Также из-за большой географической отда-

ленности от центра городского округа (района) сохранены поселковые администрации со всей штатной численностью. При этом главы сельских администраций не избираются на муниципальных выборах, а назначаются администрацией района. С целью сохранения представителей сельских поселений в районном законодательном органе расширено общее количество депутатов. Но из-за небольшого числа жителей, имеющих право голоса и участия в муниципальных выборах, село заведомо не может быть выделено в отдельный избирательный округ. То есть сельское поселение автоматически «прицепляется» к одному из городских избирательных округов. Получается неоднозначная ситуация. Право выдвигать своего кандидата и голосовать у сельских жителей есть, но подавляющая численность избирателей-горожан может превратить это право в формальность. Поэтому не исключено, что жителям сельских поселений АМО, таких как Савватеевка и Одинск, придется поплатиться представительством в новом составе Ангарской районной думы.

В итоге различных правовых нюансов, прокурорских протестов и судебных разбирательств в январе 2012 г. референдум об объединении и решение проблемы двоевластия в АМО совместили с выборами Президента РФ и назначили на 4 марта 2012 г. В бюллетень был внесен один вопрос: «Согласны ли Вы преобразовать муниципальное образование город Ангарск, наделенное статусом городского поселения, путем изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа?».

При явке на выборах Президента РФ 58,7 % от общей численности, зарегистрированных в списках для голосования, 84 % ответили положительно. Ответ «да» – согласно ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – позволит в дальнейшем преобразовать Ангарск в городской округ. Проведение голосования и выбранный путь – единственно законный. Приняв участие в голосовании, население города высказалось за то, чтобы вернуть Ангарску статус города и избавиться от унижительного статуса «городского поселения». Следующим шагом должно стать проведение аналогичных референдумов в Мегете, Савватеевке и Одинске. Далее, возможны два сценария развития событий. При одобрении на референдумах жителями Мегета, Савватеевки и Одинска вопроса о присоединении к городскому округу, Законодательным собранием Иркутской области в июле 2012 г. может быть принят но-

вый закон о новом статусе Ангарска, а в октябре 2012 г. – проведены выборы мэра и Думы единого городского округа в границах Ангарского района (АМО). При отрицательном исходе голосования – выборы главы и Думы Ангарского городского поселения должны состояться в октябре 2012 г., а в октябре 2015 г. – выборы мэра и Думы АМО. Следовательно, проблема двоевластия так и не будет решена.

Литература

1. Официальный портал администрации АМО [Электронный ресурс]. – URL: www.angarsk-adm.ru

2. Официальный портал администрации г. Ангарска [Электронный ресурс]. – URL: www.angarsk-goradm.ru

БАРАНОВ А. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АБХАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЭТНИЗИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Глобализация коренным образом изменяет условия нациестроительства в современном мире. Казавшиеся аксиомами принципы национального суверенитета и территориальной целостности государств подверглись эрозии. Развитие политических систем, прежде всего стран с ограниченными ресурсами, в нарастающей мере зависит от внешнеполитических, а не внутренних факторов. Политическая наука и международные исследования совершенствуют понятийный аппарат и алгоритмы анализа феномена новых государств. От описаний непризнанных государств [12] эксперты переходят к выявлению операциональных критериев «государственной состоятельности» (stateness), к типологизации новых государств мира [10, с. 9–27]. С. Бартолини определяет «государственную состоятельность» как: создание организации для мобилизации ресурсов (бюрократии и налоговой системы); решение задачи внешней консолидации территории (формирование и укрепление армии); поддержание правопорядка с помощью систем юстиции и полиции; государственное регулирование экономики и социальной сферы [17, р. 234–245]. Добавим способность контролировать государственную территорию, обеспечить выполнение функций государства и его контроль над процессами в обществе.

Во внутривластическом аспекте новое государство должно эффективно контролировать свою территорию, рассматриваться как легитимное населением или хотя бы его большинством, обеспечивать безопасность и права граждан, иметь монополию на законное применение силы [2, с. 114–115]. Государственное строительство оценивается также по критериям институционализации [16, с. 32]. Для того чтобы его считать эффективным, формы поведения людей в обществе должны обрести устойчивость, воспроизводимость и значимость.

Выясним институциональное развитие системы государственной власти Абхазии. Используя Закон СССР от 3 апреля 1990 г., дававший право автономным республикам решать вопрос о своем статусе самостоятельно, Верховный Совет Абхазской АССР 25 августа 1990 г. провозгласил независимость республики [6, с. 110–112]. Принятие 25 августа 1990 г. Верховным Советом Абхазии Декларации о государственном суверенитете стало первым шагом в борьбе за независимость. Тогда же принято и Постановление о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии [15, с. 105–109]. В работе сессии Верховного Совета Абхазской АССР, принявшей постановление, участвовало лишь 72 депутата из 138. Созыв сессии сопровождался острыми разногласиями между депутатами – представителями абхазской и грузинской частей населения. Сессия приняла постановление 70 головами «за» в отсутствие более 60 депутатов [15, с. 105–109]. В постановлении о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии Грузия обвинялась в насильственном присоединении в июне 1918 г. Абхазии и ликвидации ее независимости. В постановлении говорилось: «Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры, существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны незаконными и недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в состав Грузинской Советской Социалистической Республики лишено правовых оснований, и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является Советская Социалистическая Республика Абхазия, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 31 марта 1921 года» [15, с. 105–106]. Ставился вопрос о восстановлении государственного статуса Абхазии, провозглашенного

31 марта 1921 г. Абхазской стороной подчеркивалось, что связи Грузии и Абхазии возникли в определенной исторической ситуации и потеряли силу вместе с исчезновением СССР.

Конституция Республики Абхазия, принятая Верховным Советом Республики Абхазия 26 ноября 1994 г., явилась оформлением непризнанного государства [9]. 3 октября 1999 г. в Абхазии проведен референдум об отношении граждан к действующей Конституции [1]. Как следует из Акта о государственной независимости Республики Абхазия (цифры, отражающие довоенную численность избирателей, вызывают сомнение), на день проведения референдума в Абхазии проживало 219 534 граждан, имеющих право голоса, т. е. 58,5 % довоенной численности избирателей. В голосовании приняло участие 87,6 % граждан, внесенных в списки, что составило более половины довоенной численности избирателей. 97,7 % проголосовавших одобрили действующую Конституцию [11].

Согласно Конституции и Закону Республики Абхазия о всенародном голосовании (референдуме), законодательная власть представлена Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия. Принятые Народным Собранием законопроекты представляются на подпись Президенту. Глава государства может вернуть законопроект с возражениями в Парламент. Если при повторном рассмотрении законопроект принят квалифицированным большинством, Президент обязан подписать и опубликовать его. Закон вступает в силу с момента его опубликования.

Исполнительную власть осуществляют Президент Республики Абхазия и Кабинет Министров Республики Абхазия. Выборы Президента осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 5 лет [8]. Президент руководит Кабинетом Министров, а также формирует его состав.

Специфика политической системы Абхазии вытекает из условий формирования государства. Прослеживаются элементы этнократии. Этнический характер власти подчеркивается в ст. 1 Конституции: «Республика Абхазия (Апсны) – суверенное, демократическое правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение» [9]. Президентом Республики Абхазия избирается лицо абхазской национальности, гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом [9]. Очень долгий период истории абхазы в Абхазии были в меньшинстве (и сейчас

их большинство относительное: по переписи 2003 г., абхазов 94 606 чел. – 43,8 % общей численности населения) [11]. Закрепление власти за этническими абхазами – проявление национализма, вызванное вооруженным конфликтом с Грузией и международной изоляцией.

В конституционном законе о выборах Президента Республики Абхазия записано: «Президентом Республики Абхазия может быть избран гражданин Республики Абхазия абхазской национальности, свободно владеющий государственным языком» [8]. Охранительная политика проявляется и в законе о гражданстве Республики Абхазии. Согласно его ст. 5 «гражданами Республики Абхазия являются: а) лица абхазской национальности (абаза); б) лица, постоянно проживавшие на территории Республики Абхазия не менее пяти лет на момент принятия Акта о государственной независимости Республики Абхазия от 12 октября 1999 г.; в) лица, которые приобрели гражданство Республики Абхазия в соответствии с настоящим Законом» [7]. Тем самым 50 тыс. грузин, возвращавшихся с середины 1990-х гг. в Гальский район, не являются гражданами Абхазии. В 2009 г. предпринята попытка законодательно изменить это положение. 31 июля 2009 г. парламентом Республики Абхазия внесены поправки к закону «О гражданстве Республики Абхазия». Гражданами Республики Абхазия становились «лица, возвратившиеся в Гальский район в места своего прежнего постоянного проживания...» [14]. Поправки вызвали бурю негодования оппозиционных сил. В результате депутаты отменили свое же постановление [13].

На обеспечение повышенного статуса абхазского языка направлен закон «О государственном языке Республики Абхазия», принятый в ноябре 2007 г. Он направлен на вытеснение других языков, в том числе русского, из политического процесса республики. Согласно ст. 2, «руководители государственных органов власти Республики Абхазия, руководители их структурных подразделений, депутаты Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия, руководители органов местного самоуправления обязаны владеть и пользоваться государственным языком Республики Абхазия с 2015 года» [3]. Всем жителям республики, не владеющим абхазским языком, придется изучать государственный язык, иначе они не смогут общаться с властями, которых ст. 6 Закона в рабочее время обязывает изъясняться только на абхазском языке. Половина эфирного времени и печатной площади всех действующих в республике СМИ должна быть занята материалами на абхазском языке.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Абхазия (ст. 259) земля находится в собственности государства. «Иностранному государству может быть предоставлено право пользования земельным участком в соответствии с межгосударственным договором... Купля-продажа, дарение, залог и самовольный обмен земельного участка запрещается» [5]. По законодательству иностранные граждане не могут покупать недвижимость и открывать бизнес, они могут только создавать совместные с абхазскими гражданами предприятия. 18 февраля 2010 г. Президент Абхазии С. В. Багапш сообщил, что правительство готовится разрешить россиянам покупать жилье. Граждане Абхазии могут приобретать собственность в России, а россияне в Абхазии нет. Планы Багапша вызвали резкую критику оппозиции. Одной из причин было различие платежеспособности местного и российского населения: после разрешения продаж жилья иностранцам цены на недвижимость станут недоступными для многих жителей Абхазии. Главным аргументом оппозиции стало то, что, разрешив россиянам покупать недвижимость, власти способствуют ассимиляции и постепенному исчезновению абхазского этноса. «Мы не для этого боролись за независимость последние 15 лет», – заявили оппозиционеры [4].

Итак, законодательство и институциональное строение государственной власти Абхазии направлено на укрепление государственности и политической этничности абхазов. Перед угрозой ассимиляции и для сохранения государственности органы власти Абхазии принимают законы, которые имеют во многом изоляционистский характер. Открытым остается вопрос о перспективах трансформаций политической системы Абхазии в условиях влияния зарубежного бизнеса и подготовки Сочинской Олимпиады 2014 г.

Литература

1. Акт о государственной независимости Республики Абхазия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abkhazia.gov.org.ru>
2. Большаков А. Г. Институционализация этнических вооруженных конфликтов как механизм формирования государственной состоятельности на постсоветском пространстве (на примере региона Южный Кавказ) // Полит. наука. – 2011. – № 2. – С. 105–124.
3. В Абхазии принят закон о государственном языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://abkhazv.com/news/language1.htm1>
4. Гогорян А. В Абхазии встревожены принятием закона о языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abkhazashia.com/news/617/6220/>

5. Гражданский Кодекс Республики Абхазия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.strana-mimoz.ru/files/zakon/gk-ra1.doc>
6. Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики. 25 августа 1990 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. – М., 2008. – С. 110–112.
7. Закон Республики Абхазия о гражданстве Республики Абхазия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abkhazia.gov.org/ru/state/citizenship/>.
8. Конституционный закон «О выборах Президента Республики Абхазия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abkhazigov.org/ru/president/status/elections.php>
9. Конституция Республики Абхазия.
10. Мелешкина Е. Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Полит. наука. – 2011. – № 2. – С. 9–27.
11. Население Абхазии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rabkhazia.html>
12. Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / под ред. И. П. Добаева, В. В. Черноуса. – Ростов н/Д : ИППК Ростов. гос. ун-та, 2005. – 228 с.
13. Парламент Абхазии отменил поправки в закон о гражданстве // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/aicles/157569>
14. Парламент Абхазии принял изменения в закон о гражданстве, оппозиция не согласна [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/aicles/157569>
15. О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии : постановление Верховного Совета Абхазской АССР 25 авг. 1990 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. – М., 2008. – С. 105–109.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
17. Bartolini S. Restructuring Europe / S. Bartolini. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2005. – 415 p.

БАШЕЛХАНОВ А. Ю.

ПРАВЫЕ КОНСЕРВАТОРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В БОРЬБЕ ЗА «ТРЕТИЙ ПУТЬ». УРОКИ ПРОШЛОГО

С самого начала образования постсоветской многопартийной политической системы в начале 1990-х гг. в стране и в Иркутской области заявили о себе политические силы правоконсервативной направленности, предлагавшие стране особый, «третий путь» развития «без коммунистов и либералов», который базировался бы на патриархальных ценностях русского народа: православии, самодержавии, народности.

Но в индустриальной стране возврат к «третьему пути» оказался сложной задачей, особенно в экономике, предложения по реформированию которой у правых консерваторов были нераз-

работанными. Что касается земли, то представители правоконсервативных политических сил, к которым относились иркутские национал-патриоты и монархисты, симпатизировали коллективным (общинным) формам хозяйства и допускали частную собственность на землю (без влияния иностранного фактора).

Исторически слабым местом правых консерваторов была их организационная рыхлость. Еще в дореволюционные царские времена наиболее массовая правоконсервативная организация, поддерживающая русского монарха, «Союз русского народа» не отличалась дисциплинированностью и просуществовала недолго. Другие правоконсервативные организации также не отличались сплоченностью. Невозможность создания сильной российской правоконсервативной организации в начале XX в. объяснялась во многом быстрым переходом экономики страны от традиционного аграрного общества к индустриальному (капиталистическому) обществу, рушившему все сословные ограничения и старые ценности.

В конце XX в. в период разрушения однопартийной коммунистической системы у возродившихся правых консерваторов появились новые вызовы идеологического и политического характера. У них не оказалось фигуры, вокруг которой им можно было объединиться. Последний российский монарх и его наследник были расстреляны большевиками в 1918 г. В движении возникло два направления: «соборники» и «легитимисты». Иркутские национал-патриоты относились к «соборникам» и выступали за созыв Земского собрания и выборы нового монарха «из народа». Монархисты (из иркутского монархического центра) относились к «легитимистам», поддерживая право на престол родственников последнего российского императора. До сих пор этот вопрос так и не разрешен в среде консерваторов. На двояких позициях по этому поводу находились члены «Народно-трудового союза» (НТС) – организации белоэмигрантов, легализовавшейся в стране в последний период советской власти.

Вопрос создания сильного государства также породил среди консерваторов разногласия. Все правые консерваторы выступали за «единую и неделимую» Россию, без деления по национально-территориальному принципу, а только на губернии (административно-территориальный принцип). Они исключали права малых народов на любую политическую автономию. Но в вопросе создания сильной России пути правых консерваторов снова разошлись. Национал-патриоты пошли на сотрудничество с коммунистами и поддержали в августе 1991 г. ГКЧП, выступившее за

сохранение СССР. Монархисты и НТС, напротив, объединились с либералами в борьбе против коммунистов. Однако в обоих случаях было понятно, что любая власть не пойдет на восстановление монархии. Это было просто невозможно сделать в бессословном, воспитанном на антимонархических настроениях обществе.

В новых условиях правоконсервативное движение в стране неоднократно делало попытки объединиться и стать мощной политической силой. Иркутские национал-патриоты поддерживали такие организации, как «Русское народное собрание», «Русский национальный собор», выступавшие за смену курса либеральных экономических реформ. Деятельность этих и других похожих организаций была не особенно заметной в регионе, тем более, что иркутские монархисты принципиально не вступали в них, не желая идти на конфликт с новой властью.

В условиях либеральных реформ начала 1990-х гг. и полеведения настроений россиян часть правоконсервативных организаций из тактических соображений шла на союз с коммунистами [1]. Но блоки правых консерваторов с коммунистами были недолговечными. Нескрываемая враждебность национал-патриотов к коммунистам (жесткая идеологическая критика, требования увечковечить последних российских царей и белогвардейских генералов, другие действия) делала невозможным их тесное сотрудничество. Обнаружилось и качество национал-патриотов в спорах с Москвой прибегать к угрозам территориального обособления, неприемлемое для коммунистов. Союзниками по лагерю с правыми консерваторами оказалась небольшая ультраправая националистическая организация молодых людей (национальное объединение русской молодежи), проявившая себя в борьбе с религиозными сектами, факельным шествием и даже поддержкой бастующих шахтеров [2]. Но эта организация не оставила заметного следа в политической истории Иркутска.

Летом 1993 г. на региональном уровне в Иркутске правоконсервативные силы объединяются в политический блок «Великая Россия», куда вошли национал-патриоты, монархисты, российские христиане, ультраправые националисты, движение бывших политзаключенных «Правительство национального единства» [3]. У блока даже наметилось сближение с частью иркутских социал-демократов и либералов. Но блок этот оказался непрочным. Национал-патриоты и монархисты вынуждены были снова выбирать между двумя противоборствующими силами, олицетворявшими, с одной стороны, советскую Россию и, с другой, – новую

либеральную Россию. В конфликте ветвей власти 1993 г. национал-патриоты поддержали Верховный Совет РФ, а монархисты – президента России Б. Н. Ельцина.

К выборам в первую постсоветскую Государственную Думу РФ 1993 г. правым консерваторам в отличие от коммунистов и либералов не удалось создать собственной сильной партии. Поэтому они поддерживали те партии, которые, по их мнению, отстаивали интересы России: ставшую во многом на консервативные позиции «Демократическую партию России», центристскую «Аграрную партию России», предпочитая дистанцироваться от идеологически радикальных партий. В это время обнаружилось, что жесткая патриотическая риторика, отстаивающая национальные интересы, но лишенная атрибутов сословного общества (религии, монархии, патриархальности), очень востребована, и эту нишу заняли не старомодные для многих избирателей консерваторы, а современная, имеющая харизматического лидера «Либерально-демократическая партия России». Вообще, в индустриальных и постиндустриальных обществах нишу консерватизма часто занимает национализм, в котором главным источником политической власти является нация, а не монарх. Антисемитские и антикавказские призывы не помогли правым консерваторам на местных выборах 1994 г. Но кое-где наметилось их сближение с ЛДПР.

На выборы в Государственную Думу РФ 1995 г. по стране консерваторы, как либералы и коммунисты, шли в разных блоках: «Конгресс русских общин» (КРО), «Союз патриотов», «Национально-республиканская партия», «Земский Собор», «Русская партия», «Блок Говорухина». Характерной особенностью практически всех этих объединений было их стремление объединить как можно больше патриотических сил, не исключая и коммунистов. Иркутские национал-патриоты вошли в состав КРО (здесь были левые патриоты, бывшие коммунисты) и составили конкуренцию левым иркутским патриотам, выступавшим за совмещение положительного опыта царской и советской России.

В результате окончательно вырисовывалось вынужденное тактическое сближение правых консерваторов с другими, более умеренными идеологиями левых патриотов и даже коммунистов-государственников. И, конечно, это не могло не отражаться на их собственной идеологии. «Третий путь» в его правоконсервативном понимании не воплотился в сильное политическое движение и, очевидно, нуждался в корректировке на современный манер.

Сегодня правые консерваторы не имеют своей партии и сотрудничают с другими политическими партиями, которые учитывают возросшее влияние церкви на общество, желание немалой части жителей сакрализировать политическую власть в мудром правителе. Тема реставрации монархии не редко поднимается в отечественных СМИ и находит своих сторонников. Но понятно, что в условиях глобализации, экономической интеграции возврат к старым ценностям невозможен. Даже восстановление института монархии с чисто символическими функциями на манер западных стран, может вызвать неоднозначную реакцию в российском обществе. В любом случае, возврат к прошлому невозможен.

Примечания

1. Российские патриоты православно-самодержавного направления. Надвигается сталинский режим // Рус. Восток. 1992. № 17. С. 1.
2. Прокопьев В. Наши выходят из подполья // Веч. Иркутск. 1994. 8–13 авг.
3. Заявление блока правых сил Иркутской области «Великая Россия» // Рус. Восток. 1993. № 13. С. 1.

БОЙКО Н. В.

ИТОГИ ВЫБОРОВ 2012 Г. В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ШТАТА УТТАР ПРАДЕШ В ИНДИИ

Индия на данном этапе своего развития представляет собой одно из самых больших демократических государств современного мира. Демократия в Индии полна неповторимых, своеобразных черт, позволяющих сочетать политические свободы с традиционной системой мануади¹ и династическим управлением (Неру-Ганди).

В стране действует многопартийная система, но не существует закона о политических партиях, есть только 52-я поправка к Основному закону 1985 г. Государство почти не регулирует партийную деятельность в стране. Все эти факторы позволяют существовать в стране свыше 3 тыс. партий, на выборах в органы штатов иногда участвуют более 300 партий. Большинство существующих партий региональные. В Индии, несомненно, существуют партии, имеющие статус национальных (всеиндийских). Число таких партий не превышает пяти-семи, так как для получения такого статуса партиям необходимо получить 4 % или более го-

¹ Мануади – иерархическая кастовая система в Индии.

лосов на выборах в Лок Сабх (нижняя палата парламента) не менее чем в четырех штатах страны. К национальным партиям можно отнести: Индийский Национальный Конгресс (Индиры) ИНК (И), партию Джаната Дал (ДД), партию Бхаратия Джаната (БДП), Индийский Национальный Конгресс (социалисты) ИНК (С), Коммунистическую партию Индии (КПИ), партию Бахуджан Самандж (БСП).

Индия – это федеративное государство, которое стоит на столбах автономии штатов, в связи с этим региональный компонент в политике играет ключевую роль. Все пеструю, контрастную многоуровневую политическую жизнь в стране лучше начать рассматривать с политических позиций штатов. Больше всего подходит на эту роль самый густонаселенный (около 200 млн человек) и консервативный штат в стране Уттар Прадеш. Штат интересен тем, что проживающее там население составляет почти 80 % далитов² всей страны.

В Уттар Прадеш с 8 февраля по 3 марта 2012 г. проходили выборы в законодательное собрание штата. Итоги выборов разительно отличаются от предыдущих в 2007 г. Чаша политических весов накренилась в абсолютно противоположную сторону. В региональной политике штата выделяют две силы тяжести: партию Бахуджан Самандж под руководством одной из известнейших женщин-политиков страны Маявати Кумар, и партию Самаджвади (ее лидер – Муляам Синг Ядав). В 2007 г. победу одержала партия БСП, которая и сформировала правительство штата, а лидер партии Маявати стала главным министром штата Уттар Прадеш.

БСП является центристской национальной политической партией с социалистическим уклоном, электоратом этой партии выступают далиты и религиозные меньшинства страны. Самаджвади представляет собой центристскую региональную партию с демократическо-социалистической идеологией, в основном представляющую интересы целевой группы под официальным названием – «прочие отсталые классы» (OBCs) и мусульман.

Адресная база партии БСП намного значительнее по двум факторам: во-первых, партия с момента основания активно выступает за квотирование в парламенте и резервирование рабочих мест для всех далитов; во-вторых, партия ставила перед собой за-

² Далиты (неприкасаемые) – термин ввел Амбедкар, Махатма Ганди называл таких людей «хариджане», буквально «божьи дети», а в официальных документах фигурирует термин «зарегистрированные касты».

дачу привлечения голосов из высших каст и позиционировала себя как защитника всех униженных и притесненных. Это, несомненно, помогло на выборах в законодательное собрание в 2007 г., так как интересы «неприкасаемых» находятся в остром противоречии, практика резервирования рассчитана на весь контингент населения, которое постоянно увеличивается в штате в связи с демографическим бумом в стране. Поэтому партии постоянно без проблем играют на этом факте и получают выборные голоса, не прилагая особых усилий. В 2007 г. партия БСП выставила от своей партии рекордное количество кандидатов от «неприкасаемых» из различных каст³ и мусульман. Это позволило в 2007 г. партии выиграть 206 мест из 403 в ассамблее штата, Самаджвади в 2007 г. получила только 97 мест.

В 2012 г. в списках партии БСП фигурировало 117 кандидатов из числа представителей высших каст, 74 из которых являются браминами⁴, список кандидатов из далитов равнялся 201 человеку. Что, несомненно, повлияло на результаты выборов: штат с сильным политическим кастеизмом, электорат из представителей низших каст просто не могли проголосовать за кандидатов из высших каст, это противоречит традиционности индийцев и их менталитету.

Время избирательной кампании в 2012 г. ознаменовалось серией крупных коррупционных скандалов, связанных с Маявати и членами партии БСП. Маявати была обвинена в продаже партийных списков на выборах, на что главный министр штата ответила, что это «политические нападки и инсинуации» [1]. Центральное бюро расследований объявило, что существуют «веские доказательства» против главного министра Маявати о непропорциональности активов для общественной деятельности партии [2]. Подобное же дело возбуждено и в отношении лидера партии Самаджвади [3]. Коррупционный негатив в отношении БСП усилен действиями Маявати на посту главного министра штата – растратой бюджетных денег на строительство парков и возведение статуй видных далитов, таких как Амбедкар⁵ и Канши Рам⁶.

³ Неприкасаемые (далиты) не являются однородной кастой, это общее наименование ряда каст, разделенных по традиционным видам деятельности их представителей, а также по местности их проживания.

⁴ Брамин (брахман) – член высшей Варны индуистского общества, аналог европейского духовенства.

⁵ Амбедкар Бхимрао Рамджи (1891–1956) – индийский политический деятель, юрист, лидер движения «неприкасаемых». Маратх по национальности. Учился в университетах Индии, США, Германии, Англии. Получил степень доктора экономики и коммерции. В политическую деятельность включился с конца 20-х

Оппозиционные партии также подвергли публичной критике правительство штата за отказ в выполнении приказа Верховного суда о прекращении строительства мемориала ценою в сотни тысяч бюджетных рупий.

В избирательной кампании 2012 г. Самаджвади взяла на вооружение некоторые приемы БСП, в избирательный манифест партии были включены положения о резервировании мест для меньшинства, снижении займов до 4 % для мелких фермеров. Мулаям Синг Ядав свою кампанию строил с самого начала на критике правящей партии БСП и обещаниях «бороться с коррупцией и зверствами людей» [4].

Генеральный секретарь ИНК (И) Рахул Ганди провел яркую политическую кампанию в штате, совершил ряд поездок по самым бедным районам штата, в национальной одежде. Конгресс обещал решить вопросы коррупции, безработицы и поднять штат на среднеиндийский уровень развития. Ганди изначально не рассчитывал на победу. Сторонники конгресса утверждали, что если получится утроить результат выборов в 2007 г., где партия набрала только 22 места, то для нее могут еще настать светлые времена в предстоящих выборах в 2014 г. в Лок Сабх. Но ожидания ИНК (И) не оправдались, количество мест увеличилось только на 6 пунктов и составило в итоге 28 мест в законодательном собрании штата. Снижение индекса голосов в ключевых штатах страны является плохим знаком для партии. В будущем только объединение в коалиционный блок поможет заполучить достаточно мест в Лок Сабхе для влияния на государственную политику в стране, но коалиционные правительства никогда не отличались устойчивостью и длительностью нахождения у власти.

Партия Бхаратия Джаната – национальная партия с идеологией хиндутвы⁷, бессменным руководителем партии является

гг. Выступал против кастовой системы. Представляя верхушку «неприкасаемых», возглавлял различные политические организации низших каст (Ассоциацию угнетенных каст). Сторонник М. Ганди, принадлежал к правому крылу национального движения. После завоевания Индией независимости входил в правительство министром юстиции (1947–51). Один из авторов индийской конституции (1950). Амедкару принадлежат многие работы – главным образом об индийских кастах.

⁶ Представитель далитов боролся за права угнетенных, в 1984 г. основал новую партию Бахуджан Самадж.

⁷ Хиндутва – движение, проповедующее индуистский национализм. Основоположник идеологии – Вир Саваркар, широкое распространение в 20

Атала Бихари Ваджапай. Так же как и ИНК (И), центральный офис партии находится за пределами штата Уттар Прадеш. Политическая кампания партии не отличалась яркостью и запоминающимися обещаниями: борьба с коррупцией, создание следственных комиссий для расследования действий предыдущего правительства штата, увеличение рабочих мест до 1,5 крор⁸ за пять лет. Избирательная база БДП представляет собой фермеров, мелких торговцев и, конечно, представителей хиндутвы. Снижение мест в ассамблее на 4 пункта в 2012 г. несильно ударило по партии, так как ее адресная база не сочетается со штатом Уттар Прадеш. Фермеры и торговцы – представители каст более высокого положения, чем далиты, поэтому в распоряжении БДП остались националисты штата.

Явка избирателей в 2012 г. порадовала, она составила 59,5 %, тогда как в 2007 г. – только 46 %. В 2012 г. 223 партии выдвинули своих кандидатов на выборы, а в 2007 г. – 131. Происходит несомненный рост интереса к выборам как избирателей, так и региональных политических блоков, вследствие чего с каждым годом увеличивается конкурентность между партиями (табл.).

Таблица

Партии	2007 г.	2012 г.
Партия Бахуджан Самандж	206	80
Самаджвади	97	224
Партия Бхаратия Джаната	51	47
Индийский Национальный Конгресс (И)	22	28

При анализе итогов выборов можно сделать вывод, что победа партии Самаджвади в основном заключается в проигрыше партии БСП. Даже достаточно плодотворная деятельность Маявати на посту главного министра штата, обусловленная ростом инвестиций в штате, строительством инфраструктур, снижением младенческой смертности, не помогла сгладить негатив, связанный с коррумпированностью в правительстве штата. Партия Самаджвади и БСП имеют одну адресную базу и идеологически схожи, и вполне логично, учитывая кастеизм в политике Индии, что отколовшиеся голоса избирателей партии БСП перешли к партии Самаджвади, а не к другим партиям. ИНК (И) неуклонно

политике идеология получила в конце 1980-х гг.

⁸ Индийская система нумерации, где 1 крор равен 10 млн.

теряет доверие в штате, и могущественная династия Неру-Ганди может больше и не взойти на политический олимп в качестве премьер-министра страны. Самаджвади победила с абсолютным большинством и отстранила от власти БСП, так же как пять лет назад партия БСП сделала это с Самаджвади. Партия будет формировать правительство штата и государственную политику на протяжении будущих пяти лет. Во главе штата на должность главного министра присягнул Акилеш Ядав, сын лидера партии Самаджвади. Возможно, сейчас мы становимся свидетелями зарождения новой политической династии в стране. Нередко штат Уттар Прадеш называют «ключами от Индии», и сейчас эти «ключи» находятся в абсолютном владении партии Самаджвади.

В 2012 г. выборы в законодательное собрание штатов проходили также в штатах Гоа, Пенджаб, Манипур и Уттаракханд. Во всех 5 штатах происходило резкое снижение голосов у партии БСП и ИНК(И). В штатах Уттаракханд, Гоа и Пенджаб ИНК (И) потерял ровно половину мест в законодательном собрании, а БСП в штате Уттаракханд с 70 мест в 2007 г. опустилась до 3 мест в 2012 г. Руководителям партий предстоит сделать незамедлительные выводы по итогам выборов. Выборы в Уттар Прадеш – это предвестник того, что грядет в индийской политике в 2014 г. при выборах в Лок Сабху, которые, несомненно, будут интереснее и более захватывающие, чем прошедшие.

Литература

1. Mayawati rejects Jairam's charges, writes to Manmohan Singh [Электронный ресурс] // Sify.com.

URL: <http://www.sify.com/news/mayawati-rejects-jairam-s-charges-writes-to-manmohan-singh-news-national-lk2tkebebbb.html>.

2. Strong evidence against Mayawati in disproportionate assets case: CBI tells Supreme Court [Электронный ресурс] // Indiandefence. – URL: <http://www.indiandefence.com/forums/f31/strong-evidence-against-mayawati-disproportionate-assets-case-cbi-tells-supreme-c-11042/>

3. SC pulls up attorney general for 'supporting' Mulayam in assets case [Электронный ресурс] // India Today. – URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/sc-pulls-up-attorney-general-ge-vahanvati-over-mulayam-assets-case/1/129175.html>.

4. Mulayam slams Maya, mum on Cong [Электронный ресурс] // Indian Express. – URL: <http://www.indianexpress.com/news/mulayam-slams-maya-mum-on-cong/897527>.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (1964–1991 гг.)

Региональная технократическая элита являлась частью партийной номенклатуры. Кадровые передвижения ее представителей во многом зависели от партийной бюрократии. Однако жесткая кадровая зависимость хозяйственных руководителей от партийных органов на практике оказывалась далеко не так очевидна, как вытекало из сложившейся кадровой практики.

Система кадровых назначений в Советском Союзе всегда являлась прерогативой партийной бюрократии, но ее реальные, а не декларативные принципы являлись секретом за семью замками, да, к тому же, покрытыми неким флером таинственности, сакральности, мистицизма.

Механизм назначений на руководящие хозяйственные должности значительно отличался от подбора и расстановки кадров в системе политических и общественных организаций. В его основе лежали не только стандартные для любого советского руководителя требования: политическая лояльность, преданность делу социализма, человеческая скромность, уважение к товарищам по работе, но и технические знания, опыт руководства организациями и учреждениями технического профиля. Этот опыт для части хозяйственных руководителей становился опорой в партийно-бюрократической карьере.

Прежде чем стать директором завода, управляющим трестом или начальником железной дороги, каждый руководитель прошел множество ступенек кадрового роста, приобрел необходимый образовательный ценз, поучаствовал в работе комсомольской и партийной организации. Назначению на руководящую должность предшествовал целый ряд обязательных процедур, согласований в вышестоящих инстанциях и партийных органах.

Для того чтобы тот или иной претендент получил пост руководителя, должны были найти консенсус как минимум две структуры: центральная в лице соответствующих главка и министерства и местная – региональный комитет КПСС. И в той и в другой также существовал собственный алгоритм выбора и продвижения кандидатуры. В руководящих партийных и хозяйственных органах существовала так называемая номенклатура должностей – система контроля, мониторинга за движением кадров. Номенклатуры должностей любого из региональных комитетов КПСС в

1960–80-е гг. мало чем отличались друг от друга. В них входили должности, подотчетные многочисленным отделам комитетов партии. Например, в основной номенклатуре Иркутского обкома КПСС в 1966 г. насчитывалось 1077 должностей. Из них 152 (14,1 %) приходились на промышленность, строительство и транспорт [1].

По линии Министерства тяжелого и транспортного машиностроения СССР в основную номенклатуру входили директора Иркутского завода тяжелого машиностроения и Черемховского машиностроительного завода; Министерства цветной металлургии – директора Иркутского и Братского алюминиевых заводов, Усольского завода горного оборудования, ПО «Лензолото»; Министерства путей сообщения – начальник управления Восточно-Сибирской железной дороги, его первый заместитель и три начальника отделений ВСЖД: Иркутского, Нижнеудинского и Тайшетского.

Оборонный отдел также имел своих подконтрольных в номенклатуре обкома партии: руководителей иркутских машиностроительного (ныне авиационного) и релейного заводов, завода радиоприемников, «Востсибэлемента» (г. Свирск).

Весьма многочисленным номенклатурным отрядом технической элиты Иркутского обкома КПСС являлись строители. Это неудивительно, учитывая, какую роль играла строительная отрасль в экономике области в 1960–80-е гг. и какие стройки международного и всесоюзного значения велись на ее территории. В номенклатуру обкома входили начальник Главвостоксибстроя и его заместители, управляющие строительными и монтажными трестами, руководители Ангарского управления строительства, их структурных подразделений.

Номенклатура Красноярского крайкома КПСС этого периода по своей структуре немногим отличалась от аналогичной номенклатуры соседней территории. Экономический потенциал края был выше, чем у Иркутской области, партийная организация Красноярского края по численности превосходила соседнюю и, соответственно, различных предприятий, учреждений и организаций, руководителям которых требовалось «всевидящее партийное око» было больше.

В основную номенклатуру Красноярского крайкома КПСС в 1965 г. входила 1 261 должность, в учетную – 508. Напрямую по промышленно-транспортному отделу, отделу химической промышленности, легкой и пищевой промышленности, лесной и

деревообрабатывающей промышленности, отделу строительства входили 214 должностей по основной (16,97 %) и 140 (25,9 %) по учетной номенклатуре [2].

В разрезе конкретных предприятий ситуация выглядела следующим образом. В основную номенклатуру крайкома входило сразу пять руководителей угольной отрасли края: начальник и главный инженер комбината «Красноярскуголь», управляющий трестом «Хакасуголь», начальники Назаровского, Ирша-Бородинского угольного разрезов. Сообразно значению отрасли для экономики края была представлена черная и цветная металлургия: начальник, главный инженер и заместитель начальника по кадрам Норильского горно-металлургического комбината, директор Красноярского алюминиевого, Ачинского глиноземного завода, завода «Сибэлектросталь» и др.

Из системы РЭУ «Красноярскэнерго» в основную номенклатуру были включены должности управляющего РЭУ, директоров Красноярских ГЭС, ТЭЦ, Назаровской и Бородинской ГРЭС; в учетную – главные инженеры этих же предприятий [3].

Как мы уже отмечали ранее, номенклатура существовала не только в системе партийного аппарата, но и в министерствах и ведомствах. Кандидатуры, рекомендованные для включения в резерв на выдвижение, согласовывались с местными партийными организациями. В отдельных случаях в резерв кадров включались молодые, перспективные специалисты, имеющие сравнительно небольшой опыт работы на предприятиях, с которыми проводилась необходимая работа по подготовке и перемещению по службе с предварительным теоретическим обучением и практической стажировкой на руководящих должностях [4].

Большая часть хозяйственных руководителей входили в номенклатуру сразу нескольких партийных инстанций. Например, в 1970-е гг. начальник Красноярскгэсстроя входил одновременно в номенклатуру Дивногорского ГК КПСС, Красноярского крайкома КПСС и ЦК КПСС. В номенклатуру различных отделов ЦК КПСС технического профиля в 1970 г. входило 85 должностей хозяйственных руководителей Красноярского края. Среди них: начальник и главный инженер комбината «Красноярскуголь», директора заводов цветных металлов и Красноярского алюминиевого завода, директор и главный инженер Норильского горно-металлургического комбината, директора Ачинского глиноземного завода, управляющий РЭУ «Красноярскэнерго», директор Красноярской ГЭС, начальники Енисейского речного пароходства,

Красноярского управления гражданской авиации, объединений «Красноярслеспром», «Красноярслесозэкспорт», Главкрасноярскстроя, Управления строительства Красноярской ГЭС и мн. др. [5].

Система коллективной ответственности при назначении на руководящие должности существовала не только на уровне партийных органов, но и в самих министерствах. Наиболее значимые кадровые вопросы здесь, пусть и на формальном уровне, решались не министром, а коллегией. Документы по представляемой кандидатуре традиционно готовило Управление кадров министерства и, следовательно, оно несло свою долю психологической и организационной ответственности за принятое коллегией министерства решение. Поэтому в протоколах заседаний коллегии Министерства лесной, целлюлозно-бумажной, лесозаготовительной промышленности можно увидеть различные варианты назначений и увольнений, касающихся организаций, расположенных на территории Восточной Сибири.

На коллегии 12 ноября 1983 г. рассматривался вопрос о замене руководителя одного из крупнейших в стране лесозаготовительных объединений – Красноярслеспрома. Действовавший начальник ВЛПО «Красноярслеспром» А. А. Емельянов не устраивал министерство из-за постоянного невыполнения основных плановых показателей, а крайком – из-за некоторых проблем бытового характера. Однако официальное решение коллегии звучало вполне нейтрально: «Принять предложение Управления руководящих кадров и учебных заведений и Главного управления лесозаготовительной промышленности об освобождении Емельянова Анатолия Александровича от должности начальника ВЛПО “Красноярслеспром” в связи с переходом на другую работу». «Принять предложение Управления руководящих кадров и учебных заведений и Главного управления лесозаготовительной промышленности об утверждении Кириллова Игоря Александровича начальником ВЛПО “Красноярслеспром”» [6]. Следует отметить, что до своего нового назначения И. А. Кириллов возглавлял отдел лесной и деревообрабатывающей промышленности крайкома КПСС. Общее понимание ситуации в отрасли, опыт руководящей партийной работы, хорошее чувство экономической и политической конъюнктуры позволяли И. А. Кириллову оставаться во главе отрасли до начала приватизации объединения, т. е. до 1993 г., а затем еще более десятка лет руководить самым крупным лесным холдингом Красноярского края акционерной компанией «Енисейлес» [7].

19 ноября 1983 г. состоялась очередная коллегия Минбумпрома СССР, на которой решался вопрос о кадровом усилении Всесоюзного промышленного объединения «Союзцеллюлоза». По предложению М. И. Бусыгина, формирующего новую команду министерских управленцев, на должность заместителя начальника – главного инженера ВПО «Союзцеллюлоза» был назначен генеральный директор Усть-Илимского ЛПК А. М. Сенченко. Выбор министра понятен, с А. М. Сенченко он работал на Усть-Илимском ЛПК, хорошо знал его по Байкальскому целлюлозно-бумажному комбинату. Перевод А. М. Сенченко в Москву не вызвал особых возражений и у Иркутского обкома партии, так как на этот момент в Усть-Илимске были люди, способные заменить его без особых последствий для производственной деятельности комплекса [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что назначению на ответственную должность предшествовал этап сложных согласований. В обязательный пакет условий назначения входили: наличие должности в номенклатурах регионального партийного комитета и министерства, представление партийного комитета города, на территории которого располагалось предприятие, предложение управления министерства, отвечающего за кадры и министерской структуры, курирующей производственную деятельность предприятия, организации, соответствующие характеристики, устные переговоры партийных и хозяйственных инстанций.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 73. Д. 77. Л. 25–26.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 36. Д. 16. Л. 248.
3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 16. Л. 258.
4. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109. Д. 109. Л. 2.
5. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 198. Л. 81–106.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 732. Оп. 2. Д. 2687. Л. 121.
7. Стыврин В. Лесной комплекс. Что дальше? (интервью с И. А. Кирилловым // Краснояр. рабочий. – 2003. – 6 февр.
8. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 2. Д. 2687. Л. 125–126.

РОССИЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОСТЬ

Генезис русской национальной идеологии в духовно-политической мысли связан с возникновением и развитием Древнерусского государства. Развитию русского духовно-политического мышления и национальной идеологии способствовали принятие христианства, распространение письменности и активная политико-правовая жизнь государства в XI–XII вв. Христианство дало прочную основу государственной власти. Выбор восточного христианства, византийского православия Древней Руси в качестве государственной религии определил особенности развития государственности и идеологии. Уже в XI в. появляется осознание богоизбранности русских, уравнивавшее их с византийцами, претендовавшими на политическое господство в Восточной Европе. В политической мысли Древней Руси особое место заняли темы церковно-государственной независимости, суверенитета Российского государства, концепция государя-самодержца. Фундаментальной политической идеей в отечественной мысли явилась идея великодержавности, которая прошла через всю последующую российскую идеологию и отголоски которой слышны до сих пор. Русская национальная идеология, выраженная в отечественной духовно-политической мысли, явилась программой становления Русского государства X–XV вв.

Русская государственная идеология, разрабатываемая в отечественных политических концепциях XVI–XVII вв., явилась следствием и в свою очередь обоснованием укрепления России как суверенного централизованного государства

Обоснование самодержавия опиралось не только на ранее развитые принципы иосифлянства, но и на концепцию «Москва – третий Рим» псковского старца Филофея, явившегося в то же время сторонником иосифлянского течения по своей идеологической направленности. Его учение развивало и уточняло главные иосифлянские идеи о природе царской власти, ее назначении, взаимоотношении с подданными и церковной организацией, государственной идеологии.

Идеология Москвы как третьего Рима не только способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, повышала авторитет и престиж России как на

международной арене, так и, что более важно, внутри страны – в качестве мощного фактора развития русско-российского сознания и самосознания.

Объединенному суверенному Российскому государству более не соответствовала такая форма власти, как раннефеодальная монархия. Возникла необходимость в изменениях организации власти, государственного устройства, новых формах их обоснования, политической и национальной идеологии. В духовно-политических произведениях того времени разрабатывалась не только апология абсолютизма, одной из основных тем становится идея религиозного и исторического возрождения России, православных народов.

Важнейшим этапом эволюции национального самосознания явился церковный раскол, послуживший идейно-политическим основанием церковной реформы, а также период смутного времени, в результате которого в 1613 г. был созван Земский собор, избравший на царство сына патриарха Филарета Михаила Романова, связанного с прошлой династией родственными узами. Родство с патриархом символически утверждало священный характер царя Михаила, делало его выразителем интересов всего православного народа. В период Смутного времени оформился идеал «прирожденного царя», ставший на века опорой русского самодержавия и впервые нашедший глубокий отклик в народе.

Во второй половине XVII в. в России произошло становление национальной модели абсолютизма – российского самодержавия как особого этапа в развитии российской государственности. Произошло окончательное закрепление царского статуса российских государей. По мере укрепления организующего центра, происходит укрепление национальной идеологии, которая выражалась в религиозных реформах, по поводу которых велась ожесточенная борьба. Была осознана важность самой миссии России, выдвигавшейся в качестве национальной стратегии. Шло формирование русской нации. Понимание происхождения и сущности самодержавной царской власти, представление об идеальном православном государе, о божественном происхождении монаршей власти, учение о преемственности власти русских царей от византийских императоров и римских цезарей, роль Русской православной церкви в укреплении российской государственности становятся основными темами в отечественной политической мысли XVII в. Таким образом, русская национальная идеология, разрабатываемая в отечественных политических кон-

цепциях XVI–XVII вв., во многом способствовала укреплению России как суверенного централизованного государства.

К началу XVIII в. тенденция к превращению сословно-представительной монархии в абсолютную стала определяющей в практике реализации верховной власти. Русская национальная идеология формируется как основа идеологии самодержавной власти Российской империи. Организация государственной власти и система управления подверглись существенным изменениям. Наиболее радикальной переменной было изменение отношения самого царя к государству. Он впервые заявил о себе не как о хозяине вотчины под названием Россия, он считал себя на службе у Российского государства.

В эпоху Петра Великого была осуществлена одна из самых великих трансформаций истории России, а именно планомерное и радикальное включение страны в систему мировой – в тот период западноевропейской – материальной и духовной культуры. Эти преобразования затронули не только экономику, политику, военное дело, но и духовный мир человека, его национальное самосознание. Петровские реформы способствовали формированию социально-экономических, политических, идеологических и духовных основ абсолютной монархии в России. В этот период было дано рационалистическое обоснование идеи божественного происхождения верховной власти, сформулирована официальная доктрина самодержавия.

Сложные процессы в политических и национальных отношениях, в которые была втянута Россия в XVIII в., стимулировали развитие национального самосознания русского народа, осознание им величия своего государства, объединившего множество народов и добившегося громадных успехов. Русское национальное самосознание из формы национальной психологии выросло до уровня идеологии и культуры, открыло дорогу процессу национального самопознания.

Особенности развития Российского государства определили то, что русское национальное самосознание во многом носило имперский характер. Лица нерусских народностей, населявшие территорию Российской империи, именовались «иностранцами». Царское правительство не желало замечать накопившихся противоречий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд «русских», и не считалось с наличием украинского и белорусского языков. События XVIII в. резко изменили положение России в системе европейских стран и са-

мосознание русского народа. Вместе с тем они заложили глубокие противоречия в государственных и национальных отношениях, народном самосознании, во многом не разрешенные до сих пор. В этот период обозначается тенденция поисков обоснования национального самосознания вне прежней церковной идеологии. Здесь мы находим секуляризованный национализм, соединенный с гуманизмом. Уже не Святая Русь, а Великая Русь вдохновляет их. Идея величия России проходит через все политические произведения той эпохи.

Обращение к «русской идее» как смыслообразующему понятию происходит в первой половине XIX в., когда Россия впервые из страны, постоянно борющейся за выживание (выход к морям, преодоление континентальной изоляции), превратилась (после победы над Наполеоном, создания «священного союза») в своеобразную сверхдержаву XIX в. Это изменение позиции России в мире вызвало рефлексию по поводу новых конституционных оснований ее социально-политического и общественно-культурного бытия. В конечном итоге эта рефлексия приобрела форму «русской идеи» со своим проблемным полем и направлениями ее исследования.

Таких направлений выявляется три. Первое рассматривает «русскую идею» в соответствии с формулировкой Соловьева и Бердяева как метафизическую реальность («замысел Бога о России»), никогда не совпадающую с реальностью исторической. Это направление опирается на христианское миропонимание, его представления о мире, человеке, обществе. Второе рассматривает «русскую идею» как определенный интеллектуальный комплекс идей, тем и проблем, одинаковых по содержанию, но разными мыслителями по-разному трактуемых. При этом русские мыслители с различной долей полноты обладают одинаковой формальной структурой мысли, типом мышления, ментальностью, относящих их именно к русской общественной мысли. Третье рассматривает «русскую идею» как политическую, выражающую воинствующий антиевропейский национализм. В конечном счете, «русская идея» здесь выступает символом обреченности России, предпринимающей попытки создать новую цивилизованную модель.

В проблемном поле «русской идеи» важнейшими понятиями были понятия соборности как единства всех слоев русского общества для блага Отечества, православия, понимаемого не только как религия, но и как представление о смысле жизни, добре и зле,

милосердии, любви и т. п., всемирной отзывчивости, тяги к единству народов, национальной самокритики.

Основные проблемы, объединенные понятием «русская идея», включили в себя: 1. Любовь к России, к Родине – характер русского, российского патриотизма. Патриотизм как пробуждение национального самосознания, его исторические фазы и роль в «национальной идентификации» россиян. 2. Историческая миссия России и ее народа. Утверждение о русском народо-мессии, возрождение идеи о России как «третьем Риме». 3. Исторический путь России, его своеобразие и его пересечение с путями других народов, стран, регионов: а) Россия и Запад, б) Россия и Восток. Россия как Евразия. 4. «Русская душа», или специфика национального характера российского народа. 5. Своеобразие российской национальной культуры. Национальные ценности и ценности общечеловеческие. 6. Российская государственность. Специфика решения проблем государства, свободы, права, демократии, реформ и революции в России.

Вопрос о путях развития России особенно остро волновал российское общество в переломные периоды развития государства. В XX в. передовая русская интеллигенция занималась поисками теории, адекватной сути общественных процессов, происходивших в это время в России, создавала философско-политические концепции о судьбе и роли России в мировой истории. «Русская идея» рассматривалась русской интеллигенцией как возможный своеобразный путь развития России, но с новым содержанием, новыми задачами и методами, соответствующими данному этапу развития российской государственности.

Таким образом, «русская идея» явилась отражением поисков путей развития российского государства XIX – начала XX в., идейно-политической доктриной, некой основой российской идеологии, концепцией о судьбе России.

«Русская идея», пройдя долгий путь формирования, сегодня приобретает значение важнейшей проблемы, поскольку и сегодня актуальна мысль о восстановлении утраченных ценностей, выхода России из цивилизационного тупика. Задача государства на современном этапе развития – создать российскую национально-государственную идеологию, основанную на историческом опыте и национальных ценностях, которая смогла бы объединить общество на основе общих духовно-нравственных приоритетов, разделяемых большинством населения, и явиться духовно-политической основой государственной целостности России.

Актуальность определения российской национально-государственной идеологии как основы государственной целостности России связана с тем, что ее позитивное определение должно способствовать решению серьезной проблемы государственной целостности России, вызванной потрясением основ российского общества в 90-е гг. XX в. Однако угроза потери национальной самобытности России сохраняется и ныне. Причиной этого является сохраняющийся опасный для многополярной России дисбаланс векторов цивилизационного развития. Поэтому крайне важно сегодня выделить ведущие мотивационные установки единства государства, единства нации и культуры. Экономические и политические «скрепы» в условиях всеобщей глобализации становятся, наоборот, факторами, подрывающими национальную безопасность общества, социокультурной таксономической единицы человечества.

Российское государство возникло и сформировалось как многонациональное и многоконфессиональное государство, в котором каждый народ имеет свой менталитет, обычаи и традиции, сложившиеся в течение столетий и отразившиеся в национальных идеологиях, как системе духовно-нравственных ценностей. Однако в России, говоря словами В. Путина, «при всем обилии взглядов, мнений... были и есть общие ценности, ... которые сплачивают и позволяют называть нас единым народом» [2, с. 4].

«Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер... Одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие» [3].

Анализируя причины сложившейся ситуации в нашей стране и странах СНГ, В. Путин говорит: «Наши национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически – большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII в. С неизбежно последовавшей за этим деградацией государственных, социальных и экономических институтов. С громадным разрывом в развитии на постсоветском пространстве... С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах – и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить» [3].

Именно об этом особом характере русской государственно-сти писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблости,

всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [1, с. 87].

В. Путин в своей статье «Россия: национальный вопрос», определяя место и роль русского народа в системе межнациональных отношений России, пишет: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура... Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию... Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности...» [3].

Анализируя перспективы развития национальной политики в России, В. Путин предложил: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любимый человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [3].

Во все периоды становления, формирования и развития Руси, Российского государства и Советского Союза, каждый из которых имел свои характерные особенности развития духовно-политических, социально-экономических отношений, существовала единая российская государственность, основанная на историческом опыте и системе духовно- нравственных ценностей народов, ее составлявших, характеризовавшаяся преемственностью и изменявшаяся в зависимости от политических и исторических задач, стоявших перед страной, но всегда остававшейся основой целостности России.

Литература

1. Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи / И. Ильин. – М., 2005.
2. Послание Президента Российской Федерации Путина В. В. Федеральному Собранию Российской Федерации «Государство Россия. Путь к эффективному государству» от 8 июля 2000 г. // Рос. газ. – 2000. – 11 июля.
3. Путин В. В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В ДИАЛОГЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях модернизации политической системы российского общества и нарастания волны политической активности «особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение» [1]. Именно поэтому «одна из первостепенных задач трансформации политической системы в интересах инновационного развития задач трансформации политической системы в интересах инновационного развития – реанимация эффективной обратной связи» [2].

Принцип обратной связи является фундаментальным принципом всякого управления, в том числе политического. У истоков этой теории стоит Н. Винер. Л. А. Петрушенко под управлением посредством обратной связи в сфере кибернетики понимал «связь между управляемыми и управляющими для передачи осведомительной (или контролируемой) информации от управляемого устройства к управляющему и вместе с тем один из элементов управления обратной связью» [3]. О. Н. Шабров принцип обратной связи рассматривает как важнейший элемент в механизме политического управления. Научный аппарат кибернетической науки он применил для создания так называемой политической кибернетики, в которой особая роль принадлежит политической обратной связи. По мнению этого авторитетного политолога, применение системно-кибернетического подхода к анализу политических явлений «отвечает представлению о демократии как норме политической организации общества в связи с акцентуацией принципа обратной связи... В политическом управлении обратная связь выступает как контроль “снизу” за субъектом политического управления... и расширение сферы влияния... партий, групп интересов, независимых СМИ... на органы политической власти». Применительно к политике «процесс институционализации обратной связи» можно рассматривать как важнейший показатель уровня политического и демократического развития общества [4].

Процесс демократизации страны и диалогизация общественно-политических отношений проявляют себя в возникнове-

нии и становлении новых политических и общественных институтов, тесно взаимодействующих друг с другом с помощью новых средств, методов и приемов массовой политической коммуникации. В том числе с помощью институционализирующегося социально-политического диалога, тем более что в условиях демократии «публичная сфера политики – это, прежде всего, институционализация политических диалогов» [5].

Поскольку диалог в отличие от монолога – это субъект-субъектная, или интерсубъектная, коммуникация, то в его структуре в качестве наиболее важных элементов выделяется, по крайней мере, два (или несколько) субъекта диалога. При этом в начале диалога один субъект выступает в активной роли инициатора политической коммуникации, задающего тематику и тон дискурса. Эту активную позицию данного субъекта можно назвать как роль адресанта, актора. Затем происходит смена позиций, и активную роль адресанта, или же актора, принимает на себя другой субъект политического дискурса, а предыдущий коммуникант становится адресатом. Затем опять следует смена ролей.

Однако не стоит смешивать между собой понятия «обратная связь» и «диалог». Не всякая обратная связь есть диалог. Однако всякий диалог подразумевает наличие обратной связи. В том числе политической обратной связи как в государственном политическом управлении, так и в диалоге государства и гражданского общества. Ведь обратная связь в политическом управлении со стороны государства предполагает получение необходимой информации для более эффективного его воздействия как субъекта управления на управляемый объект. Здесь обратная связь выступает в виде контроля за действиями со стороны объекта управления в ответ на какое-либо сообщение, действие или событие, предпринятое субъектом управления. В рамках теории коммуникации такая обратная связь является реакцией получателя (адресата, реципиента) на информацию, поступившую от источника (адресанта, коммуникатора). Механизмы обратной связи субъекта и объекта позволяют власти контролировать, как то или иное сообщение воспринято принимающей стороной, правильно ли интерпретирована информация и предприняты ли в ответ на это какие-то действия. Обратная связь позволяет власти выяснять общественное мнение, узнавать позицию людей и социальных групп на различные общественные, социально-экономические или политические события, отслеживать тенденции и настроения в обществе, прогнозировать дальнейшее развитие ситуации. Тем

не менее, это односторонний коммуникативный процесс в виде субъект-объектного политического управления, монолог, агитация, пропаганда, манипуляция общественным мнением, одностороннее воздействие на сознание общества с целью достижения каких-либо политических целей.

Общественно-политический или гражданский диалог, в отличие от управленческой обратной связи, предполагает не субъект-объектные отношения власти и общества, а симметричную субъект-субъектную обратную связь. Здесь коммуникация не заканчивается возвращением информации, отправленной адресантом к адресату. В диалоговой коммуникации обратная связь постоянно циркулирует от одного субъекта диалога к другому, позволяя его участникам не только испытывать информационное воздействие на себе, но и самому, в процессе продолжающейся интеракции, воздействовать на другого субъекта (партнера, оппонента) по коммуникации. Это и есть диалогическое взаимодействие субъектов (государства и общества) коммуникации, а не монологическое субъект-объектное воздействие власти на социум и прямое управление обществом. Репертуар коммуникативных ролей субъектов диалога строго не зафиксирован и позволяет его участникам производить смену позиций с активной на пассивную и наоборот.

В коммуникативном равенстве ролей заключается главный демократический принцип общественно-политического (гражданского) диалога. Конечно, по своей сути политика – это борьба за доминирование, соперничество, состязание за власть. Однако диалог с участием государства и гражданского общества имеет институциональные ограничения, правила организации и проведения, с которыми должны считаться все участники коммуникации. Поэтому политическое неравенство субъектов диалога, объективно существующее в социально стратифицированном обществе, преодолевается (должно преодолеваться) благодаря писаным и неписаными нормам и принципам институционального диалога, его регламенту и официальному модератору, следящему за соблюдением симметрии со стороны всех участников интеракции. Благодаря этому диалогическая обратная связь выступает в качестве механизма согласования интересов, достижения консенсуса и компромисса на основе принципов гражданской (политической) культуры общества, а также делиберативной (совещательно-дискурсивной) или же партисипаторной демократии.

В регулярную практику высших должностных лиц всех уровней власти вошло их интерактивное диалоговое общение с аудиторией в ходе «прямых» телевизионных эфиров и ответов на вопросы общественности. В процессе реализации концепции «электронного правительства» постепенно расширяется поле диалогового интернет-взаимодействия государства и общества. Подобную форму коммуникации с электоратом осваивают и ведущие политические партии страны. Однако этот диалог государства с гражданским обществом в современной России по-прежнему носит асимметричный характер. Во-первых, власть сама подбирает себе партнеров по диалогу в основном из числа сторонников, в то время как оппозиция в лице наиболее активных элементов пробуждающегося гражданского общества игнорируется государством. Во-вторых, коммуникативные возможности общественных акторов и государства, вследствие неразвитости гражданских коммуникаций и доминирования государственных или подконтрольных власти СМИ, создают еще большую асимметрию диалога. И, наконец, в-третьих, государственный PR в России вместо создания эффективных механизмов обратной связи и установления взаимовыгодного для власти и общества диалога все более активно использует на практике псевдиалогическую коммуникацию, манипулятивные технологии и монолог в виде пропаганды и агитации. Результатом этого становится все большая виртуализация гражданского общества, пытающегося компенсировать дефицит традиционных средств коммуникации за счет интернет-коммуникаций и создания не подконтрольных государству сетевых сообществ. Все это ослабляет и без того недостаточно эффективную обратную связь государства и гражданского общества в современной России. Результаты такой информационной политики государства по отношению ко все более активизирующемуся гражданскому обществу могут привести к серьезному конфликту в сфере интеракции власти и социума. Не желая сценария «цветной революции», власть вполне может его спровоцировать сама вследствие своего невнимания как к отрицательной, так и, особенно, к положительной обратной связи в избранной ею асимметричной модели диалога с гражданским обществом.

И положительная, и отрицательная обратная связь являются результатом обратного воздействия гражданского общества на государство. Если отрицательная обратная связь в политической сфере общества проявляет себя как адекватная реакция его

управляющей подсистемы (государства) на какие-либо общественно-политические события (митинги, забастовки, акции протеста или гражданского неповиновения) и выражается в политической трансформации режима, реформировании политической системы, изменении законодательства и т. д., то положительная обратная связь ведет к еще большей политической конфронтации, углублению конфликта, расколу общества и ставит под угрозу само существование и дальнейшее функционирование всей социально-политической системы. Если отрицательная обратная связь требует политической модернизации в сфере политической интеракции государства и гражданского общества и оперативного разрешения назревших проблем, то результатом положительной политической обратной связи может стать полная деструкция и разрушение государства как ядра политической системы общества. Обратные импульсы, идущие от общества к государству, могут восприниматься и разрешаться властью в ходе диалога с социумом. Это будет проявлением отрицательной связи. Отсутствие диалога ведет к углублению кризисных явлений и нарастанию признаков положительной связи «до тех пор, пока система не разрушится либо не включатся механизмы, обеспечивающие отрицательную обратную связь» [4]. Если отрицательная обратная связь ведет к обновлению и стабилизации социально-политической системы, то положительная провоцирует ее разрушение. «Ярким примером проявления отрицательной обратной связи на национальном уровне является такой общественный феномен, как Оранжевая революция в 2004 г. – пишет И. М. Миросердова, политолог из Украины. – Можно сказать, что именно в этот момент общество попыталось продемонстрировать способность разрешения проблемы толерантным путем, без применения силы. (Если же данная попытка все же перешла бы в открытое столкновение, можно было бы говорить о проявлении положительной обратной связи и в таком случае произошла бы деструкция существующей системы)» [6]. Данное обстоятельство, по мнению автора, должно стать составной частью политической модернизации современной России на основе развития механизмов обратной связи и институционализации диалога государства и гражданского общества.

Литература

1. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации // Модернизация и политика в XXI в. / отв. ред. Ю. С. Оганисян ; Ин-т социологии РАН. М., 2011. С. 241.

2. Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под ред. Ю. А. Красина. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. С. 92.
3. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические принципы управления). М. : Мысль, 1967. С. 28.
4. Шабров О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. Гл. 5. Политическая обратная связь. М. : Интеллект, 1997. 200 с.
5. Конфликты и диалог политических культур в современной России / под ред. А. В. Глуховой. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 108.
6. Милосердна І. М. Принцип зворотнього зв'язку в сучасному політичному управлінні [Електронний ресурс] // Вісник Одеського національного університету: Соціологія і політичні науки. Т. 13, вип. 5. С. 651–652. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1638>

ЗУЛЯР Р. Ю.

БАЙКАЛЬСКАЯ ШКОЛА МОЛОДОГО АВТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Относительно направляемая политическая социализация молодежи происходит в процессе и в результате ее взаимодействия с государственными структурами, органами местного самоуправления и общественными организациями, которые в совокупности осуществляют управление обществом. Не всегда личность осознает свою включенность в этот процесс, его направленность, поэтому формирование желаемых свойств и качеств у молодежи в процессе политической социализации происходит опосредованно. В данной работе рассмотрено мероприятие, участвуя в котором, молодежь, включенная в процесс политической социализации, воспринимала его как второстепенный.

В 2011 г. в под Иркутском прошла первая Байкальская школа молодого автора. Основная цель мероприятия – обучение приемам написания научной статьи. Ее организаторы использовали разнообразные формы работы – лекции, работу в мини-группах (с выполнением заданий, сдачей отчетов), интерактив, тренинги межгруппового взаимодействия, круглые столы и ролевые игры. Красной нитью работы проходила тема национальной безопасности.

В первый день работы Школы прошел экспресс-опрос – что такое безопасность? Развернутые ответы участников были сгруппированы, получилось пять групп с условными названиями: «Условия – ситуация – доверие»; «Как внутреннее ощущение и состояние»; «Внешние условия реализации прав и свобод, безопасность как ресурс»; «Изоляция, панцирь, улитка»; «Международ-

ная, национальная». В последующей беседе мнения были обсуждены – мини-группы должны были раскрыть суть представления понятия «безопасность». В ходе дискуссии четко обозначилось разделение на внутреннее ощущение безопасности и внешнее, на уровне национальной.

Для работы в группах была предложена статья о роли сецессии (выход из состава государства (как правило, федеративного) какой-либо его части (как правило, субъекта федерации) в рамках проблемы безопасности. Задания – придумать заголовок, разделить статью на части, озаглавить их, дописать заключение, носили характер работы с научным текстом. Они требовали глубокого анализа статьи, погружения в политологическую тему сецессии. В дальнейшем участники не раз признавались, что до этого многие политические проблемы не входили в круг их интересов, но такое косвенное проникновение в тему вызвало интерес, требуя личного участия и осмысления.

На второй день участники прослушали лекцию С. Тамма «Понимание безопасности в рамках либеральной парадигмы»; учитывая, что предмет обсуждения уже не был чужим для осмысления, участники могли свои представления сопоставить с предлагаемыми, что могло бы не произойти без работы первого дня.

Далее был проведен экспресс-опрос с предложением обозначить ситуацию, в которой человек готов пожертвовать своей личной безопасностью ради общественной.

Во второй день задания в группах были сформулированы по теме программы «научно-справочный аппарат»: вставить сноски по тексту предложенной статьи там, где они должны быть, найти примеры разных видов сносок. Статья для работы была посвящена дефициту воды как угрозе безопасности в Центральной Азии. Тема безопасности и ее уровней в таком ракурсе раскрыла еще одну сторону рассматриваемой проблемы.

На третий рабочий день анализировались ответы экспресс-опроса, которые также были разбиты по пяти группам: «Армия и война», «Налоговая система», «Межнациональный подтекст», «Новые риски», «Жертвенные мотивы». Участники Школы комментировали различные точки зрения соотношения личной и общественной безопасности, пытаясь расставить приоритеты этих видов в понимании большинства индивидов.

Провести сравнительный анализ представлений о проблеме безопасности можно было на презентации И. Б. Бочкаревой «Представления о безопасности алтайских студентов». А в ходе

работы четвертого дня была предложена презентация «Представления о безопасности казахстанских студентов». Интересен был проведенный анализ по поиску синонимов к понятию «безопасность», что позволило раскрыть его глубже, с семантической интерпретацией.

Хорошее теоретическое раскрытие темы безопасности получилось на второй лекции, которая логически продолжала выступление С. Тамма: «Три концепции безопасности» основателя и руководителя ШМА, руководителя Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, директора ООИЦ «Вестник Евразии» С. А. Панарина.

Групповое задание по подбору ключевых слов, составление резюме к тексту – постоянная практика работы Школы, но когда в качестве текста для работы была дана статья «Польский взгляд на отношения с Россией», проходило ненавязчивое дополнительное осмысление темы национальной безопасности.

В пятый день работы состоялся круглый стол по теме семинара. Предварительно для ознакомления участникам Школы были розданы материалы: курсовая работа «Современная концепция национальной безопасности РФ», «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.» Данный семинар подводил некоторые итоги работы Школы. Поднятая тема безопасности была введена в круг интересов, обсуждения участниками, даже если они не придавали ей значение ранее. Задания обеспечили глубинное осмысление темы через знакомство с термином «безопасность», дополнили ее различными аспектами проблемы посредством анализа предложенных текстов.

Предложенная «Стратегия ...» была проанализирована группами, каждая из которых сформулировала понимание предложенного документа. Взаимными вопросами и дополнениями участники выделяли разные виды безопасности и способы ее защиты на государственном уровне. Рассматривались проблемы классической политологии – соотношение прав и свобод, лично-го и общественного, ответственности и обязанностей.

Резюмируя работу Байкальской школы молодого автора с позиции формирования политической социализации молодежи, можно выделить профессиональное выполнение эффективной технологии – погружение на неделю в мир политического без декларации цели. Содержательно работа шла по двум взаимозависимым линиям – обучение навыкам академического письма и работа с понятием «безопасность» в различных ее смыслах и зна-

чениях. Цель данного процесса была эффективно достигнута, что демонстрирует положительный опыт работы. Были получены прекрасные результаты, участники Школы овладели новыми для себя формами организации учебного процесса.

В настоящее время ведется подготовка к проведению второй Школы, что позволяет надеяться на то, что данная форма политической социализации молодых ученых региона станет постоянным явлением.

ИВАНОВ С. А.

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ КНР В ПЕРИОД РЕФОРМ

В крупных по численности населения и размерам территории странах проблема взаимодействия центральной и местных властей является одной из ключевых в контексте функционирования государства. Это доказывают последние десятилетия истории России и Китая, где почти одновременно (в КНР в конце 1970-х гг., в СССР – в середине 1980-х гг.) стали протекать реформаторские процессы, которые неизменно сопровождались изменением баланса ресурсов и обязательств между Центром и регионами. При этом различие в характере социально-экономического развития двух стран часто приводит к идеализации способности всей политико-административной системы Китая работать в качестве слаженного механизма на благо общества. История взаимодействия центральной и местных властей в КНР в период реформ опровергает этот тезис. За тридцатилетие она прошла два этапа: период децентрализации (1980-е – середина 1990-х гг.) и период частичной рецентрализации (середина 1990-х – 2000-е гг.). Оба этапа имели свою логику развития, которую мы рассмотрим ниже.

После периода Культурной революции (1966–1976 гг.) центральные власти Китая оказались перед проблемой выбора пути дальнейшего развития. Мобилизация ресурсов через принудительный труд, как это практиковалось в предшествовавший период развития КНР, оказалась труднодостижимой ввиду катастрофической бедности населения и упадка национального хозяйства. Пекин не мог обеспечить модернизацию экономики за счет прямых финансовых вливаний, так как у него фактически не бы-

ло свободного капитала [2, с. 117]. Даже к концу эпохи Дэн Сяопина нехватка инвестиционных ресурсов в стране составляла более чем 10 % ВВП [1, с. 104].

В сложившейся ситуации центральные власти фактически отдали решение проблемы по накоплению капитала на места, перераспределив для выполнения этой задачи баланс фискальных и административных ресурсов в стране в пользу регионов, а также создав институциональные возможности для развития локального бизнеса. В 1980 г. реформа бюджетно-налогового устройства привела к тому, что финансовые поступления территорий значительно превысили долю Центра в бюджете страны, составив около 78 % всех доходов государства к 1993 г. Каждый уровень власти получил собственную доходную базу, за счет которой полностью осуществлял расходы на вверенной территории [12, с. 451]. Помимо этого с начала проведения политики реформ и открытости в стране правительства на местах получили достаточно широкие административные полномочия для решения экономических вопросов: право участвовать в совместных предприятиях, принимать решения по финансовой поддержке компаний и даже влиять на назначения ключевых руководителей в крупных экономических субъектах. Таким образом, местные власти, заинтересованные в пополнении своих доходов, получили стимулы к активным действиям в экономике, повышению доходности на подведомственных предприятиях, привлечению инвестиций и т. д.

Именно на местном уровне, особенно в волостях и деревнях, в 1980-е гг. сформировались десятки тысяч государственно-частных и малых частных предприятий [11, с. 102–104], которые успешно работали в условиях формирующегося рынка, но поддерживали тесные взаимосвязи с локальными администрациями. К 2009 г. валовой продукт малых промышленных предприятий в стране составлял около 40 % всего промышленного производства.

Однако эти преобразования привели к достаточно серьезным проблемам в функционировании государственной системы. Во-первых, Центр фактически не мог воздействовать на реальную экономическую ситуацию на местах [5, с. 797], так как ключевые регулирующие ведомства, в том числе система налогообложения, статистики, контроля производимой в стране продукции, выдачи кредитов и т. д., не были построены по принципу вертикального подчинения, а лишь примыкали к правительствам идентичного административного уровня. Из-за отсутствия эффективных вертикально-интегрированных органов, которые могли бы регули-

ровать на местах имплементацию распоряжений Центра, и транспарентности в системе государственного управления и финансирования сформировалась достаточно опасная ситуация, когда вышестоящие власти не могли четко определить обстановку на местах, а, следовательно, и не владели информацией о том, что там происходит [5, с. 794]. Во-вторых, в результате присутствия значительных полномочий на местах к середине 1990-х гг. на региональном уровне усилилась беспорядочная конкуренция местных органов самоуправления за привлечение иностранных инвестиций и создание новых производственных мощностей [1, с. 107]. В-третьих, местные власти не создали эффективную систему сбора налогов с «новой» экономики, которая явилась продуктом рыночных отношений, в том числе бизнеса, связанного с внешне-экономической деятельностью [6, с. 9]. Об этом стало свидетельствовать значительное падение доли доходов консолидированного бюджета страны в ВВП Китая с 25,5 % в 1980 г. до 10,3 % в 1995 г. [3, с. 427]. Такая ситуация во многом была связана с бездействием местных властей, которые оказались перед выбором: либо собирать налоги, передавая часть из них в Центр, либо оставлять капитал на местах, часто в аффилированных с властью отраслях и компаниях.

Наиболее развитые провинции страны – приморские регионы – стали укрепляться настолько сильно, что известный исследователь-современник Д. Сигал из британского Международного института стратегических исследований в середине 1990-х гг. предполагал, что местные правительства с их узкими интересами «разорвут» страну на части [8]. Тогда же он рекомендовал сдерживать возможную агрессию национального правительства КНР через расширение связей с региональными элитами [9, с. 345–355].

Во избежание вышеуказанных негативных последствий в 1994 г. и, что не менее важно, в силу смягчения проблемы нехватки капитала в стране, который с начала 2000-х гг. Китай начал уже активно экспортировать, в стране была проведена очередная фискальная реформа, которая достаточно сильно отразилась на взаимоотношениях Центра и регионов. Власти КНР централизовали значительную часть фискальных доходов, увеличив свою долю в доходной части бюджета до 40–55 %. Данное соотношение сохранялось вплоть до конца 2000-х гг. (в 2009 г. – 52,4 %). В то же время расходы всех уровней властей остались практически без изменения: субнациональный уровень должен был по-прежнему осуществлять около 75 % всех бюджетных трат страны [14, с. 6–7].

Эта реформа и последующая политика Пекина привели к тому что, местные правительства стали зависимы от межправительственных трансфертов из Центра. С 1994 г. по 2009 г. абсолютное значение трансфертов выросло почти в 12 раз с 239 млрд юаней до 2 856 млрд юаней, составив к концу 2000-х гг. в среднем 40–50 % всей расходной части бюджетов местных властей [3, с. 385–420].

Финансовая зависимость местных правительств от Центра, тем не менее, не убавила их стремления вмешиваться в экономику подведомственных территорий. Трансфертов из консолидированного бюджета и собственных локальных доходов не хватало для обеспечения базовых социальных обязательств, возложенных на субнациональный уровень. Для удовлетворения недостающей части расходов (около 10 %) местные правительства с разрешения Центра стали использовать важный инструмент пополнения местных бюджетов – увеличение своих внебюджетных средств, доля которых на многих территориях превышала объем их бюджетов [14, с. 8]. Власти территорий стали более активно вмешиваться в экономику и проводить коммерческую деятельность, что, Однако не всегда было на пользу рыночной эффективности [14, с. 10].

В целях повышения управляемости политико-административной системы центральные власти параллельно начали централизацию административных ресурсов страны со второй половины 1990-х гг. В 1994–1995 гг. была проведена реформа органов налогообложения. Если раньше все налоги собирали местные органы власти, то после ее проведения на местах были созданы территориальные отделения Главного налогового управления [10, с. 196]. В их обязанности входил сбор более 80 % фискальных доходов в стране. В 1998–1999 гг. были частично трансформированы в структуры с вертикальным подчинением органы, которые являлись основными регуляторами экономической жизни в стране: Управление торгово-промышленной администрации, Служба по качеству и техническому надзору Китая, Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами, государственные банки, органы страхования и т. д. [5, с. 795–798]. С конца 2006 г. для предотвращения ситуаций, когда чиновники предоставляют ложную информацию о социально-экономическом развитии, началось формирование системы вертикального управления Бюро статистики [4].

Важнейшим фактором сохранения целостности системы в процессах децентрализации и рецентрализации фискальных и административных ресурсов в Китае можно считать партийный контроль и централизованную систему назначений на прави-

тельствственные должности. С момента проведения реформ и открытости чиновник мог обеспечить себе нахождение в государственном аппарате и движение по карьерной лестнице в основном за счет эффективности политики на вверенной территории («zhengji»)⁹. Общегосударственным мерилом этой эффективности стали результаты экономической, социальной и партийной деятельности, на основе которых давалась «кадровая оценка» чиновнику [13, с. 76–78]. Такая система вынуждала местные власти направлять существующие у них финансовые и материальные ресурсы в нужные для Центра сферы, хотя и давала свободу в конкретных механизмах и формах реализации поставленных задач.

В настоящее время со страниц китайских СМИ все чаще слышатся призывы начать обратный виток децентрализации, однако вряд ли Пекин пойдет на такой рискованный шаг. Центральные власти перераспределили финансовые и административные ресурсы в пользу регионов только на период накопления капитала. Когда эта задача была частично решена, и при этом проявились негативные последствия неконтролируемости и излишнего усиления местных элит, Центр опять начал перераспределять фискальные и административные ресурсы в свою пользу, при этом этот процесс, очевидно, еще не закончился.

Литература

1. Пань Инли. Китайская монетарная политика / Пань Инли, У Синьчжу // Свободная мысль. – 2011. № 2 (1621). – С. 103–118.
2. Чжао Цзыян. Гайгэ личэн = Путь к реформам / Чжао Цзыян. – Гонконг : Синь шицзи чубаньшэ, 2009. – 306 с.
3. Чжунго дайчжэн няньцзянь 2010 = Ежегодник по бюджету Китая 2010. – Пекин : Чжунго дайчжэн чубаньшэ, 2011. – 756 с.
4. Чуичжи гуаньли иньжу во го тунцзи тиси = Вертикальное управление внедряется в систему статистики Китая [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. – URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2006-10/06/content_5171542.htm
5. Andrew C. Mertha. China's «Soft» Centralization: Shifting Tiao/ Kuai Authority Relations // The China Quarterly. – 2004. – N 184. – P. 791–810.
6. China national development and sub-national finance: a review of provincial expenditures. Document of the World Bank. – Washington : The Bank, 2002. – 164 с.

⁹ Автор не идеализирует систему назначений в Китае и признает возможность продвижения по службе за счет связей («гуаньси») или приобретения «кресла», тем более что подтверждением этого является достаточно большое количество соответствующих разбирательств, показательно освещенных в китайской прессе. Тем не менее, многие западные и китайские исследователи признают, что система вхождения и продвижения по государственной службе до сих пор является эффективно функционирующим институтом.

7. Gabriella Montinola. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China / Gabriella Montinola, Yingyi Qian, Barry R. Weingast // World Politics. – 1995. – N 48 (1). – P. 50–81
8. Gerald Segal. No Access China's Changing Shape // Foreign Affairs. – 1994. – Vol. 73, N 3. – P. 43–58.
9. Gerald Segal. Deconstructing Foreign Relations // Goodman D., Segal G. (eds). China Deconstructs: Politics, Trade and Regionalism. – London : Routledge. 1994. – P. 333–355.
10. Heung Kyu Kim. The Politics of Fiscal Standardization in China: Fiscal Contract Versus Tax Assignment // Asian Perspective. – 2004. – Vol. 28, N 2. – C. 171–203.
11. Huang Yasheng. Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State. Cambridge University Press. 2008. – 366 c.
12. Jing Vivian Zhan. Decentralizing China – analysis of central strategies in China's fiscal reform // Journal of Contemporary China. – 2009. – Vol. 18. – P. 445–462.
13. Kai-yuen Tsui, Youqiang Wang. Between Separate Stoves and a Single Menu: Fiscal Decentralization in China // The China Quarterly. – 2004. – N 177. – P. 71–90.
14. Susan H. Whiting. Central-Local Fiscal Relations in China // China Policy Series. – 2007. – N 22. – 44 p.

ЛЕУСЕНКО И. В.

СОЦИЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Российский субэтнос как историческая общность, обладающая уникальными социокультурными характеристиками, на протяжении длительного периода формировался под воздействием стратегических угроз по отношению к национальной и конфессиональной идентичности ее народов. Такие особенности развития российской цивилизации, как содержание политико-правовых механизмов, опора на мобилизационный тип развития и коммунитарность как наиболее эффективный вектор системы социальной интеграции, представляют основной смыслообразующий концепт безопасности общества в целом, который сформировался в процессе исторического развития, стал основой взаимодействия институциональной структуры общества и индивидуально-ценностного сознания россиян как общности, разделяющей представления об историческом прошлом и настоящем, всемирно-исторической миссии нации и типе этатистской идеологии.

Социетальный анализ как метод, как способ рассмотрения игры социальных институтов, как язык общения с читателем подразумевает системный анализ и характеристику общественных институтов с позиции общества в целом. Социетальная социология подразумевает, что социальная ткань, реальность представляет собой продукт постоянного взаимодействия ряда систем

(политической, экономической, системы социализации, культурной системы, личностной системы и системы биологического организма¹⁰). Позиция, опора, мыслительный ряд социетального социолога развиваются именно от характеристики отдельного социального института с позиции целого [1].

Уже исследования Э. Дюркгейма и М. Вебера показали, что изучение духовно-нравственной сферы жизни личности, целей ее деятельности и социальных язв общества является все более значимым.

В социологии понятие «социетальный», «социетальное» традиционно используется, когда необходимо рассмотреть общество с больших, наиболее значимых позиций, показать взаимозависимость элементов социокультурной сферы общества. Исследователи употребляют данные понятия в контексте какой-то особой сферы, отмечают наличие, наряду с традиционными общественными связями, какого-то особого общества, описание которого отражает взаимодействие наиболее глубинных закономерностей развития, стремясь показать работу механизма этого взаимодействия внутри общества. В российских справочных изданиях термин «социетальный» до сих пор отсутствует.

Методологический концепт изучения социетальности сформировался в западной социологии на протяжении последних тридцати-сорока лет (Т. Парсонс, А. Турен, А. Мелуччи). Дело в том, что западные социологи ранее всего столкнулись с распадом основных социальных групп, явлениями социальной аномии, деформациями в ценностных ориентациях вследствие негативных последствий глобализации и усиления влияния технологий на социальную сферу. Методологический подход Т. Парсонса способствовал выведению проблемы социально-духовного как социетального, и, в дальнейшем, социетальной безопасности на операциональный уровень, т. е. на уровень, при котором проблема может рассматриваться не только с точки зрения факторов и корней ее возникновения, но и в рамках границ определенной модели, благодаря возможностям системы, благодаря созданию

¹⁰ В трактовке основателя американской социетальной социологии Т. Парсонса система социетальной общности структурирует свои отношения к трем системам действия – культурной, личностной и биологического организма. Это создает три функциональных подсистемы социальной системы: политическую, экономическую и систему социализации. Социальная система составляет интегративное «ядро» системы действия («единичного акта»). Социальная система основывается на системе «социетальной общности» как системе нормативных образцов, посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнедеятельность индивидов.

как бы объемной модели исследуемой проблемы, когда операциональные понятия системы выражают действительное содержание, связанное со взаимозависимостями в рамках системы и движением внутри системы, информационно повторяющим движение социального мира, т. е. закономерности развития общества, а не только передают смысловое содержание того, что в них содержится (такие понятия принято называть эмпирическими).

Как отмечает А. Турен, все ведущие тенденции современности (разрушение систем политического, социального, правового контроля за экономической деятельностью, разобщенность работы этих систем, господство глобального мировоззрения при подавлении национальных социальных институтов) приводят к кризису идентичности (национальной, этнической, религиозной, местной, сексуальной и семейной), в основе которого лежит нарушение связей между культурой, знанием и социальным действием [2].

Благодаря программе социетальной социологии мы получаем в политической науке возможность изучать изменение восприятия содержания социальной реальности, типа социальной интеграции и трансформации механизма формирования социальной нормы как элементов общей системы конструирования практической социальной реальности в качестве окружающего физического, социального, политического, экономического, промышленного и т. д. миров человека.

Социальная реальность последних десятилетий традиционно описывается через призму методологии социальной трансформации. Значительные перемены в идеологии и в политической сфере, в системах социальной интеграции и структуре классов, все то, что сделало процесс изменений постоянным, благодаря усилиям социологии превратили его в одну из существенных характеристик социальной жизни. Новое разложение массового сознания и социальных связей в обществе, новая, вслед за отмеченной в начале XX столетия, аномия пролегла через души на уровне ценностного восприятия действительности. Экономические и политические процессы, которые в самом начале прошлого столетия приняли лавинообразный характер, заслонили от нас первоначально те изменения, которые были связаны со сферой индивидуального сознания и поведения человека.

Сегодня наиболее видимый характер получили свидетельства того, что индивидуальное сознание человека, его ценностные ориентации являются главной целью негативного массированного воздействия, и деструктивные процессы в этой области оказывают воздействие на жизнь общества в целом. Индивидуальные

жизненные стратегии, характеристики культурной жизни, мотивации человека – все это стало более важным после технологического рывка 70–80-х гг. прошлого столетия, чем уровень развития экономических сил общества, возможности производства, характеристики финансового национального благополучия. В предыдущие исторические эпохи социально-духовная сфера жизни общества, морально-нравственный потенциал индивидов имели не меньшее значение, но после того, как технологии обеспечили стабильное существование ряда национальных сообществ, в силу особенностей мирового развития капитализма, прежде всего европейских стран и США, стало более видимым то, что главным является человек и его духовно-нравственные ориентиры во всех сферах его бытия.

В российском обществе ввиду процессов модернизации зревают явления, сходные по своему содержанию с последствиями глобализации в западном сообществе. Абстрагируясь от оценки взаимообусловленности этих процессов, следует, тем не менее, заметить, что процессы социальной трансформации, проявляясь в размывании основных социальных групп, утрате ценностных ориентаций и социальной дезадаптации, способствуют развитию наиболее крайних проявлений социальной аномии, таких как самоубийства, полный отказ от социально одобряемых практик, расширение масштабов деприваций и преступных проявлений.

Российский тип социальности, несмотря на колоссальный запас прочности на макросоциальном уровне, наименее прочен на уровне микросоциальности, тогда как микросоциальность подвергается агрессивному воздействию в современном мире под влиянием процессов глобализации. Масштабные институциональные реформы 90-х гг. прошлого столетия, способствовавшие изменению условий функционирования российского общества и развертыванию явлений социальной деструкции и аномии среди представителей большинства возрастных категорий населения, заставляют по-новому посмотреть на оптимизацию механизмов социальной интеграции в российском обществе как части общей работы по совершенствованию социальности безопасности и имиджа государства.

Примечания

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2004.
2. Турен А. Социальные изменения XX столетия / пер. с фр. В. Н. Фоминой // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 4.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В этом году исполняется 75 лет образования Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ в 1937 г.). Сегодня Иркутская область существует, а округ как национально-территориальная единица прекратил свое бытие в политическом пространстве государства. Что же случилось? Процесс, который называют «объединением и созданием новых субъектов РФ», на наш взгляд, весьма противоречив и неоднозначен в сопоставлении с действительностью, если проводить анализ через призму федеративных отношений.

Что послужило причиной этого процесса, который затрагивает интересы большого количества людей и основы государственного устройства и управления?

Первая причина – большое количество субъектов Федерации – 89. Такого нет ни в одном из федеративных государств. А сколько должно быть, есть ли какие-то критерии, параметры для определения количества субъектов Федерации? Звучат разные цифры – от 50 до 20. Видимо, имелся в виду опыт США и создания совнархозов в Советском Союзе. На наш взгляд, этих показателей и не может быть. Каждое из федеративных государств опирается на свой исторический опыт, на свои реалии. К примеру, в маленькой 5-миллионной Швейцарии 26 субъектов федерации и государственных языка. В Канаде все субъекты федерации экономически самодостаточны, территории, являющиеся дотационными, не могут быть субъектами.

Вторая причина: «нельзя игнорировать факт формирования группы субъектов Федерации, которые в обозримой перспективе однозначно не способны выйти из экономического упадка и депрессии» [1]. Но Иркутская область с входившим в ее состав Усть-Ордынским Бурятским автономным округом (УОБАО), что было отражено в ст. 6 Устава Иркутской области, сама дотационна, Читинская, Сахалинская – тоже, а Долгано-Ненецкий автономный округ (Д-Н АО), с его «Норникелем», никак не нельзя назвать депрессивным.

Третья и, возможно, наиболее вероятная причина – приведение Федерации в симметричный вид. Действительно, наличие 6 типов субъектов Федерации, в том числе три из них «националь-

но-территориальные, национально-государственные образования», вызывает наибольшую критику со стороны многих юристов, политологов, историков и других специалистов.

На данный момент произошло объединение 14 субъектов Федерации. Что общего и особенного в этом федеративном процессе?

Первое. Это все так называемые «матрешечные» субъекты, бывшие автономные округа ряда титульных народов.

Второе. Численность этих народов в указанных субъектах относительно небольшая. Самые многочисленные – буряты в УО-БАО (около 54 тыс. чел.).

Третья. Все автономные округа в экономическом плане (за исключением Д-Н АО) не столь значимы для федерального центра. В Красноярском крае, видимо, сработал эффект губернатора Хлопонина, бывшего до этого губернатором Д-Н АО.

Четвертая особенность, на наш взгляд, весьма существенная – все эти субъекты имеют национальный колорит.

Пятое. Все образования семи новых субъектов проходили по одной схеме – «маленькие» присоединялись к «большим» и в одинаковых ситуациях – инициатива была сверху, обещалась большая социально-экономическая помощь.

Шестое. Усложнилась структура федеративного устройства России. К имеющимся краям, областям, г. Москве, Санкт-Петербургу, автономным округам, автономной области, национальным республикам добавились еще области, края с административно-территориальными округами, имеющими особый статус.

Седьмое. На карте России возникло еще несколько конфликтных зон, с латентным характером. Массовая драка бурят и русских в Иркутском районе [2], отказ в приеме на работу бурят со стороны русских работодателей в Новонукутском районе [3] – вот первые признаки нарастающих противоречий. В таких деликатных вопросах многое значит позиция государства, активная или пассивная. Впрочем, за малой численностью его потенциальных участников в этих «зонах» федеральный центр, видимо, не хочет принимать это во внимание.

Восьмое. Стоило Москве столкнуться с твердой непробиваемой позицией президента Республики Адыгея Хозрета Совмена, вплоть до добровольной, досрочной отставки, а адыгейской общественности обещать «новую кавказскую войну», как было объяснено, что руководство и общественность республики неправильно поняли позицию полномочного Представителя Президента РФ по Южному федеральному округу.

Учитывая изложенное, рассмотрим проведение референдума через анализ сути вопроса, вынесенного на голосование. Надо заметить, что сформулированный вопрос: «Согласны ли вы, чтобы Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ объединились в новый субъект РФ – Иркутскую область, в составе которого Усть-Ордынский Бурятский автономный округ будет являться административно-территориальной единицей с особым статусом, определяемым Уставом нового субъекта РФ в соответствии с законодательством РФ?» таил в себе четыре под-вопроса.

- а) Вы за объединения двух территорий?
- б) Вы за упразднение статуса субъекта Федерации УОБАО?
- в) Вы за ликвидацию национально-территориальной автономии, имеющей бурятский окрас?
- г) Что такое «особый статус» административно-территориальной единицы?

Положительный ответ на 1-й подвопрос означает, что голосующий дает отрицательный ответ по поводу статуса субъекта Федерации УОБАО и вообще он за ликвидацию «автономии, имеющей бурятский окрас». Предположим, что участник референдума против ликвидации «автономии, имеющей бурятский окрас», но за объединение территорий. Как он должен голосовать? Отрицательное голосование не приводит к желаемому результату.

Часть 7 ст. 6 ФКЗ «О референдуме» гласит: «Вопрос, выносимый на референдум, должен быть сформулирован таким образом, чтобы исключалась возможность его множественного толкования, чтобы на него можно было дать только однозначный ответ и чтобы исключалась неопределенность правовых последствий принятого на референдуме решения».

Следующее. По мнению ряда обозревателей, освещавших эту кампанию, был достаточно активно задействован административный ресурс всех уровней. (Не имеем в виду губернатора, поскольку он не госслужащий. – А. М.) На наш взгляд, это противоречит ч. 12 ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», которая гласит: «В связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается: использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума».

Что имеем в результате? УОБАО потерял и статус субъекта Федерации, и национально-территориальную автономию, что и было его особым статусом. В плане национально-культурного

строительства, т. е. в политическом времени, буряты Приангарья вернулись к 1920 г. У бурят и у русских есть осознание социокультурного времени. «Политическое время как бы встроено внутрь более “крупного” социокультурного времени. Поэтому в тех случаях, когда ритмы культурной и политической жизни совпадают, наступает явление резонанса – общество получает “второе дыхание”, испытывает небывалый подъем» [4]. Действительно, в предшествующие годы буряты добились впечатляющих успехов. По уровню образования, развития культуры они находятся в передовой десятке народов России.

Вместе с тем, взглядыываясь в современную ситуацию, наверное, можно констатировать, что «высокая степень восприятия социокультурного времени (и наряду с этим некоторые действия федерального центра. – А. М.) продемонстрировали низкий уровень осознания времени политического, слишком вольно обращаемся с ним или обращаются. Разрыв между высоким уровнем осознания социокультурного времени и низким уровнем – политического погружает общество в хаос волюнтаристских решений» [5].

Второй аспект. Согласимся, что голосование есть осознанный выбор, выражение своего мнения. Отсюда, наверное, можно рассматривать референдум как выражение общественного мнения в форме правовой нормы. Таким образом, организаторы проведения референдума предполагали, что граждане «могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем» [6].

Интересную деталь выявил П. Бурдые, изучавший проблемы общественного мнения: «Чем теснее связан вопрос анкеты с проблемами знания и познания, тем больше расхождения в доле “не ответивших” между более образованными и менее образованными. И наоборот, когда вопросы касаются этических проблем, например “Нужно ли быть строгими с детьми?”, процент лиц, не дающих на них ответа, слабо варьирует в зависимости от уровня образования респондентов» [7].

Если учесть, что значительная часть населения слабо разбирается в тонкостях федеративного устройства государства, то можно предположить – большая доля принявших участие в референдуме дала положительный ответ на 1-й подвопрос, т. е. «объединение» по сложности сопоставимо с этическим вопросом, упомянутым выше.

Экстраполируем эту же ситуацию на другой вопрос. Предположим, что проводится референдум с таким вопросом: «Согласны ли Вы объединить все наши квартиры в одну большую

квартиру? Будем жить все вместе». В этом вопросе тоже скрыто 2 подвопроса: а) объединение и б) превращение своей квартиры в коммунальную.

В указанном случае участники референдума, привнося свои знания и познания совместного проживания, скорее всего будут против объединения своих квартир.

Вывод: возможно, многие голосовали положительно, не осознавая и не разбираясь во всей глубине и актуальности проблемы.

Одним из главных признаков федерализма является субъектность. В федеральном конституционном законе «О референдуме» п. 5 (ст. 6) гласит: «На референдум не могут выноситься вопросы об изменении статуса субъекта РФ, закрепленного Конституцией РФ».

Думаем, авторы закона прекрасно понимали, что проблемы федерализма достаточно сложны. Даже среди специалистов по некоторым вопросам нет единого мнения. Немало проблем порождает «противоречивость» двух изначально заложенных в основу государственного устройства РФ принципов: национально-территориального и административно-территориального. Но надо помнить, что большевики получили принцип «права наций на самоопределение вплоть до отделения» как бы в наследство. Он был выдвинут задолго до Октября 1917 г. Советская власть, к ее чести, сохранила почти всю территорию бывшей Российской империи, тонко понимая нравственно-психологические аспекты поведения коренных народов и национальных меньшинств, когда речь шла о государственном строительстве. Уступая в малом, государственная власть добивалась большего – социально-политической стабильности (относительной, конечно) и, как следствие, достаточно высоких результатов в экономике.

«В отечественной литературе и среди политиков уже много лет идет непримиримая борьба... представителей двух основных трактовок сущности федерализма. Нужно не спорить о том, кто более прав, а вести поиск механизмов, обеспечивающих относительно непротиворечивое сочетание двух составляющих процесса федерализма» [8]. События последних лет – стремление сделать асимметричную Федерацию более симметричной, видимо, были попыткой решить сложные проблемы простым способом.

Объединение субъектов Федерации, т. е. упразднение вообще национально-территориальных автономий некоторых автономных народов, усилило поляризацию нашего многорасового, многонационального государства. «Из всех проблем социальной

сферы и уровня жизни... еще раз подчеркнем ключевую значимость поляризации нашего общества. Здесь ни в коем случае нельзя полагаться на общие и средние цифры» [9].

Примечания

1. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2004. С. 124.
2. Хулиганы избили целую деревню // СМ-номер один. 2007. № 34.
3. Не берут на работу по национальному признаку // СМ-номер один. 2008. № 10.
4. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Хрестоматия для дистанционного обучения / Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск, 2002. С. 45.
5. Там же. С. 44.
6. Там же. С. 5.
7. Там же. С. 123.
8. Валентей С. Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 92
9. Василенко И. А. Политическая философия. М., 2004. С. 79.

МЕТЁЛКИНА Л. Н.

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 1930-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

В настоящее время бытует стереотип, что женщины в советское время «имели власть», которая теперь ими утрачена, что выражается в крайне незначительном представительстве женщин в органах власти различного уровня. Между тем анализ участия женщин в органах власти в 1930-х – начале 1960-х гг. свидетельствует о достаточно скромном их присутствии в составе политической элиты как союзного, так и регионального уровня.

Э. Модсли и С. Уайт, выделяя, на основе членства в ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, «раннюю сталинскую» (1923–1939 гг.), «позднюю сталинскую» (1939–1956 гг.) и «постсталинскую» (1956–1958 гг.) элит [25, с. 140], отмечают, что из 328 человек, составлявших позднюю сталинскую элиту, женщин было всего 3,4 % (11 человек), при этом их доля в составе ранней сталинской элиты была еще ниже – 2,5 % (6 из 236) [25, с. 163–164]. В позднесталинской и постсталинской элите число женщин в ЦК возросло до 41, однако и в этом случае их доля не превышала 4,3 %, «да и то достигала этого уровня лишь благодаря тому, что некоторые женщины, например, знатные ткачихи, доярки и т. п. кооптировались в состав ЦК в обход должностного принципа формирования элиты. Их членство в комитете имело чисто символический, декоративный характер» [25, с. 164].

Еще в большей степени «символический» характер участия женщин проявлялся в формировании высших органов государственной власти. Так, в составе Центрального Исполнительного Комитета СССР 6-го созыва (1931–1935 гг.) среди 22 представителей Восточно-Сибирского края оказались 3 женщины: М. Т. Зверева, бывшая красная партизанка, колхозница, Нерчинско-Заводский район; М. Е. Кондратьева, колхозница, Новоселовский район; Д. Эрдынеева, рабочая, г. Верхнеудинск [10, л. 18, 19].

Подобный подбор депутатов, основополагающим критерием при котором было рабоче-крестьянское происхождение, вполне соответствовал установившемуся с начала 30-х гг. порядку работы высшего органа государственной власти, при котором, несмотря на формально высокий статус, на сессиях ЦИК СССР делегатам фактически отводилась роль статистов, утверждающих «списком» постановления, принятые Президиумом ЦИК между сессиями ЦИК СССР. На сессии в январе 1934 г. этот список состоял из 34 постановлений, в январе 1936 г. он уже насчитывал 66 постановлений. Такая практика, с одной стороны, лишала делегатов возможности обсуждения закона, внесения в него изменений, с другой – позволяла в большом количестве включать в состав высшего органа государственной власти рабочих и крестьян, обладавших необходимыми анкетными данными, но не имеющих зачастую даже минимального образования.

Выборы в Верховный Совет 1937 г. прошли уже после поэтапных преобразований, в результате которых на территории Восточной Сибири были образованы 4 самостоятельных административно-территориальных единицы: Красноярский край, Иркутская и Читинская области и Бурят-Монгольская АССР. И при подборе женщин – кандидатов в депутаты первого созыва сформировалась та модель, которая оставалась практически неизменной на протяжении последующих трех десятилетий: 80 % в 1-м, 83 % – во 2-м, 80 % – в 3-м, 75 % – в 5-м и 6-м созывах от общего числа представляющих Восточную Сибирь женщин являлись представительницами национальных округов или автономий. При этом следует отметить, что ни в одном из шести анализируемых созывов Верховного Совета СССР не было женщин среди депутатов от Агинского Бурят-Монгольского и Эвенкийского национальных округов. Наибольшее же представительство женщин было характерно для Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР (всего – 17 человек), удельный вес которых – среди представительниц Восточной Сибири в Совете Национальностей – колебался от

60 % в 1-м созыве, 50 % – во 2-м и 3-м, 44,5 % в 4-м, 50 % – в 5-м и 33 % – в 6-м. Кроме того, еще по одной представительнице этой республики были избраны в Совет Союза 2-го и 5-го созывов. Примечательно, что единственной женщиной, трижды избиравшейся депутатом Верховного Совета СССР 1–3-го созывов, была опять-таки представительница БМАССР – Г. А. Цыденова. По 7 женщин были избраны депутатами Совета Национальностей Верховного Совета СССР различных созывов от Тувинской автономной области (республики) и Хакасской автономной области.

В целом же доля женщин среди депутатов, представляющих регионы Восточной Сибири в Верховном Совете СССР, хотя и непоследовательно, но возрастала – 13,9 % в 1-м созыве, 14,6 % – во 2-м, затем спад – до 12,2 % – в 3-м, скачкообразный, более чем в 2 раза, рост женского представительства в 4-м – до 26 %, с последующим последовательным уменьшением: до 24,5 % в 5-м созыве и до 22,2 % – в 6-м (табл. 1).

Таблица 1

Динамика представленности женщин – депутатов от регионов
Восточной Сибири в составе палат Верховного Совета СССР
1–6-го созывов

	1-й созыв		2-й созыв		3-й созыв		4-й созыв		5-й созыв		6-й созыв	
	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей	Совет Союза	Совет Нац-тей
Общее кол-во депутатов	569	574	682	657	678	638	708	639	738	640	691	652
Кол-во депутатов от Вост. Сибири	15	21	18	23	18	23	22	24	25	24	25	29
Женщины – депутаты Верховного Совета СССР от регионов Вост. Сибири												
Общее кол-во	-	5	2	4	1	4	3	9	6	6	3	9
БМ АССР		3	1	2		2		4	1	3		3
Тувин. обл.						1		2		1		3
Хакас. авт. обл.				1		1		2		2		1
Таймыр. нац. округ												1
Усть-Ордын. Бурят.-Монгол. нац. окр		1		1				1				1
Краснояр. край			1		1		1		2		1	
Иркут. обл.		1					1		2		1	
Читин. обл.							1		1		1	

Что касается региональных органов Восточной Сибири – и здесь ситуация мало отличалась от сложившейся в центральных органах.

Так, в составе 133 членов Крайисполкома, избранных 1-м съездом Советов Восточно-Сибирского края (1931 г.), было только 22 женщины (16,5 %), из которых 13 – колхозницы [10, л. 6–9] Вообще же в 30-е гг. лишь 3 женщины на территории всей Восточной Сибири занимали должности, подразумевающие определенную самостоятельность действий хотя бы на районном уровне: двое – в 1932–1935 гг. – были председателями райисполкомов Восточно-Сибирского края и лишь одна, В. П. Остроумова, в 1935–1937 гг. являлась первым секретарем Игарского горкома ВКП(б) Красноярского края [16, л. 43; 23, л. 20].

«Кадровая революция» 1937 г. не увеличила количество женщин в региональных партийных и советских органах. Так, Красноярский крайисполком специально обращал внимание на крайне слабое выдвижение женщин в 1937 г.: ни одной женщины не было выдвинуто на должность председателя или зам. председателя райисполкома, только 3 женщины – председателя поссовета и 2 – зам. председателя поссовета [19, л. 19]. В Иркутской области был единственный случай выдвижения женщины на должность председателя РИКа – в ноябре 1938 г. Тулунский райисполком возглавила Е. П. Бочкарева [11, л. 6].

В качестве скорее исключительного, чем типичного явления следует рассматривать выдвижение в апреле 1941 г. на должность Председателя Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР (должность в большей степени номинальную, но формально – высшую в республике) 32-летней Г. А. Цыденовой, депутата Верховного Совета СССР [30].

Ситуация изменилась в годы Великой Отечественной войны. Уже к августу 1941 г. в Иркутской области не было райкома, где бы не работало 50 и более процентов женщин [26, с. 340]. За три с половиной военных года Красноярским краевым комитетом ВКП(б) было вновь выдвинуто на партийную, советскую, комсомольскую, профсоюзную и хозяйственную работу более 10 тыс. человек, 69 % из которых составляли женщины [27, с. 327].

Читинский обком ВКП(б) в первый же военный год отмечал значительный рост числа женщин в партийном аппарате – с 7,3 % на 1 марта 1941 г. до 23 % к 1 июля 1942 г. [1, л. 13]. Такая тенденция сохранялась до 1943 г. включительно, когда было достигнуто максимальное присутствие женщин в партаппарате – 34,3 %, по-

сле чего начался некоторый спад – 32,7 % в 1944 г. [2, л. 20б] и в 1945 г. [4, л. 30б].

Однако массовые выдвижения женщин в Восточной Сибири происходили исключительно за счет замещения неключевых вакансий преимущественно районного и низового уровня. Ни в одном из восточно-сибирских регионов даже острый кадровый дефицит военного времени не привел к выдвижению женщин на должности секретарей обкомов или крайкома. Известны лишь единичные случаи занятия должностей первых секретарей райкомов ВКП(б) женщинами. Так, с января 1942 г. по июль 1943 г. Усинский РК ВКП(б) Красноярского края возглавляла Е. Т. Стрелкова [17, л. 133], в 1943 г. первыми секретарями Шилкинского и Зейско-Учурского РК ВКП(б) Читинской области были Наследышева и Асланова [3, л. 7].

На 1 января 1945 г. в Красноярском крае женщинами были замещены: 1 должность заместителя председателя крайисполкома, 2 – председателей и 6 – зам. председателей горисполкомов, 1 – председателя и 12 – зам. председателей райисполкомов [18, л. 218, 214, 171].

Окончание же войны по всей стране привело к такому обвальному сокращению женщин в партийных и советских органах, что в конце 1947 г. это стало уже объектом пристального внимания со стороны ЦК ВКП (б). В докладной записке «О состоянии с выдвижением женщин на руководящую работу» на имя А. А. Жданова отмечалось, что «под разными предлогами женщин отстраняют от руководящей работы», и процесс этот протекает чрезвычайно активно: «на 1.1.1945 г. в составе руководящих работников, входящих в номенклатуру ЦК ВКП (б), было 7 % женщин, а на 1.1.1947 г. их осталось 4,2 %. В составе руководящих работников республиканских, краевых, областных, городских и районных организаций <...> женщин было 19 % к общему составу, а осталось <...> 9,7 % ко всему числу номенклатурных работников. При этом особенно уменьшилось число женщин в составе руководящих работников в областных, краевых и республиканских организациях – с 23,3 % до 7,9 %» [28, л. 39].

Число женщин в составе руководящих работников в первые послевоенные годы по отдельным регионам Восточной Сибири также сокращалось, хотя и не так активно, как по стране в целом (табл. 2).

Таблица 2

Динамика сокращения женщин в составе руководящих работников
в Восточной Сибири

Области, края и республики	На 1 янв. 1945 г.		На 1 янв. 1947 г.		Сокращение, в %
	В абс. данных	%	В абс. данных	%	
Бурят-Монгольская АССР	140	25,8	68	11,9	54
Красноярский край	320	20,7	197	12,5	40
Иркутская область	174	20,9	95	10,3	51

В Советском Союзе к 1947 г. не осталось ни одной женщины в составе первых и вторых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, только 5 женщин работали в должностях секретарей обкомов и лишь 53 райкома из 5 354 возглавлялись женщинами.

Не лучше обстояли дела и с занятием женщинами руководящих должностей в советских органах. В 1941 г. в составе председателей Президиумов Верховных Советов и председателей Советов министров союзных республик, областных и краевых исполкомов работали 4 женщины, а в 1947 г. осталась только одна [28, л. 39, 63]. В Восточной Сибири в марте 1947 г. была освобождена от должности Председателя Президиума Верховного Совета БМАССР Г. А. Цыденова. И хотя ей был предложен пост министра сельского хозяйства республики, от этого назначения она отказалась, сославшись на отсутствие высшего образования и, одновременно, обратилась с просьбой отпустить ее на учебу. Однако истинная причина была в другом: сельское хозяйство республики находилось в таком состоянии, что, уже многие годы спустя, Г. А. Цыденова комментировала предложение ей министерского поста однозначно: «Хотели повесить на меня всех дохлых собак» [21]. В конечном итоге, на очередной сессии Верховного Совета БМАССР ее избирают неосвобожденным заместителем Верховного Совета, а с сентября 1947 г. Г. А. Цыденова становится студенткой Улан-Удэнского зооветеринарного института и в дальнейшем уже никогда не возвращается ни к профессиональной советской, ни к партийной работе, до выхода в 1960 г. на пенсию – персональную, союзного значения – работая преимущественно ветеринарным врачом [21].

Заместителями председателей облисполкомов по стране в 1947 г. работало только 7 женщин, хотя еще в 1945 г. на этих должностях их было 35 [28, л. 40]. В Восточной Сибири эту долж-

ность женщина занимала лишь в Тувинской автономной области, в 1944 г. вошедшей в состав СССР. При этом Х. А. Анчимая являлась личностью во многом уникальной. Во-первых, политический долгожитель: еще в 1940 г. – в 28 лет – она была избрана председателем Президиума Малого Хурала Тувинской Народной Республики, с 1945 по 1961 г. она бессменно занимала пост заместителя председателя Тувинского облисполкома, а с 1962 по 1979 г. – заместителя председателя Совета Министров Тувинской АССР. Во-вторых, практически олицетворение революционного лозунга «кто был никем, тот станет всем»: сирота из бедняцкой семьи, затем – выпускница Коммунистического университета трудящихся Востока, с 1940 г., по сути – президент Тувинской Народной Республики. В-третьих, что уж совсем не типично, с того же 1940 г. Х. А. Анчимая – жена С. К. Тока, который с 1933 по 1945 г. являлся генеральным секретарем ТНРП Тувинской народной республики, а с 1945 по 1973 г. – первым секретарем Тувинского областного (республиканского) комитета коммунистической партии и при этом – еще и мать пятерых детей [29].

Из 5 119 председателей городских и районных исполкомов советов депутатов трудящихся по всему Советскому Союзу оставалось только 40 женщин, хотя в 1945 г. их было 98 [28, л. 49].

На основании вышеприведенных данных был сделан вывод о прямом несоответствии «между активным участием женщин в общественно-политической жизни и в создании всех материальных ценностей страны и их крайне недостаточном привлечении к управлению государством» [28, л. 40–41]. Следствием этого стала проводимая во всесоюзном масштабе кампания, направленная на увеличение представительства женщин в органах власти всех уровней. И уже в 1948 г. были достигнуты некоторые результаты в этом направлении.

Так, к маю 1948 г. секретарями обкома работали уже 25 женщин, председателями облисполкомов – 26, первыми секретарями горкомов и райкомов партии – 61 женщина [28, л. 38]. Однако если в составе руководящих работников всех уровней на 1 января 1947 г. было 10 690 женщин, или 9,7 % к общему числу работников, то на 1 января 1948 г. их осталось 9 372 человека, или 9,5 %, т. е. за год произошло сокращение на 1 318 человек [28, л. 61].

Кампания выдвижений затронула и Восточную Сибирь. Так, уже в январе 1948 г. на должность зам. председателя Читинского облисполкома была выдвинута А. Е. Матвеева [7, л. 1], в 1950 г. аналогичную должность в Иркутском облисполкоме заняла

В. М. Лаврененко, в сентябре 1952 г. в Красноярском крайисполкоме – И. А. Масленникова [20, л. 49].

Все же предпринятые меры не изменили наметившейся тенденции сокращения доли женщин в составе руководящих кадров всех уровней. В БМАССР на руководящих должностях на 1 января 1950 г. оставалось 94 женщины, или 13,5 %, а к 1 января 1954 г. – при сохранении неизменной общей численности – их удельный вес уменьшился до 12,1 % [21, л. 9].

В 1959 г. крайне незначительным было участие женщин в работе партийных органов: лишь 2 женщины работали в качестве вторых секретарей райкомов КПСС, еще 11 – зав. отделами РК и ГК КПСС. Несколько лучше обстояло дело с выдвижением женщин на советскую работу. Женщины занимали должности министра здравоохранения, зам. министров просвещения, торговли и соц. обеспечения, возглавляли Госплан республики и 3 горрайисполкома [22, л. 50].

В Иркутской областной партийной организации, насчитывавшей в своих рядах в 1950 г. 19,6 % женщин, на номенклатурных должностях обкома партии их было только 235, что составляло 10 % от общего числа работников. Из них секретарями районных и городских комитетов ВКП(б) работало лишь 5 человек, и ни одна женщина не возглавляла райисполкома [24, с. 80]. И в течение ближайшего десятилетия ситуация оставалась практически неизменной.

В Читинской области на протяжении 50-х гг. сохраняется поддерживается положение, когда – в различных сочетаниях – по два районных или советских органа возглавляются женщинами (1955 г. – женщинами возглавляются два РИКа, 1958 г. – райком КПСС и райисполком) [5, л. 28, 30]. Однако к 1 января 1960 г. в числе первых секретарей райкомов, горкомов и окружкома КПСС женщин уже не было. В качестве остальных секретарей работало лишь 3 женщины. В облисполкоме только один отдел возглавлялся женщиной. Одна женщина возглавляла РИК и еще две работали зам. председателями райисполкомов [6, л. 82].

И даже в составе региональных советов, участие в которых для большинства членов являлось не более чем номинальным включением во властные структуры, представительство женщин явно не соответствовало их удельному весу в составе населения. Так, несмотря на тенденцию увеличения количества женщин в составе Иркутского Совета депутатов трудящихся – с 22 депутатских мандатов из 87 в 1941 г. до 46 из 153 в 1957 г., на самом деле

оно было крайне незначительным: всего лишь с 25,3 % до 30 % [12, л. 14]. В Бурятской АССР даже в 1959 г. женщины имели лишь 27 % в составе Верховного Совета республики [22, л. 47–50].

В 1960 г. постановление секретариата ЦК КПСС «О недостатках в выдвижении женщин на руководящую работу» стало поводом для новой кампании выдвижений. Так, в Иркутской области к середине 1961 г. женщины были спешно выдвинуты на должности председателем и зам. председателей райгорисполкома – 1 и 3 соответственно [15, л. 15]. В Читинской области уже к 1 января 1961 г. один из трех горисполкомов городов областного подчинения и один из шести горисполкомов городов районного подчинения возглавили женщины [9, л. 17].

Некоторые подвижки произошли и в сторону увеличения количества женщин в составе региональных советов. Так, уже в 1961 г. в Читинском областном Совете депутатов трудящихся женщины составили 39,5 % (49 мест из 124) [8, л. 7]. В составе Иркутского областного (сельского) Совета в 1963 г. женщины имели уже 41 % (41 депутатский мандат из 100) [14, л. 1].

Однако уже к середине 60-х гг. кампания выдвижений женщин практически сошла на нет, сохранив за женщинами места, главным образом, в составе советов. В целом же гендерные распределения внутри каждого отдельно взятого органа власти или ветви власти и в советский период могут быть представлены в форме «пирамиды» – где больше власти, там меньше женщин.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1326.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1340.
3. ГАЗК Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1595.
4. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 2076.
5. ГАЗК Ф. П-3. Оп. 7. Д. 79.
6. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 374.
7. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3052.
8. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3437.
9. ГАЗК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 3479.
10. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 427.
11. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 2 оп. Д. 365.
12. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 873.
13. ГАИО. Ф-Р-1933. Оп. 7. Д. 1433.
14. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 1824.
15. ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 1968.
16. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26 Оп. 1. Д. 266.
17. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 78.
18. ГАКК Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 304.
19. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3304.

20. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3913.
21. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5954.
22. ГАРБ Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6848.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 110. Д. 13.
24. Казаров В. И. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по подбору и расстановке руководящих партийных и советских кадров (1946–1956 гг.) // Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. – Иркутск, 1968.
25. Модсли Э. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модсли, С. Уайт. – М., 2011.
26. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2, кн. 1. – Иркутск, 1975.
27. Очерки истории Красноярской краевой организации. КПСС (1895–1980 гг.). – Красноярск, 1982.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 571.
29. Серен А. 100 лет со дня рождения Хертек Анчимaa-Тока [Электронный ресурс] / А. Серен. – URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/4293-anchimaa100.html>
30. Фомичев Ю. Глава республики – женщина [Электронный ресурс] / Ю. Фомичев. – URL: <http://www.kizhinga.ru/index.php/mn/smi/dk/34-85-let/101-chapter-of-the-republic-a-woman>

МЯСНИКОВ Д. А.

К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРОВ

Электоральный цикл 2011–2012 гг. в нашей стране ознаменовался резкой активизацией политического процесса. Толчком к этой активизации стали выборы в Государственную Думу и президента страны. На этом фоне произошел раскол внутрикремлевской элиты на, условно говоря, «медведевских» и «путинских». Важным дестабилизирующим фактором стали попытка цветной революции и массовые акции протеста в крупных городах страны. Реакцией федеральной власти на эти события стала политическая реформа, заявленная Дмитрием Анатольевичем Медведевым в декабре 2011 г.

Эта реформа предполагает несколько элементов – например, изменения в закон о выборах депутатов Государственной Думы, достаточно спорные изменения в закон о политических партиях, введение единого дня голосования – в конце сентября. Одним из элементов политической реформы стало возвращение прямых выборов глав субъектов Федерации.

26 апреля этот законопроект был принят Государственной Думой, 2 мая подписан Президентом и вступил в силу с 1 июня 2012 г. Основные параметры нового закона следующие [1]:

1. Кандидаты на должность губернатора выдвигаются политическими партиями, при этом политическая партия вправе выдвинуть члена данной политической партии либо беспартийного гражданина. Выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения может предусматриваться законом субъекта Российской Федерации.

2. Кандидатов должны поддержать от 5 до 10 % депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на выборах глав муниципальных образований, в числе которых должно быть от 5 до 10 % депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов и избранных на выборах глав муниципальных районов и городских округов. При этом кандидату необходимо получить поддержку не менее чем в трех четвертях соответственно муниципальных районов и городских округов, внутригородских муниципальных образований. Депутат представительного органа муниципального образования или избранный на выборах глава муниципального образования может поддержать только одного кандидата, выдвинутого любой политической партией либо в порядке самовыдвижения.

3. Кандидату, выдвинутому в порядке самовыдвижения, помимо получения указанной поддержки необходимо собрать от 0,5 до 2 % подписей избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации.

4. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается на срок не более пяти лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании.

5. Предусматривается отзыв избирателями высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в случае установления судом фактов нарушения им законодательства Российской Федерации или законодательства субъекта Российской Федерации либо неоднократного грубого без уважительных причин неисполнения им своих обязанностей, а также устанавливаются основные требования к процедуре отзыва.

В любом случае, перспектива выборов губернатора заметно оживит политическую жизнь на местах, активизирует региональную тематику. Поэтому новость была с воодушевлением воспринята в регионах.

В нашей области также идет обсуждение перспектив будущих губернаторских выборов. Напомним, что срок полномочий Дмитрия Федоровича Мезенцева заканчивается в мае 2014 г. Так что, если не случится ничего экстраординарного, жители Иркутской области будут выбирать нового губернатора через два года.

Эксперты выдвигают разные версии того, кто из представителей региональной элиты мог бы претендовать на губернаторское кресло.

В связи с этим на отделении политологии Иркутского государственного университета было проведено социологическое исследование с целью выявления электоральных предпочтений жителей области в преддверии выборов губернатора.

Исследование проходило в форме уличного опроса. Всего было опрошено 400 человек в Иркутске, Ангарске, Усть-Орде и Черемхово. Время проведения исследования – 1–10 апреля 2012 г. При подведении итогов опроса учитывались возрастные и территориальные особенности респондентов (если они были явно выражены).

Первый вопрос – об уровне информированности населения о будущих выборах.

На момент проведения опроса о возвращении выборов губернатора знали 45,41 %, что можно признать достаточно высоким уровнем информированности. Остальные 54 с лишним процента узнали о выборах губернатора из нашей анкеты.

Второй вопрос – одобряете или не одобряете данное решение?

Две трети (65,36 %) относятся к прямым выборам губернатора положительно, одна треть (29,87 %) – затруднилась с ответом (в основном те, кто не знал о выборах до опроса) и лишь 4,5 % опрошенных не одобрили такой шаг. Можно сказать, в области есть консолидированное мнение по данному вопросу. Правительство страны сделало правильный шаг с точки зрения жителей нашей области.

Третий вопрос звучал следующим образом – если бы выборы губернатора Иркутской области состоялись в ближайшее воскресенье, за кого бы Вы проголосовали?

Респондентам предлагался список из 10 представителей регионального политического сообщества:

Берлина Л. М.

Битаров А. С.

Грачев И. Д.

Круглов В. К.

Кондрашов В. И.

Левченко С. Г.

Мезенцев Д. Ф.
Романов А. В.
Серебренников С. В.
Тен С. Ю.

Также респонденты могли предложить свой вариант ответа.

Полученные результаты отражены в табл.:

Кандидат	Уровень поддержки, в процентах
Мезенцев Д. Ф.	48,85
Тен С. Ю.	10,5
Кондрашов В. И.	5,7
Левченко С. Г.	5
Берлина Л. М.	3,3
Романов А. В.	2,6
Серебренников С. В.	2,3
Грачев И. Д.	0,76
Битаров А. С.	0
Круглов В. К.	0
Другой вариант (Федоров, Чекотова и др.)	4,8
Затрудняюсь ответить	19,46

В результате мы видим значительный уровень поддержки населением действующего губернатора, его отрыв от ближайшего конкурента – почти в пять раз. Можно с уверенностью сказать, что если Дмитрий Федорович Мезенцев решит стать не назначенным, а избранным губернатором Иркутской области, то серьезных проблем у него не возникнет.

На втором месте уверенно обосновался депутат Государственной Думы и Председатель ИРО ВПП «Единая Россия» Сергей Юрьевич Тен с 10,5 % голосов. Электорат С. Ю. Тена – избиратели в возрасте до 30 лет. В других возрастных категориях его сторонников не нашлось.

Во многом неожиданно на третьем месте по уровню электоральной поддержки оказался мэр г. Иркутска Виктор Иванович Кондрашов. Причем за него готовы голосовать не только иркутяне, но и жители других городов, в которых проводился опрос.

Депутат Государственной Думы, председатель Иркутского областного отделения КПРФ Сергей Георгиевич Левченко – единственный из списка, кто уже пробовал силы в борьбе за гу-

бернаторское кресло и достаточно успешно. Однако по данным нашего опроса, на сегодняшний день его шансы невелики – 5 %.

Количество голосов остальных участников опроса незначительно и не выходит за рамки статистической погрешности.

Таким образом, на данный момент наибольшие шансы на выборах губернатора Иркутской области у Д. Ф. Мезенцева. Если же он не будет выдвигаться, то претенденты начнут борьбу с чистого листа, так как явных лидеров нет. Незначительное преимущество лишь у С. Ю. Тена.

Необходимо помнить, что данное исследование показывает текущий электоральный рейтинг кандидатов. За два года многое может измениться, например, появятся новые фамилии, не учтенные в рейтинге. К тому же есть вероятность отставки Д. Ф. Мезенцева до истечения срока его губернаторских полномочий.

Литература

1. Дмитрий Медведев подписал закон о выборах губернаторов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15186>

ОЛЕЙНИКОВ И. В.

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 90-Х ГГ. XX В.*

Распад Советского Союза негативно повлиял на сложившуюся систему высшего образования. С середины 1980-х гг. на государственном уровне предпринимались попытки реформирования высшей школы, включая приведение ее в соответствие с международными стандартами. Так, в связи со сменой внешнеполитических приоритетов в эпоху горбачевского «нового политического мышления» и как итог окончания эпохи «холодной войны», стали интенсифицироваться связи с университетами стран Запада (прежде всего США). Развивалось сотрудничество и с вузами Китайской Народной Республики, прервавшееся в начале 1960-х гг. [см. более подробно: 12]. В целом в 1990-е гг. наблюдается усиление интеграции отечественных вузов в мировое образовательное пространство. Иркутский государственный университет не остался в стороне от динамично развивавшихся процессов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», госконтракт № 16.740.11.0701.

Особенно богат на визиты иностранных делегаций был 1991 г. – период все нараставшего политического и экономического кризиса в СССР, вылившегося в августовский путч. Равнению на западные образовательные стандарты в сфере высшего образования во многом способствовали эйфория «свободного рынка», преклонение перед американским образом жизни, вслед за Москвой охватившие и Иркутск – научно-образовательный центр Восточной Сибири. С другой стороны, руководством ИГУ двигали и вполне прагматические мотивы – потоки финансовых ресурсов из центра иссякали, а в непростых рыночных условиях необходимо было надеяться лишь на собственные силы.

В этих условиях в конце января 1991 г. ректор ИГУ Ф. К. Шмидт подписал договор с Университетским колледжем Мэрилендского университета о создании первого в истории СССР и США факультета менеджмента, основной задачей которого являлась подготовка профессиональных управленческих кадров на основе программы двойных дипломов [1]. Сотрудничество с вузами США развивалось быстрыми темпами – 13 марта 1991 г. в Иркутск прибыла третья обменная группа американских студентов из Техасского университета, состоялась их встреча с первым проректором ИГУ Н. К. Душутиным [6].

Интерес к реформам в СССР, проводимым М. С. Горбачевым, привлекал в столицу Восточной Сибири видных иностранных специалистов. В мае 1991 г. на историческом факультете Иркутского государственного университета состоялась лекция политолога и юриста, профессора Монреальского университета Э. Орбана, организованная при содействии д-ра ист. наук Г. Н. Новикова [5]. В августе и сентябре 1991 г. состоялись встречи с профессором Техасского Лютеранского колледжа Р. Милном и профессором ЦЕРН (г. Женева) Д. Моррисоном. В своем интервью университетской газете профессор Моррисон отметил, что «Иркутский университет имеет как свои преимущества, так и свои недостатки. С одной стороны, это довольно хорошо организованный комплекс, с другой, это кое в чем несовременная, изолированная от мира система. Поэтому мне приходится делать большие усилия, чтобы какая-либо полезная информация дошла до студентов и преподавателей» [8].

В сентябре 1992 г. Иркутский государственный университет с рабочим визитом посетил президент университетского колледжа Мэрилендского университета Б. Масси. В ходе своей поездки он ознакомился с работой САФ, встретился с ректором Ф. К. Шмид-

том, главой Администрации Иркутской области Ю. А. Ножиковым [14]. Стороны разработали программу совместной деятельности двух университетов на уровне международных стандартов.

Наряду с активизацией взаимодействия в образовательной и научной сфере с США ряд подразделений ИГУ, а прежде всего геологический факультет развивали связи с вузами Китайской Народной Республики. Сотрудники геологического факультета доценты А. И. Сизых и А. А. Белоголов совместно с профессорами Китайского геологического университета в г. Ухань Ю Джендунем и Сан Анканом в течение месяца проводили совместные исследования Байкальского региона по теме НИР «Петрология, геохимия и металлогения метаморфических комплексов Восточной Сибири и Китая» [9]. Работы выполнялись в рамках договора о совместных научных исследованиях Восточной Сибири. Связи геологического факультета ИГУ с вузами Китая продолжились и несколько позже – в 1993 г., когда с университетами г. Пекина и Уханя был заключен договор о создании Российско-азиатского научно-коммерческого центра [13]. В марте 1993 г. сотрудниками геологического факультета совместно с китайскими партнерами была составлена программа, включавшая тематику совместных научных исследований на период 1993–97 гг.

Об интересе китайских исследователей к развитию сотрудничества с Иркутским университетом говорит и тот факт, что в октябре 1991 г. состоялся двадцатидневный визит в Китайскую Народную Республику проректора по научной работе ИГУ А. И. Смирнова, зав. лабораторией гидрохимии Г. М. Шпейзера, зав. кафедрой охраны природы А. П. Хаустова и доцента Ю. В. Шаманского [10]. Визит представлял собой экспедицию по изучению гидроминеральных ресурсов в провинции Саньси в соответствии с договорами между Уханьским и Пекинскими геологическими университетами. Иркутские исследователи также провели переговоры с Чандунским филиалом Академии наук КНР о совместных исследованиях в области охраны природы, химии высокомолекулярных соединений. В ходе визита были изучены семь месторождений термальных вод и два пресных источника. В свою очередь, китайские исследователи выразили готовность принять участие в экспедициях по изучению термальных минеральных вод Байкальской рифтовой зоны и озера Байкал. В заключение визита представителей Иркутского университета в Китай была достигнута договоренность с Уханьским и Пекинскими университетами о подготовке в Иркутске высококвалифициро-

ванных кадров для Китая, обмене сотрудниками для взаимных научных стажировок, обмене студентами.

Практически через год, в начале 1993 г. уровень сотрудничества ИГУ с китайскими вузами поднялся на новую ступень – в ходе встречи проректора по международным связям В. И. Дмитриева были подписаны программы о сотрудничестве с Хэйлунцзянским и Ляонинским университетами [11]. Большой интерес стороны проявили к возможности реализации специальной программы по совместной с Ляонинским университетом подготовке российских и китайских граждан в области изучения языков и делового сотрудничества. Немаловажно, что уже в начале 90-х гг. XX в. стороны вели переговоры о получении совместного диплома бакалавра двух вузов – китайского в рамках программы подготовки по международным экономическим отношениям и российского – по специальности «Коммерция». По заданию Совета народных депутатов Иркутской области специалисты Иркутского университета провели консультации с Пекинским центром обучения административных кадров. Был заключен договор на подготовку и переподготовку 50 китайских граждан.

В нелегкое время экономических реформ, в эпоху коммерциализации высшего образования Иркутский университет помимо усиления взаимодействия с вузами Китая начинает развивать образовательные и научные связи с высшей школой еще одной страны Азиатско-Тихоокеанского региона – Республики Корея. В ноябре 1995 г. между администрациями Иркутского государственного университета и университета Пэ Джэ (г. Тэджон) был подписан рамочный договор о сотрудничестве, предполагавший создание на базе старейшего вуза Восточной Сибири комплексного Сибирско-корейского центра [2]. По замыслам организаторов, в его задачи должна была входить координация взаимоотношений между вузами, проведение совместных научных исследований по программам развития Сибири, исследования в сфере экологии, преподавание русского и корейского языков. В следующем, 1996 г. южнокорейский университет Пэ Джэ посетили с ответными визитами декан химического факультета ИГУ профессор Г. А. Калабин, канд. биол. наук Л. С. Каткова [3]. Корейских партнеров особенно заинтересовали исследования НИИ биологии ИГУ, связанные со способами очистки водоемов от загрязнения нефтепродуктами, экологические исследования иркутских ученых. Со своей стороны, научные работники уни-

верситета Пэ Джэ предложили иркутянам собственные наработки в области менеджмента экологических ресурсов.

Активизация российско-корейского сотрудничества в сфере высшей школы принесла свои плоды – в 1996 г. в стенах ИГУ под руководством начальника международного отдела Н. А. Богатовой состоялась масштабная презентация Сибирско-корейского центра.

Следует отметить, что интенсификация сотрудничества Иркутского государственного университета с высшими учебными заведениями стран АТР в первой половине 1990-х гг. была несбалансированной. В это сложное время коренных социально-политических трансформаций оказались практически полностью разрушенными связи вуза с традиционными партнерами из стран бывшего соцлагеря, прежде всего вузами Монголии. Ярким примером служит ситуация 1992 г. со студентами из Лаоса (ЛНДР), прибывшими по специальным программам сотрудничества в Иркутск. В это непростое время к текущим сложностям, которые обычно испытывали иностранные студенты – незнание языка, культурный шок вследствие иных традиций, прибавились бытовые проблемы, такие как покупка продуктов и предметов домашнего обихода, поиск средств на ежедневный проезд на транспорте в условиях гиперинфляции [15]. В этих условиях лаосские студенты стремились отправиться на Родину, но их возвращение откладывалось ввиду резко повысившейся стоимости авиабилетов.

В феврале 1998 г. состоялась попытка реанимации традиционного сотрудничества ИГУ с Монголией, ведь долгое время классический университет являлся основной кузницей кадров для некогда братской республики. В Научной библиотеке состоялась рабочая встреча руководства университета с чиновниками областной и городской администраций и представителями Генерального Консульства Монголии в Иркутске [7]. На встрече также присутствовали руководители структурных подразделений вуза – директора институтов, НИИ, деканы факультетов, научные сотрудники. По результатам встречи были сделаны предложения об организации сибирско-монгольского факультета по прикладной экономике и математике, российско-монгольского гуманитарного центра, развитию библиотечных связей. Однако практически все предложенные инициативы не были реализованы в связи с негативной финансово-экономической ситуацией, последовавшей после августовского дефолта 1998 г.

Отдельно следует остановиться и на европейском направлении сотрудничества, которое реализовывалось Иркутским государственным университетом в описываемый период. Еще в 1994 г. стартовал проект TEMPUS-TACIS, представлявший собой программу европейского сотрудничества в сфере высшего образования между ЕС и странами СНГ. Основной целью программы являлось поддержание процесса реформирования вузов в странах Центральной и Восточной Европы, СНГ и Монголии. Начало участия ИГУ в совместной программе с университетом г. Киля (Германия) и Гранадским университетом (Испания) было положено путем участия ректора Ф. К. Шмидта и проректора по международным связям В. И. Дмитриева в рабочем семинаре «Совершенствование системы управления университетом» [4]. Некоторые научные проекты в рамках сотрудничества по линии TEMPUS-TACIS впоследствии реализовывались и на историческом факультете ИГУ.

Таким образом, Иркутский государственный университет в 1990-е гг. поэтапно развивал контакты с иностранными партнерами, что вписывалось в общую логику администрирования высшего образования в условиях рыночной ситуации в СССР/Российской Федерации – централизованные ресурсы постепенно истощались, и региональные вузы могли развивать международные связи в качестве важного фактора выживания в нестабильной экономической ситуации, поддержания научных контактов. В середине 1990-х гг. к партнерам Иркутского государственного университета из США и КНР постепенно добавились вузы Республики Корея и государств Европы. Однако заделы в сфере международного сотрудничества вузов, сделанные ИГУ в советскую эпоху, не получили дальнейшего импульса, а зачастую были обречены на стагнацию.

Литература

1. Диогенов А. Первый в Союзе // Иркут. ун-т. – 1991. – № 6.
2. Дмитриев В. И. Еще один шаг // Иркут. ун-т. – 1995. – 30 нояб.
3. Есть контакт! // Иркут. ун-т. – 1996. – 25 мая.
4. И в Киле и в Гранаде // Иркут. ун-т. – 1996. – 31 дек.
5. Интервью с канадским ученым // Иркут. ун-т. – 1991. – 11 июня.
6. Иркутск – Остин // Иркут. ун-т. – 1991. – 3 апр.
7. Иркут. ун-т. – 1998. – 28 февр.
8. Куликова А. Это у нас самая чистая в мире вода! // Иркут. ун-т. – 1991. – 25 сент.
9. Международные связи геологов // Иркут. ун-т. – 1991. – 2 окт. .
10. Международные связи ИГУ. 20 дней в Китае // Иркут. ун-т. – 1991. – 31 окт.
11. Новый уровень международных связей // Иркут. ун-т. – 1993. – № 2.

12. Олейников И. В. Развитие международных связей Иркутского государственного университета в 70–80-х гг. XX в. // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 4 т. Т. 1 : материалы. – Иркутск, 2011. – С. 62–66.

13. Связи геологического факультета и Китая // Иркут. ун-т. – 1993. – 30 марта.

14. Сотрудничество расширяется // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 сент.

15. Учиться стало труднее // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 нояб. .

ПАНИН С. Б.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИНСКИХ КНЯЖЕСТВ К РОССИИ: СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ

В истории Грузии переломным оказался XVI в., когда она была разделена между двумя военно-политическими лидерами того времени – Турцией и Персией. Княжества Имеретия, Мегрелия и Абхазия оказались под влиянием Турции и в ее составе, а Картлия и Кахетия – центральные части нынешней Грузии – в составе Персии. Следует подчеркнуть, что в тот период основные грузинские княжества (Картлия и Кахетия) и не назывались грузинскими, а именно картвельскими. Определение всех этих княжеств общим названием «Грузия» стало осуществляться лишь в самом конце XVIII в., видимо, с подачи России: именно в российских дипломатических документах того времени картвельские княжества получили общее название «Грузия», а в последующем оно стало переноситься и на другие – на Мегрелию, Абхазию, Имеретию...

Картвельские княжества, до этого разъединенные, а при царе Ираклии II (конец XVIII в.) ставшие единым государственным образованием, входили в состав Персии, но колониями все же не являлись, будучи составными частями персидского государства; провинциями, но имевшими равные статусы с коренными ираноязычными регионами. Здесь действовали те же законы, что и в остальной Персии, но управлялись они родовитыми грузинскими князьями картвельского происхождения, которые до Ираклия, в своем подавляющем большинстве, особенно в XVII в., принимали ислам [5, с. 12; 7, с. 10]. И это притом, что Восточная Грузия (точнее, именно Картлия) приняла христианство еще в VI в. [8, с. 32], уж не говоря о том, что значительная часть княжеств Западной Грузии, которая в то время находилась под Турцией, была в основном нехристианской.

Россия в XVIII в., одержав победы над турками, утверждает в Предкавказье. Этот процесс сопровождался одновременным ослаблением Персии и Турции, на что не могли не обратить

внимания грузинские цари, земли которых были разделены между этими государствами. Важный шаг навстречу России делает грузинский царь, правивший в Картлии и Кахетии, Ираклий II. Он обращается за помощью к России, и 24 июля 1783 г. подписывает Георгиевский трактат о протекторате [9, с. 238–247].

Трактат не говорил о вхождении территории княжества в состав Российской империи, а только о признании вассалитета России, защиты с ее стороны этого княжества, за что его правитель должен был отказаться от самостоятельной внешней политики. Георгиевский договор признавал российское влияние не над всеми территориями, входящими в современную Грузию, а только над Восточной Грузией (Картли-Кахетинским царством). Однако он осуществлялся формально с обеих сторон: Ираклий фактически не соблюдал его условий, в частности, так и не отказался от ведения внешней политики, а наоборот, опираясь на российскую поддержку, достаточно активно проводил внешнюю политику, которая выражалась в приобретении новых земель и подчинении соседних княжеств. Но российская власть до поры до времени на это не жаловалась, такое положение ее устраивало, ибо руками Ираклия, как, видимо, считали в Петербурге, происходило собирание для России грузинских земель и княжеств.

Однако и при такой оценке Георгиевского договора грузинские авторы трактуют его как «кабальный». Например, современный грузинский автор Г. Ананиашвили считает, что целью подписания Георгиевского трактата для русских было намерение «вызвать в стране анархию, ... произвол иранцев», чтобы затем «оккупировать и аннексировать отчаявшуюся и деморализованную Картли-Кахетию» [2]. Очень свободные мысли, естественно, без всякой опоры на какие-либо документы. В действительности, из существующих документов следует, что у России того времени, при последних грузинских царях, вообще не было сколько-нибудь заметных проблем в отношениях с грузинскими княжествами, особенно с Картлией и Кахетией, которые длительное время просто добивались российской поддержки и помощи, в то время как отношения с Персией были действительно сложны. Но держать войска или даже части в княжестве было для России затруднительно. Неслучайно центр русских войск к этому времени еще не перебазировался в Тифлис, находился за хребтом – на северном Кавказе, в Моздоке.

Понимая эти сложности, персидский шах Ага-Мухаммед-хан осенью 1795 г. направил войска, овладел Тифлисом и основатель-

но разорил Грузию, пытаясь восстановить ее вассальную зависимость от Персии. Ираклий вынужден был вступить в переговоры с ним, но ждал помощи от русских на основании Георгиевского трактата. Петербург при Екатерине Великой стремился избегать открытого конфликта с персами, ибо силы для защиты Грузии были не равны (переброска сил затруднялась, дороги были ужасны), а потому русские власти реагировали далеко не на все просьбы и жалобы грузинского царя. Но в 1796 г. военные действия против Персии русские все же открыли [6, с. 31–32, 39], и войска персов отошли от грузинской столицы.

Но тут новая проблема: скончалась императрица Екатерина, а Павел в первое время повел себя совершенно неадекватно: хотя это противоречило Георгиевскому трактату, он приказал прекратить военные операции и отозвать русские войска из Закавказья [3, с. 298]. Конечно, такой позицией новой русской власти (как теперь подчеркивают современные грузинские авторы – предательской) не замедлили воспользоваться персы: Ага Мухаммедхан начал новое наступление в Закавказье, подойдя к Тифлису. Но, как это нередко бывает в истории, успех сорвался внезапно и, в общем-то, по глупой причине – главный перс был убит в царском военном шатре во время похода руками евнуха, чем-то обиженного на своего господина.

Тем не менее, правитель Картли-Кахетии грузинский царь Ираклий в 1797 г., в последний год своей жизни, отправляет в Петербург своего полномочного представителя князя Гарсевана Чавчавадзе, который станет, по сути, первым грузинским представителем в Петербурге (при царе Георгии – он уже в Петербурге постоянно), и через него грузины просят о более тесных отношениях с империей. Павел, отозвавший войска, первое время вообще не отвечает, затем, через канцлера, грузинский представитель получает на словах ответ в такой форме: просьбы ваши удовлетворены быть не могут [6, с. 48]. Таковы ответы еще в декабре 1797 г. Эти не очень ясные просьбы говорят, что элементы чего-то большего, а не просто вассальной зависимости, были уже у Ираклия. Некоторые из многочисленных детей и родственников царя (имеется в виду Ираклия), которые для последнего грузинского царя Георгия были братьями, обитают по нескольку лет в России, числятся даже на русской службе, получают российские воинские звания. Сын Георгия Давид также находился на русской службе до того, как он пытался провозгласить себя царем после смерти Георгия. И все это до официального включения Грузии в состав империи.

В 1798 г. умирает Ираклий II, а царский трон достается его старшему сыну, последнему грузинскому царю Георгию XII (у Ираклия было семь сыновей, старший – Георгий – от первого брака [6, с. 50]). Над восточной Грузией вновь нависает персидская угроза: теперь уже новый иранский правитель Фетх Али-хан (племянник Ага Мухаммед-хана) [3, с. 300] в том же 1798 г. обещает разорить Грузию, если Георгий откажется стать его вассалом [8, с. 108].

Георгий XII, теперь рисуемый грузинскими авторами как безвольный и больной [2] (он действительно был очень болен, особенно в последний год своей жизни), обращается к России, к Павлу I с просьбой уже не о прежнем покровительстве, а о принятии его царства в состав империи. Правда, Георгий просит сохранить за Багратидами номинальный статус династии – пусть не правящей, но царствующей. Однако для полноты картины стоит упомянуть и такой факт: Георгий, став царем и видя, что Павел не отвечает, хотел уйти под покровительство Турции и даже уже отправил туда своего посланника, но в это время из России приехал его сын царевич Давид и сообщил царю о новых настроениях Павла. После этого Георгий срочно вернул посланника из Порты и стал ориентироваться на Россию [6, с. 59].

Он отправляет в Петербург своих посланников – князя Георгия Авалова, Елизария Палавандова и, конечно, князя Гарсевана Чавчавадзе. Дает им очень большие полномочия, обещает царским словом принять и исполнить все то, что будет намечено [6, с. 155].

После окончания переговоров с правительством императора Павла в Тифлис возвращались первых два, а князь Чавчавадзе остался в российской столице. Вплоть до сегодняшнего дня точно не известно, что они все-таки там везли? Если сослаться на одну из самых авторитетных работ конца XIX – начала XX в. – работу Авалова по Грузии, то он считал, не без некоторого сомнения, что они везли от Павла текст, в котором рамки грузинской автономии сводились почти к нулю, но династия все же сохранялась: Грузия поступала в полное подданство России, законодательная власть всецело передавалась империи, у Багратидов оставалась исполнительная власть (уровень царского генерал-губернатора, или: царствует, но не правит, точнее, правит, но по законам империи). Все доходы царства – в распоряжение императора, грузинский царь обеспечивается полным содержанием и т. п. [1, с. 74–75].

Итак, они везли документы из Петербурга от Павла в грузинскую столицу, и уже на грузинской территории им оставалось немного времени, чтобы добраться до столицы, как они узнали о

кончине царя Георгия, не успев получить подпись царя. Картли-кахетский царь Георгий XII умер 28 декабря 1800 г.

Проблема умножилась многократно: с одной стороны, Павел I издает в Петербурге 18 января 1801 г. манифест о присоединении Картли-Кахетии к России (информация шла долго, и он в тот период не знал о смерти грузинского царя, а также о том, что отправленные им в Тифлис документы остались грузинским царем не подписаны), но вслед за объявлением такого манифеста должно было последовать занятие Грузии русскими войсками; с другой стороны, русская власть вынуждена была включиться в клубок грузинских проблем: дело в том, что когда еще Ираклий (отец Георгия) умирал, его последняя жена-царица Дарья (мачеха Георгия, мать других детей – царевичей, братьев Георгия) заставила мужа подписать документ, по которому после окончания правления Георгия власть будет передана уже не детям Георгия, а его сродным братьям – детям самой царицы Дарьи [6, с. 51].

Георгий, пытаясь отменить это решение своего отца, уже при вступлении на престол заявил, что власть будет передана его старшему сыну Давиду. При этом при вступлении все грузинские цари, начиная с Ираклия, принимали и подписывали, в соответствии с Георгиевским трактатом, инвеституру от российского императора. И, следовательно, принимая в свое время инвеституру и провозглашая своего сына Давида наследником, Георгий, видимо, уже считал, что он отменяет прежнее решение своего отца, царя Ираклия, и что инвеститура императора Павла подтверждает эту новую линию. Кстати, клубок наследственных проблем усилился и тогда, когда больной Георгий умирал и перед ним стоял его старший сын Давид (действиями которого Георгий был сильно недоволен, фактически не сыновними, предательскими, и он, Георгий, в конце концов, так и не назвал сына преемником, умирая, отвернулся). Но Давид заявил на людях, что именно он был назван преемником (все же знали, что он был назван преемником, когда Георгий только вступил на царский трон) [6, с. 164–165].

В Петербурге во время дворцового заговора в ночь на 12 марта 1801 г. (по старому стилю) погибает император Павел. На молодого императора Александра I ложится ответственность в принятии окончательного решения. Однако у Александра – сильные этические проблемы, так как он сам вступил на престол после косвенного участия в убийстве своего отца и теперь его мучила проблема, как решить вопрос с династией Багратидов. Известно,

что Александр не согласился с ранее принятым решением Павла о включении Грузии в состав империи (скажем прямо, это решение было произвольным, мало учитывающим внутреннее положение в Грузии, а в международном отношении о Грузии ничего не знали, она никого из европейских держав в тот период не интересовала и... как, кстати, все резко изменится лет через 30–40, когда европейские державы Англия и Франция будут влиять на Россию в период Крымской войны (середина XIX в.), если бы Грузию присоединяли тогда – в такой произвольной форме это было бы уже невозможно). Но сам Александр так и не принял никакого решения по Грузии: он отдал этот вопрос на рассмотрение Государственного Совета, в котором в тот период доминирующую роль играли приверженцы и сторонники его бабки – Екатерины Великой, и которые через присоединение Грузии, возможно, хотели реабилитировать все свое поколение, хотели показать новой власти, что они еще на что-то способны.

Но в самой Грузии царские представители так и не допустили официального провозглашения новым царем сына Георгия – Давида [1, с. 79], хотя ему 15 января 1801 г. удалось опубликовать воззвание к грузинскому народу о своем вступлении на престол. К тому же это воззвание категорически не поддерживали царевичи – сыновья царицы Дарьи и она сама. В итоге 12 сентября 1801 г. издается императорский манифест об упразднении Картли-Кахетского царства и вхождении Восточной Грузии в состав империи.

Здесь у современного человека может появиться мысль о неискренности и двуличности позиции императора Александра. Думается, что Александр пытался выстроить иные отношения, ни о каком абсолютном поглощении княжества он не помышлял и хотел решить вопрос о включении Грузии в состав империи только на основе добровольного решения ее народа. Истинность такой позиции Александра подтвердилась через несколько лет, когда в состав империи принималась Финляндия, ее особый статус был гарантирован императором Александром. Можно предположить, что император поступил бы так и с Грузией, будь иная ситуация в Государственном Совете и в самой Грузии в тот период.

От решения по Грузии, которое принял его отец Павел, и от которого уже не так легко было отказаться, до окончательного включения ее в состав империи прошло несколько месяцев. В это время Александр посылает в Грузию своего представителя генерала Кнорринга, который должен был на месте узнать ситуацию и сообщить о настроениях людей. Генерал сообщил о полной го-

товности общества к вступлению в состав империи. Позиция генерала Кнорринга, посетившего Грузию, стала последней точкой в решении проблемы [1, с. 89]. Остается, правда, вопрос: почему нельзя было оставить хотя бы фиктивный статус царства, на чем настаивали Багратиды? Причина этого была в том, что грузинские княжества фактически оказались после смерти Георгия в условиях начинающейся гражданской войны из-за борьбы за власть между князьями, а часть князей попыталась воспользоваться новой ситуацией, опереться на персидские власти, подбивая их к вступлению в конфликт, в то время как достаточных сил у русских в Грузии все еще не было. Ликвидация автономии княжества как такового стала сложным моментом совместной истории, но, с другой стороны, это спасло Грузию от полного разорения и уничтожения, от гражданской войны. И то, что Александр I лишь за 3 дня до своей инаугурации в Московском Кремле (12–15 сентября) подписал манифест по Грузии, лишний раз означает, что он до последнего пытался снять с себя ответственность за этот шаг и перенес ее на коллегиальный орган – Госсовет.

Если бы грузинский царь не умер столь неожиданно, успели бы подписать необходимые документы и не было бы опасности развязки гражданской войны. При Павле Грузия вошла бы в состав России на более мягких и демократичных условиях, наподобие Финляндии, с сохранением, во всяком случае, собственной системы местного управления и династических связей. Ведь историки XIX в. свидетельствуют о том, что император Павел не хотел ни в чем создавать проблем для грузин и во внутреннем управлении был готов предоставить значительные свободы [6, с. 114].

Как бы там ни было, но в 1801 г. речь шла о вступлении в состав России только Кахетии и Картлии по просьбе их царя, который к тому же умер, не подписав необходимых документов. Однако чуть позже в состав России были приняты и другие грузинские княжества, например, через два года, в 1803 г., – Мегрелия, а в феврале 1810 г. Александр I утверждает просительные акты владетеля Абхазии о принятии ее в состав империи [4]. Приобретения после 1801 г. происходили уже не всегда добровольно, не без давления и угроз, что, естественно, отмечают современные грузинские авторы. Однако следует подчеркнуть, что тому зачастую способствовали сами многочисленные грузинские князья, которые оспаривали друг у друга права на владение тем или иным княжеством и подталкивали российские власти заявлять на них претензии, видимо, в надежде на то, что они достанутся именно им.

Важно, что большая часть грузинских княжеств, которые находились под турецким влиянием, вошла в состав России по результатам успешных итогов русско-турецких войн, не добровольно, но в соответствии с законами военного времени той поры, как итог поражений Турции. За что русские солдаты опять же проливали свою кровь.

Следует подчеркнуть, что грузинские княжества, кроме Картлии и Кахетии, которые принимались в подданство России, еще много лет, пусть и формально, сохраняли самостоятельный статус и осуществляли правление своими землями наследственными династиями. Например, Мегрелия вошла в состав России в 1803 г., но еще много лет в пределах империи сохраняла статус самостоятельного княжества: последняя царица Мегрелии – Нино Багратион-Дадияни, ее сын Леван – уже не царь, но владетельный князь. Леван не очень хотел править, но Александр I сохранял статус Мегрелии как княжества. Затем Леван передал управление княжеством своим родственникам, в частности, сыну Давиду I Дадияни. В 1853 г. Давид умирает, и только после этого его жена Екатерина Чавчавадзе-Дадияни переселяется с детьми в Россию. Только с 1857 г. Мегрелия определяется как законная часть Российской империи, но и эта дата не точна: все же Мегрельское княжество окончательно упраздняется только в 1866 г., а подросший сын последних правителей княжества Давида Дадияни и Екатерины Чавчавадзе Николай получает статус владетельного князя и в качестве компенсации за отказ от владения княжеством в пользу российского императора он получает 1 млн руб. Более того, через 20 лет, в 1886 г. русское правительство еще выдвигает его кандидатуру на престол Болгарии, однако неудачно [9].

И такая картина почти со многими грузинскими княжествами: Имеретское царство входит в состав России в 1804 г., но окончательно – в 1810 г., княжества Гурия и Абхазия – в 1810 г., но окончательно Гурия – в 1828 г., а Абхазия – в 1864 г.; княжество Сванетия присоединяется в 1833 г., но окончательно только в 1858 г. [8, с. 111]. Уж не говоря о советском периоде, Грузия и в царский период была избалована Россией. В российских пределах стало вызревать то, чему прежде в истории не было суждено сложиться, и то, что, с некоторыми исключениями, может быть названо грузинской нацией. Грузинские народности, помещенные в единые условия, управляемые одинаковыми законами, начали приобретать черты единого народа, нации [7, с. 30]. Все грузинские княжества оказались под одной крышей, шел процесс

собирания земель, в чем Россия сыграла, безусловно, решающую роль. И многое оказалось разрушенным в Грузии в постсоветский период, когда возобладали тенденции, которые, по сути, были в грузинских княжествах до их присоединения к России.

В истории взаимоотношений России с Грузией много общих и сложных страниц. Россия стала государством, которое определило генеральный путь развития грузинских княжеств, даже в том, что они, в конечном итоге, стали христианскими и православными. Грузия не могла одна выжить среди сильных соперничающих государств. Благодаря России она не только сохранила свои земли и культуру, но и, по сути, в новых исторических условиях восстановила себя как государственное образование. Однако Грузия всегда играла особую роль, занимала особое место как в империи, так и в советскую эпоху, что, отчасти, ее развратило и создало основы для политического эгоизма. И, судя по всему, и в новую эпоху это государство не может играть абсолютно самостоятельной роли: оно опять кому-то нужно как средство для интриг против других государств.

Литература

1. Авалов З. Присоединение Грузии к России / З. Авалов. – Изд. 2-е. – СПб., 1906.
2. Ананиашвили Г. Этнические чистки и депортации в Грузии и на Северном Кавказе. Конвульсии русского фашизма [Электронный ресурс] / Г. Ананиашвили. – Тбилиси, 2009. – URL: iberiana.wordpress.com/iberiana/g-ananiashvili-konvulsia/
3. Багратиони Д. История Грузии / Давид Багратиони. – М. : Директ-Медиа, 2010.
4. Гамахария Д. Абхазия (краткая историческая справка) [Электронный ресурс] / Джамал Гамахария. – URL: iberiana.wordpress.com/afxazeti/j-gamakharia-1
5. Грузия. Закавказский тупик? / авт.-сост. А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2010.
6. Дубровский Н. Ф. Георгий XII. Последний царь Грузии и присоединение ее к России / Н. Ф. Дубровский. – СПб. : Тип. Департамента Уделов, 1867.
7. Епифанцев А. Будет ли новая русско-грузинская война? / А. Епифанцев. – М. : Яуза-Пресс, 2010.
8. Леонтьев М. В. «Независимая Грузия»: бандит в тигровой шкуре / М. В. Леонтьев, Д. А. Жуков. – М. : Яуза, 2008.
9. Материалы Википедии. Свободная энциклопедия. Дадияни Николай Давидович [Электронный ресурс]. – URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Дадияни,_Николай_Давидович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дадияни,_Николай_Давидович)
10. Под стягом России : сб. арх. док. – М. : Рус. кн., 1992.

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2012 Г. В РОССИИ

Результаты голосований на президентских выборах – это весьма значимый политический фактор и немаловажный индикатор различных социально-экономических явлений.

Кратко рассмотрим следующие темы.

1. Характеристика макрорегионов (экономических районов) России по количеству голосов, поданных во входящих в них субъектов РФ [1] за трех получивших наибольшую поддержку кандидатов – т. е. за В. В. Путина, Г. А. Зюганова и М. Д. Прохорова.

2. Вопрос о связях результатов выборов с некоторыми социально-экономическими явлениями в аспекте распределения по субъектам РФ.

3. Сравнение, в аспекте территориального распределения, результатов президентских выборов 2012 г. с результатами президентских выборов 1996 г. [2].

Как известно, в среднем по России результаты таковы: Путин – 63,6 %; Зюганов – 17,18 %, Прохоров – 7,98 %, Жириновский – 6,22 %, Миронов – 3,85 %.

В территориальном аспекте результаты выборов однородны в том отношении, что В. В. Путин победил во всех без исключения субъектах, и почти во всех, кроме Москвы, набрал свыше половины голосов. Но при этом колебания результатов по регионам значительны. Так, разброс голосов за Путина – от 46 до 99 %, за Зюганова – от 0,03 до 29 %, за Прохорова – от 0,02 до 20 %, за Миронова – от 0,03 до 6,62 %, за Жириновского – от 0,02 до 10,54 %.

Охарактеризуем макрорегионы, или экономические районы страны, по характеру голосования на президентских выборах. Будем учитывать в данном случае только результаты трех кандидатов, набравших наибольшее количество голосов.

Сетка макрорегионов России традиционна, их выделяют около 10, вместе с тем у разных авторов их границы несколько различаются. Далее, после названия макрорегиона, указываются те субъекты, которые в него входят. Будем рассматривать макрорегионы, двигаясь с севера на юг и с запада на восток.

Северо-Запад: Калининградская, Псковская, Новгородская, Ленинградская, Тверская области, Санкт-Петербург; Республика Карелия.

Макрорегион характеризуется, во всех субъектах, несколько сниженной, по отношению к средней по стране, поддержкой

В. В. Путина (52,5–59,6 %, среднее 56,41 %) и повышенной поддержкой Прохорова (7,3–15,5 %, среднее 11,4 %). Результаты Зюганова – 13,1–21,3 %, среднее 18,6 %, т. е. несколько выше, чем в целом по стране. Особняком стоит Санкт-Петербург с резко сниженной поддержкой Зюганова и резко повышенной – Прохорова.

Северо-Восток Европейской части: Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Республика Коми.

Макрорегион также характеризуется сниженной, кроме Республики Коми, поддержкой Путина, (58,0–65,0 %, среднее 60,6 %) и повышенной поддержкой Прохорова (8,3–10,4 %, среднее 9,5 %), но, в отличие от Северо-Запада, здесь во всех субъектах снижена поддержка Зюганова (13,3–16,0 %, среднее 15,2 %).

Центральное Нечерноземье: Владимирская, Костромская, Ивановская, Московская, Калужская, Ярославская, Кировская, Брянская, Смоленская области, Москва.

Характеризуется, в основном, сниженными показателями Путина (46,9–64,0 %, среднее 56,4 %), несколько повышенными – Зюганова (18,3–26,0 %, среднее 20,6 %) и вариативными, но, как правило, повышенными – Прохорова (4,6–20,4 %, среднее 9,5 %). Выделяются Брянская и Смоленская области низкими показателями Прохорова. Еще сильнее выделяется Москва, где Путин получил меньше половины голосов и где Прохоров получил около 20 %.

Центральное Черноземье: Рязанская, Тульская, Тамбовская, Липецкая, Орловская, Воронежская, Белгородская, Курская области.

Поддержка Путина сильно варьирует (52,8–71,8 %), в общем снижена, среднее – 61,7 %, что, однако, выше, чем в более северных макрорегионах. Результаты Зюганова почти повсеместно высокие (16,9–29,1 %, среднее 21,5 %), результаты Прохорова – повсеместно низкие (3,2–6,3 %, среднее 5,4 %).

Юго-Запад: Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, республики Северного Кавказа.

Здесь необходимо рассматривать отдельно края и область, с одной стороны, и республики, с другой, поскольку по характеру голосования они резко различны.

Для краев и области характерно следующее: поддержка Путина практически такая же, как в целом по стране (62,7–64,5 %, среднее 63,6 %), поддержка Зюганова – повышена (18,0–20,1 %, среднее 18,8 %), но не в такой степени, как в Центральном Черноземном макрорегионе. Поддержка Прохорова снижена (6,3–6,7 %).

Для северокавказских республик характерна сильная, в ряде случаев исключительно сильная поддержка Путина (70,1–99,8 %, среднее 87,3 %), слабая поддержка Прохорова 0,02–0,9 %, среднее 1,1 %, в одном случае (Северная Осетия) – повышенная поддержка Зюганова (0,03–21,05 %, среднее 8,4 %).

Поволжье: Нижегородская, Самарская, Ульяновская, Пензенская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области, Республика Марий Эл, Чувашская республика, Республика Калмыкия, Республика Татарстан, Республика Мордовия.

Здесь нужно рассматривать отдельно три республики – Татарстан, Калмыкию и Мордовию.

В регионе (без учета этих республик) поддержка Путина вариативна (58,2–70,6 %, среднее 63,3 %). Поддержка Зюганова – также вариативна (15,6–24,0 %, среднее 19,6 %). Поддержка Прохорова почти повсеместно снижена (5,1–8,0 %, среднее 5,8 %).

Резко выделяются Татарстан, Мордовия и Калмыкия – весьма высоким уровнем поддержки Путина (70,3–87,1 %), низким – всех остальных.

Урал: Пермский край, Оренбургская, Свердловская, Челябинская области, Удмуртская республика, Республика Башкортостан..

Отдельно должна рассматриваться Республика Башкортостан.

Преобладает (без учета Башкортостана) близкий к среднему уровень поддержки Путина (56,9–65,7 %, среднее 63,0 %), сниженный уровень поддержки Зюганова (12,1–24,9 %, среднее 16,5 %), высокий или немного повышенный уровень поддержки в большинстве субъектов Прохорова (5,8–11,5 %, среднее 8,9 %). Нетипичный субъект – Оренбургская область с низкой поддержкой Путина и Прохорова и повышенной – Зюганова.

Резко отличается по характеру результатов Башкортостан с очень высоким уровнем поддержки Путина (75,3 %) и низким – остальных кандидатов.

Западная Сибирь: Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская области; Алтайский край, Ханты-Мансийский АО.

Результаты выборов в высокой степени вариативны (Путин – 55,5–77,2 %, Зюганов – 11,4–24,1 %, Прохоров – 4,6–11,6 %) но четыре субъекта, входящие в ядро макрорегиона (Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край), показывают сходные результаты: существенно пониженную поддержку Путина (55,5–57,3 %), существенно повышенную поддержку Зюганова (22,3–24,0 %). Резко выделяются Тюменская и Кемеровская области с высокой поддержкой Путина.

Восточная Сибирь: Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Республика Тыва.

Отдельно должна рассматриваться Республика Тыва.

Результаты выборов по макрорегиону, без Тывы, в части, касающейся Путина (55,4–65,7 %, среднее 61,2 %) и Прохорова (5,9–8,8 %, среднее 7,4 %), вариативны, поддержка Зюганова в большинстве субъектов Восточной Сибири повышена (14,4– 22,6 %, среднее 18,7 %).

Резко отличается Республика Тыва, с поддержкой Путина около 90 %.

Дальний Восток: Амурская, Магаданская области, Хабаровский край, Приморский край, Камчатский край, Сахалинская Еврейская АО.

Для Дальнего Востока характерны пониженные показатели Путина (56,1–62,8 %, среднее 58,6 %), чаще средние или повышенные – Зюганова (16,0–20,4 %, среднее 18,5 %); чаще средние и повышенные – Прохорова 5,8–9,8 % (среднее 8,3 %).

Рассмотрим (табл. 1) связи корреляции результатов голосования за кандидатов с некоторыми социально-экономическими явлениями.

Таблица 1

	Город. насе- ление, %	Продол- жит. жизни	ВРП, руб./д.н .	Доход, руб./д.н.	Безработ- ные, % от всего населения	Студенты вузов, на 100 тыс. чел.
Путин	-0,23	-0,05	-0,07	-0,23	0,03	-0,30
Зюганов	-0,28	0,04	-0,27	-0,25	-0,27	0,06
Прохоров	0,62	0,26	0,44	0,63	0,06	0,53
Жири- новский	-0,01	-0,49	0,010	0,07	0,39	-0,13
Миронов	0,31	-0,091	-0,01	0,07	0,14	0,01

Как видим, достаточно выраженные связи с социально-экономическими показателями отмечаются в основном у Прохорова.

Рассмотрим также вопрос о связи, в аспекте распределения по субъектам РФ, нынешних результатов президентских выборов с результатами президентских выборов 1996 г. Тогда, как известно, в выборах участвовал один из нынешних кандидатов – Г. А. Зюганов. Территориальная дифференциация в то время была очень резко выражена. Существовало понятие «красный пояс» – область максимальной поддержки Г. А. Зюганова, и малой

популярности Ельцина, с ядром в Центрально-Черноземном районе. Область максимальной поддержки Ельцина и минимальной Зюганова охватывала большую часть Урала и Северо-Восток Европейской части России, менее выражен этот тип голосования был в Центрально-Нечерноземном районе.

В табл. 2 представлены коэффициенты корреляции количества голосов, поданных в субъектах РФ в 1996 г. [2] в первом туре президентских выборов за Ельцина и Зюганова, с количеством голосов, поданных за кандидатов в президенты на нынешних выборах. Отметим слабость корреляции нынешних результатов Г. А. Зюганова с прошлыми результатами и значительную корреляцию результатов Прохорова с результатами Ельцина в 1996 г. Электорально-географическая структура России в 2012 г. по сравнению с 1996 г. претерпела глубокие изменения.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции результатов голосования 1996 г. и 2012 г.

	Зюганов, 1996	Ельцин, 1996
Путин, 2012	0,29	-0,22
Зюганов, 2012	0,39	-0,41
Прохоров, 2012	-0,73	0,75
Жириновский, 2012	Нет	Нет
Миронов, 2012	-0,57	0,51

Литература

1. URL: <http://www.kommersant.ru>
2. Вот так страна шла к своему выбору // Рос. газ. – 1996. – 5 июля.

ШЕЛИПОВА Н. В.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ

Жилищная политика относится к числу функций государства, которые сложились относительно недавно и характеризуют, главным образом, современный этап развития государственных институтов. Еще более скромную историю имеет опыт социальной направленности жилищной политики государства.

Задача настоящей статьи – рассмотрение проблемы формирования социальной функции жилищной политики в современном российском государстве.

По мнению Т. В. Чубаровой, рассмотрение жилищной политики в контексте социальных прав человека сформировалось в первой половине XX в. Этому предшествовало отношение к жилищной политике в контексте санитарно-эпидемиологических и экологических задач [1]. Данный подход к рассмотрению жилищной проблемы господствовал в период урбанизации и индустриализации, главным образом – в XIX в. Поскольку индустриализация привела к огромной миграции населения в города, возникла проблема обеспечения проживания рабочих. Рабочие жили в исключительно тяжелых и антисанитарных жилищных условиях. Государственная власть была вынуждена приступить к управлению в сфере жилищной политики, решая, главным образом, задачу ликвидации антисанитарии и создание элементарных условий проживания рабочих в промышленных городах. Таким образом, здравоохранение на данном этапе было одной из важнейших ценностей и ориентиров государственной жилищной политики. Одним из первых об этой особенности жилищной политики буржуазного государства в XIX в. писал Ф. Энгельс [2].

Жилищная политика в контексте обеспечения социальных прав человека начала рассматриваться только в XX в. При этом подходе органы государственной власти реализуют жилищную политику, защищая социальное право человека на жилище, наряду с другими правами человека, такими как право на труд, отдых, здоровье и образование. Данный подход исходит из ограниченности возможностей рыночной экономики в решении задачи обеспечения большинства населения достойным жильем. Следовательно, сторонники данного подхода в той или иной степени призывают к усилению задач и ответственности государства при реализации жилищной политики, ограничению «стихийных» рыночных механизмов в жилищной сфере. Формируются представления о минимальном стандарте жилья для граждан. Этот процесс осуществляется, главным образом, в высокоразвитых западных странах.

Социальная функция жилищной политики была отражена и в ряде международных документов, в частности, в рамках концепции устойчивого развития. В 1992 г. на крупнейшей международной конференции по охране окружающей среды в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) была принята «Повестка дня на XXI век». В этом документе проблема жилья была признана главным социальным приоритетом. На этой же конференции была создана специальная программа «Жилье в интересах устойчивого разви-

тия», в которой среда дома рассматривается в совокупности со всеми вспомогательными системами. В 1996 г. эта программа получила дальнейшее развитие в рамках международной конференции в Стамбуле. Центр ООН по населенным пунктам разработал на этой конференции новую стратегическую программу «Повестка дня Хабитат», которая содержала Общий план действий по улучшению условий жизни населения городов и сельских поселений [3]. Программа является весьма детальной и регламентирует достаточно широкий круг вопросов по государственной жилищной политике.

Таким образом, в условиях устойчивого развития первостепенной задачей социальной политики государства становится формирование комфортной окружающей среды для человека, что сопряжено с необходимостью комплексного подхода к решению проблем развития жилищной сферы как целостной системы. В соответствии с Законом РФ «Об основах федеральной жилищной политики» жилищная сфера – отрасль народного хозяйства, включающая строительство и реконструкцию жилища, сооружений и элементов инженерной и социальной инфраструктуры, управление жилищным фондом, его содержание и ремонт. Принципы устойчивого развития предъявляют требования к повышению качества строительства и качества содержания жилья.

В современных западных странах жилищная политика государства формируется под воздействием господствующих принципов «социального государства». Право на достойное жилье в рамках данной управленческой парадигмы рассматривается как базовое право человека (в соответствии с законами, а также таким международным документом, как Всеобщая декларация прав человека), и государственная власть несет ответственность за обеспечение граждан доступным и качественным жильем.

Жилищная политика стран Западной Европы в решающей степени формируется исходя из ценностей концепции «государства благосостояния», созданной датским ученым Госта Эспринг-Андерсеном.

В современной России начиная с 1990-х гг. реализовывалась рыночная модель государственной жилищной политики. По признанию ряда экспертов, рыночная модель жилищной политики в последние годы объективно подошла к пределу своих возможностей по мере насыщения потребностей «среднего класса». Дальнейшая реализация подобной модели жилищной политики была осложнена (по сути – блокирована) такими серьезными, а

после наступления кризиса – просто непреодолимыми препятствиями, как неплатежеспособный спрос со стороны «базового» слоя населения, который, по приблизительным оценкам, составляет около 50 % от числа трудящихся в России.

Согласно оценке О. Э. Бессоновой, в течение 2000-х гг. функции рынка жилья трансформировались [4]. Резко увеличилась доля жилья, приобретаемого не для удовлетворения жилищных потребностей, а для других целей – главным образом, экономических. Следовательно, хотя объемы приобретаемого (и строящегося) жилья не сокращаются, сокращается доля жилья, которая выполняет важнейшую социальную функцию – удовлетворение жилищных потребностей населения. Такая трансформация произошла вследствие того, что часть населения, способная приобретать жилье на рынке, в основном удовлетворила свои жилищные потребности. При этом основная масса россиян, перед которыми такие проблемы и потребности все еще существовали, не могли активно выступать на рынке жилья вследствие низкой покупательной способности. Данную тенденцию некоторые эксперты оценивают как проявление ограниченности «рыночной» парадигмы жилищной государственной политики.

Неспособность «рыночной парадигмы» жилищной политики может иметь и вполне осязаемые негативные политические последствия, может выступить фактором политической дестабилизации в России. Вряд ли возможна стабильность в обществе, где большинство граждан заведомо лишены надежды на удовлетворение базовых жилищных потребностей, несмотря на активную и добросовестную работу. В первую очередь это относится к «бюджетникам», чей уровень дохода даже теоретически не позволяет им сегодня приблизиться к уровню, достаточному для участия в ипотеке и других программах по приобретению жилья на рынке.

О. Э. Бессонова подчеркивает, что, начиная с 2009 г., в России на федеральном и региональном уровнях фактически введена новая жилищная политика, в которой кардинально меняется роль государства [5]. Согласно оценке эксперта, меняется функция государства в реализации жилищной политики – вместо функции регулятора рыночных отношений государство начинает выполнять функцию заказчика (или покупателя) определенной доли жилья для обеспечения населения с доходами, которые не могут им позволить решить жилищный вопрос самостоятельными силами. Данный «социальный» поворот многими экспертами оценивается как временный, обусловленный мировым кри-

зисом, по окончании которого прогнозируется возвращение прежних принципов жилищной политики в России.

Начиная с 2009 г. Россия переживает стратегический поворот в жилищной политике, который обусловлен не кратковременным фактором (мировым кризисом), а бесперспективностью прежней модели государственной политики. В условиях этого поворота меняются не только методы жилищной политики. Можно сделать вывод о смене приоритетов жилищной политики государства. В настоящее время можно ожидать, что социальная функция жилищной политики будет выражена значительно сильнее и ярче, чем в предыдущие два десятилетия. По нашему мнению, такая смена приоритетов будет способствовать как оптимизации в социальной сфере российского общества, так и повышению социальной ответственности российского государства. Таким образом, более активная реализация государством социальной функции жилищной политики может способствовать смягчению общественных противоречий и конфликтов, а также приближению российской модели государственного управления к современным стандартам высокоразвитых западных стран.

Примечания

1. Жилищный вопрос как проблема социальной политики : сборник / Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН ; ред. Т. В. Чубарова. – М., 2004. С. 7.
2. Энгельс Ф. К жилищному вопросу Ф. Энгельс. М. : Политиздат, 1985. С. 206.
3. Повестка дня Хабитат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/habitat/habagend.htm>.
4. Бессонова О. Э. Новая жилищная модель как антикризисная мера // Регион: экономика и социология. 2010. № 2. С. 206
5. Энгельс. Указ. соч. С. 204.

ШЕМЕТОВА Н. Ю.

ПЛАТА ЗА ВЫВОЗ ТВЕРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ (ТБО) В МНОГОКВАРТИРНЫХ ЖИЛЫХ ДОМАХ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сбор и вывоз мусора, или твердых бытовых отходов (ТБО) к концу XX – в начале XXI в. из сугубо технического вопроса, интересовавшего разве что специалистов, постепенно превращается в проблему социальную, экологическую, правовую и даже политическую. Хорошо известно, что в Италии разразившийся несколько лет назад так называемый мусорный кризис привел к отставке правительства, дав шанс вернуться в политику такой личности, как С. Берлускони. Периодически схожие проблемы возникают и

в других странах, причем далеко не только в государствах с развитой экономикой и высоким уровнем жизни, а значит, более масштабным потреблением, но и в странах так называемого третьего мира. Причем появляющиеся при этом проблемы, как на срезе, демонстрируют все дефекты социального механизма, все существующие в данном обществе изъяны: правовые, экономические, финансовые. Способность общества цивилизованно относиться к утилизации отходов своей жизнедеятельности становится лакмусовой бумажкой, на которой проверяются многие государственные институты, эффективность их работы, а нередко – и целесообразность самого их существования. Россия, по причине традиционно невысокого уровня жизни большинства ее граждан и не очень большого (в сравнении с теми же европейскими странами, не говоря уже про США) уровня потребления (и объема производимых при этом отходов), в полном объеме с этой проблемой не сталкивалась. Однако проблема существует и у нас, с поправкой на другие традиционные для России проблемы: широко распространенную неразбериху в системе управления, банальное казнокрадство, безответственность чиновников и привычку отмахиваться от многих проблем, доводя их до того уровня, когда они начинают представлять глобальную опасность. К сожалению, как и в других областях, проблема во многом осложняется заинтересованностью должностных лиц управленческого аппарата (всех уровней) и аффилированных с ними коммерческих структур в извлечении из нее прибыли, желательно – на постоянной основе и не неся при этом ответственности за свои действия.

В 2009 г. во многих регионах России на уровне муниципалитетов, представительных органов власти городов и районов (районных, городских дум, городских советов и т. д.), с промежутками в несколько месяцев, были приняты акты, изменяющие порядок оплаты за сбор бытовых отходов, их вывоз на полигоны ТБО, утилизацию ТБО. Изменения состояли в том, что деятельность организаций жилищно-коммунального комплекса в этой сфере перестала быть коммунальной услугой, в том смысле, как это понимает Жилищный кодекс РФ, став частью деятельности по содержанию жилищного фонда. Соответственно, оплата за эту деятельность стала взиматься в рамках оплаты за содержание многоквартирного жилого дома (в платежных документах исчезла отдельная графа «за вывоз мусора», одновременно с этим, резко, в несколько раз, увеличились платежи по другой графе: «за содержание общего имущества»). Попросту граждане России перестали

платить за сбор, вывоз и утилизацию бытового мусора (твердых бытовых отходов, ТБО) по числу зарегистрированных в жилом помещении граждан, как это было предусмотрено ранее действовавшим законодательством, вместо этого оплата стала взиматься исключительно на основе площади занимаемого ими жилого помещения (так называемая оплата по квадратным метрам). Поскольку именно общей площадью жилого/нежилого помещения в многоквартирном доме определяется размер расходов на содержание общего домового имущества, составной частью которого и стали расходы по ТБО. Во время принятия этих нормативных актов на местах лишь отдельные представители местного депутатского корпуса выражали недоумение по поводу принятия правил, вступающих в противоречие не только с ранее сложившейся практикой, но и с интересами миллионов граждан, на которых были возложены многократно увеличившиеся платежи за сбор, вывоз и утилизацию ТБО. Если, при ранее действовавших правилах, сумма платежа составляла в среднем несколько десятков рублей с одного зарегистрированного в жилом помещении человека, то после изменения порядка взимания оплаты по ТБО платеж в другой категории, за содержание общего имущества в многоквартирном доме, увеличился, как минимум, на несколько сотен рублей с одного жилого помещения. Особенно заметна разница в размере платежа у пожилых, одиноко проживающих граждан, в квартирах большой площади. Аналогичные изменения произошли и в части услуг по содержанию лифтов, оплата за которые также стала взиматься, исходя из площади принадлежащего гражданам жилого помещения, а не по числу зарегистрированных граждан. При этом качество оказываемых организациями ЖКХ услуг в этой области, напротив, ухудшилось. В той или иной степени, изменения на этот счет затронули большинство граждан России, проживающих в многоквартирных домах, затронули далеко не в лучшую сторону. Возмущенные граждане направили тысячи обращений во все представительные органы власти: от местных дум, законодательных органов власти субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей) до Федерального Собрания Российской Федерации. Представители депутатского сообщества неоднократно в своих интервью отмечали, что по данному вопросу к *каждому* из них (независимо от их партийной принадлежности, а также от их специализации, т. е. нахождения народных избранников в составе профильных комитетов Государственной Думы РФ, других представительных орга-

нов) поступило множество обращений как от отдельных граждан, так и от групп граждан, от общественных организаций на эту тему. Депутаты не раз комментировали, что жалобы населения к ним идут буквально потоком, но далеко не все представители депутатского корпуса всерьез озаботились данной проблемой. Одновременно, заинтересованные граждане стали изучать правовую составляющую проблемы, пытаясь выяснить, что же, собственно, послужило причиной таких изменений; к проблеме подключились и юристы. Выяснилось следующее. Жилищный кодекс РФ, вступивший в силу в начале 2005 г., внес ряд кардинальных изменений в правовую регламентацию отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, нередко поменяв сам подход к этим правоотношениям. Одним из таких радикальных нововведений и явилось включение оплаты за вывоз ТБО и платы за обслуживание лифтов в структуру платежей за жилые помещения (так называемую плату за содержание и ремонт жилого помещения), в том числе – в плату за услуги и работы по управлению многоквартирным домом, содержанию и текущему ремонту общего имущества в многоквартирном доме. Жилищный кодекс РФ (здесь и далее: ЖК РФ) в части 4 (ст. 154) предусмотрел перечень услуг, которые признаются коммунальными, перечень закрытый и не подлежащий, по смыслу данной нормы, расширительному толкованию. К коммунальным услугам ЖК РФ относит лишь услуги по горячему и холодному водоснабжению, водоотведению, электроснабжению, газоснабжению (в том числе поставки бытового газа в баллонах), отоплению (теплоснабжению, в том числе поставки твердого топлива при наличии печного отопления). *Услуги по сбору, вывозу и утилизации твердых бытовых отходов к данному перечню не отнесены, т. е. не являются коммунальными услугами* (выделено авт. – Н. Ш.), согласуясь со статьей кодекса. Соответственно, у организаций жилищно-коммунального комплекса в этой связи появилась возможность взимать с населения оплату за эти услуги не как за коммунальные, т. е. регулируемые услуги, а как плату за содержание и ремонт жилого помещения. Считаем необходимым особо подчеркнуть, что первично такой порядок был прописан именно в норме ЖК РФ, и лишь позднее его продублировали другие многочисленные нормативные акты в этой области. Нередко приходится сталкиваться с разъяснениями, что, якобы, сложности начались не с принятием ЖК РФ, а в связи с вступлением в действие других нормативных актов. При этом ссылаются, в частности, на Правила содержания общего

имущества в многоквартирном доме, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491. Пункт 11 ч. 2 («Требования к содержанию общего имущества») Правил гласит: «Содержание общего имущества в зависимости от состава, конструктивных особенностей, степени физического износа и технического состояния общего имущества, а также в зависимости от геодезических и природно-климатических условий расположения многоквартирного дома включает в себя:

д) сбор и вывоз твердых и жидких бытовых отходов, включая отходы, образующиеся в результате деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, пользующихся нежилыми (встроенными и пристроенными) помещениями в многоквартирном доме».

Кроме того, в соответствии с пунктом 6 Правил предоставления коммунальных услуг гражданам, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам», сбор, вывоз и утилизация твердых бытовых отходов (ТБО) не входят в *закрытый* перечень коммунальных услуг, предусмотренных этим документом. Именно на этот документ чаще всего ссылаются неюриссты, пытаясь обосновать законность практики взимания платежей за вывоз/утилизацию ТБО, исходя из площади жилых помещений. Аналогична этой и норма п. 2 Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 306. В действительности, эти акты лишь разъясняли, уточняли норму Жилищного кодекса, да и не могли делать ничего другого в силу объективных причин: ЖК РФ, обладая юридической силой закона (а не подзаконного акта), причем акта федерального, что немаловажно, кодифицированного, обладает несоизмеримо большей силой, обязателен для применения всеми субъектами оборота, на всей территории страны. Все остальные акты в данной сфере применяются настолько, насколько они соответствуют кодексу. Если бы не было в тексте кодекса изначально заложенной в нем «мины», другие нормативные акты, содержащиеся в них нормы, не стали бы серьезной проблемой для миллионов российских граждан. Необходимы изменения в сам текст ЖК РФ. Это стало очевидным и для депутатов региональных парламентов. В связи с массовыми обращениями населения представительные органы власти сразу нескольких субъектов Российской Федерации, краев, областей, воспользовались своим правом законода-

тельной инициативы и внесли в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекты об изменении положений статей 39 и 156 ЖК РФ о порядке определения размера платы за вывоз бытовых отходов и техническое обслуживание лифтов. Данный вопрос неоднократно ставился в повестку дня заседаний Госдумы, но его рассмотрение откладывалось, зачастую даже без объяснения причин тому. Наконец, 7 апреля 2010 г., после неоднократных массовых акций протеста граждан, против роста платежей по ЖКХ, в том числе – и против абсурдных нововведений по оплате за вывоз мусора, Госдума рассмотрела данный законопроект. Если точнее, не один законопроект, а сразу пять, внесенных на рассмотрение соответственно Законодательным Собранием Ульяновской области, Ярославской областной Думой, Тюменской областной Думой, Воронежской областной Думой, Калининградской областной Думой. Сам факт рассмотрения этого вопроса Государственной Думой в СМИ никак не освещался, большинство граждан даже не подозревают об этом, а между тем то, какую направленность приобрело рассмотрение этого вопроса на заседании Госдумы, как нельзя лучше иллюстрирует настоящие цели правящей политической элиты и ее действительное отношение к нуждам миллионов граждан. Вероятно, вовсе не случайно на это заседание Госдумы прессу предпочли не приглашать. Полностью текст стенограммы пленарного заседания Госдумы от 7 апреля 2010 г. опубликован на официальном сайте Государственной Думы РФ и в ее печатном издании – «Бюллетене Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Представляется необходимым остановиться на основных моментах обсуждения. Выступление основного докладчика по теме, депутата Госдумы от партии «Единая Россия» Д. Ф. Вяткина, свелось к утверждению, что такие изменения в нормы Жилищного кодекса РФ вводить нельзя ни в коем случае. В обоснование оратором приводились, мягко говоря, неубедительные доводы, что, якобы, при наличии в стране сектора инвестиционного жилья, в котором отсутствуют зарегистрированные граждане, но в реальности может проживать много людей, и если возложить на оставшихся жильцов (хотелось бы спросить: а каким образом?) расходы по содержанию, то будет нарушен принцип справедливости. Очевидно, что как раз возложить недополучаемые компаниями ЖКХ при внесении предлагавшихся изменений в ЖК доходы на остальных граждан будет невозможно в принципе. Для этого нет ни правовых, ни организационных оснований. Огром-

ный сектор ЖКХ, тысячи управляющих жилищных компаний, других организаций жилищно-коммунального сектора, недополучат огромные прибыли, извлекаемые ими благодаря всем негативным изменениям в законодательстве о ЖКХ. Именно озабоченность этим сквозила во всем выступлении докладчика, хотя, понятно, и не озвучивалась. Другим выступающим, пытавшимся возражать основному докладчику, неоднократно отключали микрофон, останавливали их выступления буквально на полуслове. Очевидно, что такой подход наглядно продемонстрировал настоящее отношение власти (в самом широком смысле слова, не только представительной, законодательной власти) к этой проблеме. В результате законопроект не был принят, поскольку правящая партия, «Единая Россия», составляющая большинство, просто отказалась от участия в голосовании по данному законопроекту. Как комментировали потом произошедшее депутаты других парламентских партий: «Голосов не хватило!».

Такой подход поддерживало и продолжает поддерживать и Министерство регионального развития Российской Федерации, которое, в частности, давало разъяснения по данному вопросу в своих Письмах от 3 октября 2008 г. № 25080-СК/14 «О государственном регулировании деятельности по утилизации (захоронению) твердых бытовых отходов» и от 6 марта 2009 г. № 6177-АД/14 «Об особенностях установления размера платы за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме». Представляется необходимым подробнее остановиться на этих документах, поскольку они как нельзя точно характеризуют истинное назначение платежей в ЖКХ, хотя бы в значительной их части. В Письме Министерства от 6 марта 2009 г. № 6177-АД/14 «Об особенностях установления размера платы за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме» содержится несколько потрясающих положений, некоторые из которых были бы уместны в качестве цитат на первых полосах оппозиционных изданий. Прежде всего, в п. 7 Письма установлено, применительно к оплате за содержание лифтов (а эта категория платежей, как уже упоминалось нами выше, аналогична по смыслу ст. 39 и 156 ЖК РФ, расходам по вывозу ТБО): «Расходы на содержание и ремонт лифтового оборудования многоквартирных домов является составной частью расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. *Такие расходы не являются расходами на пользование лифтами, как средствами транспортировки граждан и грузов*» (!!!) (выделено авт. – Н. Ш). Полагаем, что данная форму-

лировка точнее всего характеризует содержание таких платежей. Содержание, конечно, не в формально-юридическом смысле, а по существу. То есть граждане платят, строго говоря, даже не за лифт как таковой, не за качество его работы. И не за вывоз/утилизацию бытового мусора, периодичность его отвоза и т. д. Вносимые ими денежные средства – это, строго говоря, не плата за услуги. Это – налог. Налог на содержание местных политических элит, аффилированных с местными организациями ЖКХ. Даже руководители страны (президент, премьер-министр) не могли не констатировать связь местных правящих политических элит и организаций жилищно-коммунального комплекса, этот факт неоднократно освещался в СМИ. Также широко известен многим и такой факт: смена местных правящих групп на политическом поле (например, приход на пост мэров городов, районов других лиц, ротация местного депутатского корпуса) чаще всего означает и приход на рынок ЖКХ новых «игроков», связанных с представителями новых властных элит. Жилищно-коммунальный комплекс, строительный сектор служат обеспечению финансового благополучия местных правящих элит, подобно тому, как доходы от добычи и экспорта углеводородов служат обеспечению благополучия федеральной правящей элиты. Именно поэтому, представляется, такое сопротивление встретил упомянутый выше законопроект. Федеральная политическая элита, заинтересованная в лояльности, в поддержке местных политических и бизнес-элит; не стала лишать их источника доходов. В этой связи, вероятно, не случайно, что массовое увеличение сумм платежей по ЖКХ произошло в России именно в период мирового экономического кризиса. Местные правящие элиты, потеряв во время кризиса другие источники дохода (либо эти источники существенно сократились), чтобы обеспечить себе прежний уровень жизни, пошли старым, испытанным путем: увеличили поборы с населения. Юристу очевидно, что далеко не случайно именно с 2009 г. (со времени, когда экономический кризис был в самом разгаре) началось массовое применение норм законодательства, принятых задолго до этого (а тот же ЖК вступил в силу еще в начале 2005 г.) и бездействовавших, либо норм, изначально имевших совсем другое назначение, для целей обосновать, узаконить увеличение платежей с населения. В условиях принципиальной нерыночности многих секторов экономики (нерыночности, конечно, не в формальном смысле, а по существу, речь – об отсутствии реальных возможностей для прихода во

многие сегменты рынка независимых от местных правящих элит структур), в отсутствие у населения возможности выбора, другого не приходилось ожидать. К сожалению, и федеральная элита вспоминает об интересах граждан лишь накануне выборов, и то лишь формально, ограничиваясь простой констатацией фактов нарушений в этой сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Гражданский кодекс РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Ч. 1 (в ред. от 9 февр. 2009 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ. Часть 2 (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Жилищный кодекс РФ. – М. : ТК Велби, Проспект, 2005. – 56 с.
5. Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24 июня 1998 г. (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. Об утверждении Правил предоставления коммунальных услуг и Правил предоставления услуг по вывозу твердых и жидких бытовых отходов : постановление Правительства РФ от 26 сент. 1994 г. № 1099 // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 26. – Ст. 2795.
7. Об утверждении Основ ценообразования в сфере жилищно-коммунального хозяйства : постановление Правительства РФ от 17 февр. 2004 г. № 89 // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 8. – Ст. 671.
8. О порядке и условиях оплаты гражданами жилья и коммунальных услуг : постановление Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 392 // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3339.
9. Об утверждении Правил содержания общего имущества с многоквартирным доме и Правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность : постановление Правительства РФ от 13 авг. 2006 г. № 491 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
10. Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса : федер. закон РФ от 30 дек. 2004 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 36.
11. Концепция федеральной целевой программы «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010–2020 годы» : утв. Распоряжением Правительства РФ от 2 февр. 2010 г. № 102-р // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
12. Правила установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг : постановление Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 306 // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 22. – Ст. 2338.
13. Правила предоставления услуг по вывозу твердых и жидких бытовых отходов : постановление Правительства РФ от 10 февр. 1997 г. № 155 (в ред. пост. на 01.02.2005 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 862.

14. Правила пользования жилыми помещениями : постановление Правительства РФ от 21 янв. 2006 г. № 25 // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 5. – Ст. 546.

15. Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме : постановление Правительства РФ от 13 авг. 2006 г. № 491 // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 34. – Ст. 3680.

16. Правила оплаты жилья и коммунальных услуг : утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 392 // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3339.

17. Правила предоставления субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг : утв. Постановлением Правительства РФ от 14 дек. 2005 г. № 761 // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 51. – Ст. 5547.

18. О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам : постановление Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 307 // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2501.

19. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

20. О федеральных стандартах оплаты жилого помещения и коммунальных услуг на 2011–2013 годы : постановление Правительства РФ от 28 сент. 2010 г. № 768 // Рос. газ. – 2010. – 6 окт. – С. 19.

21. Жилищно-коммунальные услуги. Общие технические условия : Гос. стандарт РФ : введ. Постановлением Госстандарта России от 19 июня 2000 г. № 158-СТ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

22. Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда : постановление Госстроя России № 170 от 27 сент. 2003 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

23. О государственном регулировании деятельности по утилизации (захоронению) твердых бытовых отходов : письмо М-ва регионального развития РФ от 3 окт. 2008 г. № 25080-СК 14 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

24. Об особенностях установления размера платы за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме : письмо М-ва регионального развития РФ от 6 марта 2009 г. № 6177-АД/14 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

25. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, А. Хохлова. – М. : Междунар. центр финанс.-экон. развития, 1996. – 704 с.

26. Гражданское право России. Обязательственное право : курс лекций / отв. ред. О. Н. Садилов. – М. : Юрист, 2004. – 844 с.

27. Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право : курс лекций / отв. ред. О. Н. Садилов. – М. : БЕК, 1997. – 704 с.

28. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1. / Н. Д. Егоров [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – 784 с.

29. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2. / Е. Ю. Валявина [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 848 с.

30. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. – М. : Юрайт-Издат, 2003. – 880 с.

31. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный) / Е. Ю. Валявина [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2006. – 1096 с.

32. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Н. М. Коршунова. – М., 2005.

33. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2005.

34. Вниз на лифте. Регионы и депутаты Госдумы ищут путь к снижению коммунальных тарифов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2010/03/19/tarify.html>

35. Госсовет займется ЖКХ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rus.ruvr.ru/2010/11/23/35441988.html>

36. Дачники заплатят за мусор [Электронный ресурс]. – URL: http://wnovosti.ru/nedvijimost/3804-Dachniki_zaplatyat_za_musor.html

37. Законна ли плата за вывоз мусора? [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kvartplata.info/d/18449/index.jhtml>

38. Мусор привязали к квадратным метрам [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rabochy-put.ru/society/3282-musor-privjazali-k-kvadratnym-metram.html>.

39. Оплата за вывоз мусора [Электронный ресурс]. – URL: <http://forum.zakonia.ru/showthread.php?t=23788>

40. Ответственны за чистоту. В Иркутске могут законодательно ввести плату за вывоз мусора в частном секторе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsp.ru/social/2010/07/15/503024>

41. Плата за вывоз ТБО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.terraprava.ru/archive/index.php/t-1075.html>

42. Платить должны, и точка! Коммунальщики объяснили, почему за подъемники берут с «квадрата» [Электронный ресурс]. – URL: http://vyborgpress.ru/pblogs/krupnim_planom/2011/02/15/platit_dolgni_i_tochka_

43. О проекте федерального закона № 276627-4 «О внесении изменения в статью 156 Жилищного кодекса Российской Федерации» (о порядке определения размера платы за вывоз бытовых отходов и техническое обслуживание лифтов; внесен Законодательным Собранием Ульяновской области) : стеногр. отчет о пленарном заседании Гос. Думы Федер. Собр. РФ от 7 апр. 2010 г. // Бюл. Гос. Думы Федер. Собр. РФ. – № 152 (1125), ч. 1. – С. 74–83.

44. Стенографический отчет о заседании Президиума Госсовета Российской Федерации по вопросам жилищно-коммунального хозяйства в городе Сыктывкар 23 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/transcripts/9594>

45. Тариф за вывоз мусора [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zonazakona.ru/archive/index.php/t-48048.html>.

46. Упорядочена плата за вывоз мусора для жильцов многоквартирных домов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.man-com.biz/smi-kmv/gazeta-navodah/uporyadochena-plata-za-vyivoz-musora-dlya-zhiltsov_mnogokvartirnyih_domov.html

СИБИРЬ В XX–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО

Сопредседатели: Корытин Л. М., д-р геогр. наук, профессор (Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы); Зуляр Ю. А., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет)

АФАНАСОВА Е. Н.

РАЗВИТИЕ СЕТИ РОДДОМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

В течение 1930-х гг. одной из сложнейших социальных проблем советского государства стал демографический вопрос. Пытаясь воспрепятствовать негативным тенденциям в сфере демографии, советское государство в этот период определило защиту материнства и детства в качестве одного из важнейших направлений социальной политики. Большое внимание стало уделяться развитию системы здравоохранения, в частности, оказанию родильной помощи.

Созданная советским государством в течение 1920-х – первой половине 1930-х гг. система родовспоможения оставалась недостаточно развитой, имела низкий процент охвата населения, широко сохранялась практика родов на дому, с участием неквалифицированных специалистов, что приводило к высоким показателям младенческой смертности. Все это послужило причиной усиления внимания правительственных органов к проблеме оказания родильной помощи.

27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Данный нормативно-правовой акт затрагивал сразу несколько крайне важных направлений социальной политики советского государства в отношении женщин и детей, в том числе

развитие системы оказания родильной помощи. В данном постановлении перед народными комиссариатами здравоохранения всех союзных республик была поставлена задача добиться полного охвата населения родильной помощью. В городах, промышленных и районных центрах было запланировано ввести в эксплуатацию к 1 января 1939 г. 11 тыс. родильных коек, из них 2 тыс. в 1936 г., 4 тыс. в 1937 г. и 5 тыс. в 1938 г. В целях развития родильной помощи в сельской местности было решено построить и ввести в эксплуатацию 32 тыс. родильных коек, из них за счет государственного бюджета только 16 тыс. Остальные 16 тыс. получали статус колхозных родильных домов, 75 % стоимости их организации финансировалось за счет средств колхозов, 25 % – за счет средств государственного бюджета.

Дополнительно в целях обеспечения рожениц, не охваченных медицинской помощью в системе роддомов, планировалось создание более 14 тыс. новых акушерских пунктов, предоставляющих акушерскую помощь на дому. Из них в 1936 г. 2 700 акушерских пунктов в сельской местности и 1 370 при колхозных родильных домах, в 1937 г. 5 тыс. и 2 тыс., в 1938 г. 6 700 и 2 тыс. соответственно.

Материалы региональных и центральных архивов показывают, что процесс расширения сети родильных учреждений приобрел массовый характер и затронул все регионы советского государства, в том числе территорию Восточной Сибири. В соответствии с планом развертывания родильной сети, принятым отделом родовспоможения при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР, было запланировано увеличить число родильных коек по РСФСР с 8 146 в 1936 г. до 20 896 в 1937 г. [1, л. 17]. В соответствии с отчетами региональных органов здравоохранения в Красноярском крае в 1936 г. фактически в родильных домах насчитывалось 117 родильных коек, а на всей территории Восточно-Сибирской области только 262 родильных коек. Планировалось увеличить их число в 1937 г. до 226 и 364 соответственно, что в процентном соотношении составляет 93 % и 38 % [1, л. 17]. В Бурят-Монгольской АССР планировалось создать в 1937 г. 71 родильную койку, а на территории Якутской АССР – 15 родильных коек [1, л. 17].

Помимо расширения сети родильных коек в самостоятельных роддомах, произошли изменения в колхозных роддомах. Особенностью колхозных роддомов являлся их так называемый «миниатюрный характер», количество существовавших в них ро-

дильных коек в течение всего периода их существования оставалось крайне незначительным. Так, на территории Красноярского края в 1936 г. существовало 12 колхозных роддомов на 30 коек, т. е. в среднем на каждый колхозный роддом приходилось по 2,5 койки. На территории Восточно-Сибирской области в этом же году функционировало 9 колхозных роддомов на 23 койки, в Бурят-Монгольской АССР – 6 роддомов на 12 коек, в Якутской АССР – 4 роддома на 12 коек [1, л. 18]. К 1937 г. эти численные показатели планировалось увеличить до 42 роддомов на 120 коек в Красноярском крае, до 39 роддомов на 115 коек в Восточно-Сибирской области, до 11 роддомов на 32 койки в Бурят-Монгольской АССР, до 9 колхозных роддомов на 27 коек в Якутской АССР [1, л. 18]. Всего по РСФСР планировалось увеличить число колхозных роддомов с 2 852 на 8 340 коек до 4 100, рассчитанных на 12 385 коек.

Масштабные задачи советское государство ставило по расширению акушерских пунктов. В 1936 г. на территории РСФСР функционировало 810 акушерских пунктов, к 1937 г. их количество планировали увеличить до 3720. В Красноярском крае в 1937 г. предполагали создать в акушерских пунктах 90 родильных коек, в Восточно-Сибирской области – 101, в Бурят-Монгольской АССР увеличить число родильных коек с 9 в 1936 г. до 49 в 1937 г., в Якутской АССР с 7 до 32 родильных коек [1, л. 18].

Несмотря на то, что этот план был выполнен не в полном объеме, тем не менее, данные последующих лет показывают произошедший рост сети родильных учреждений. Так, на территории Бурят-Монгольской АССР в 1937 г. уже существовало 103 родильных койки, а в 1938 г. – 118 [2, л. 93].

В 1939 г. в Читинской области числилось 439 родильных коек, а средняя обеспеченность родильными койками стала составлять 0,58 на одну тысячу человек [3, л. 93]. В Бурят-Монгольской АССР в 1939 г. число родильных коек стало составлять 137 [3, л. 104], а в Якутской АССР – 67 [3, л. 135].

Численные данные показывают, что сеть родильных учреждений была наименее развита на территории Якутской АССР и Бурят-Монгольской АССР. Так, в Красноярском крае средняя обеспеченность родильными койками в 1939 г. составляла 84,1 %, а в Бурят-Монгольской АССР только 33,5 % [4, л. 4]. При этом, несмотря на то, что на территории Красноярского края система родовспоможения была наиболее развита в Восточной Сибири, данный регион в отчетах РСФСР числился среди отстающих по

охвату сельского населения родильной помощью (28,3 %), наряду с Чувашской АССР и Мордовской АССР [4, л. 7].

Несмотря на фактический рост численности родильных учреждений на территории Восточной Сибири, их число не отвечало возросшим потребностям населения в связи с ростом рождаемости в конце 1930-х гг., наблюдалось явное несоответствие фактической и требуемой обеспеченности родильными койками. Так, в 1939 г. в Бурят-Монгольской АССР фактическая обеспеченность родильными койками на тысячу населения составляла 0,67, а требуемая – 2, в Читинской области соотношение фактической и требуемой обеспеченности составляло 0,86 на 1,77, в Иркутской области – 1,13 на 1,67, в Красноярском крае – 1,21 на 1,44 [4, л. 12].

Архивные материалы содержат сведения, показывающие охват стационарным родовспоможением сельского населения РСФСР в 1939 г. на 100 рождений. Всего указано 50 регионов РСФСР в порядке от наименьшего охвата населения родильной помощью к наибольшей. В этом списке Бурят-Монгольская АССР числится на 8-м месте и имеет показатель 25,6, Иркутская область – на 13-м месте (28,9), Читинская область – на 26-м месте (36,6) и Красноярский край – на 45-м месте (56,7) [4, л. 14].

Охват стационарной родильной помощью городского населения в 1939 г. на 100 рожениц в Бурят-Монгольской АССР составлял всего 50,8. Из 50 субъектов РСФСР Бурят-Монгольская АССР стояла на 2-м месте в списке всех субъектов, начиная от наименьшего охвата населения. Читинская область – на 4-м месте и имела показатель – 58,2, Красноярский край – на 10-м (75,9), Иркутская область на 14-м месте (77) [4, л. 16].

Несмотря на столь низкие показатели удовлетворения потребностей населения родильной помощью, среднегодовая занятость одной родильной койки оставалась незначительной. В среднем по РСФСР в 1939 г. она составляла по городу 275 дней и по селу 194 дня [5, л. 12]. Красноярский край использовал родильную койку в среднем только 221 день, Иркутская область – 290 дней, Бурят-Монгольская АССР – 262 дня. Данные регионы Восточной Сибири, за исключением Красноярского края, в «Анализе сети и деятельности родовспомогательных учреждений РСФСР за 1939 г.», проведенном отделом родовспоможения Народного комиссариата РСФСР, обозначались как регионы, особо неудовлетворительно использующие сеть родильных учреждений [5, л. 12]. По данным 1940 г. в Бурят-Монгольской АССР

среднегодовая занятость родильной койки в городских роддомах составляла 165 дней, в родильных отделениях при больницах – 192 дня, в роддомах сельской местности – 143 дня, в колхозных роддомах – 71 день [6, л. 164]. Одной из причин пустующих коек в родильных учреждениях являлось отсутствие транспорта, что было особенно актуально в сельской местности, для которой характерна большая степень территориальной разбросанности населения, чем в городе. Колхозами не предоставлялся транспорт для перевозки рожениц в роддом и медперсонала для оказания помощи на дому. Также сказывалась неэффективно организованная патронажная работа, слабая связь женских консультаций с роддомами.

В результате реализации постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. на территории Восточной Сибири была создана целая сеть родильных учреждений. К 1940 г. в Красноярском крае функционировало 46 роддомов на 766 родильных коек [7, л. 17]. В Читинской области в 1940 г. действовало 58 роддомов на 486 родильных коек и 13 акушерских пунктов [7, л. 93], в Бурят-Монгольской АССР – 38 роддомов на 339 родильных коек и 29 акушерских пунктов [7, л. 104], в Якутской АССР – 35 роддомов на 250 родильных коек и 10 акушерских пунктов [7, л. 135].

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. на территории Восточной Сибири продолжался процесс создания государственных учреждений охраны материнства и детства, в том числе родильных домов. Однако рост числа родильных учреждений отставал от темпов роста населения региона, в результате чего по-прежнему сохранялся недостаток роддомов. Тем не менее, наблюдалось постепенное подтягивание сети роддомов до средних российских стандартов и приближение региона к общероссийским показателям.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А482. Оп. 29. Д. 1.
2. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 18.
3. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 52.
4. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 65.
5. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 29.
6. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 44.
7. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 29. Д. 52.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1920–1930-е гг.)

Разработка правительством Российской Федерации системы мероприятий, направленных на поддержку семьи, стимулирование рождаемости детей, низкой очередности в условиях депопуляционного тренда, охрану здоровья матери и ребенка, возможность для женщин совмещать материнство с участием в производстве, актуализирует обращение к историческому опыту советского государства в этой сфере в 1920–1930-е гг. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае, образованного в 1934 г. в пределах Енисейской губернии, являлась, с одной стороны, определенным срезом общегосударственной политики, с другой, – отражала региональные особенности.

Создание системы охраны материнства и детства включало разработку законодательства, защищавшего интересы матери и ребенка, контроль за его исполнением, организацию лечебно-профилактической помощи женщине. В декабре 1917 г. был подписан Декрет об учреждении отдела охраны материнства и младенчества при Наркомате государственного призрения. Социальное обеспечение материнства рассматривалось как необходимое условие осуществления фактического равноправия женщин и мужчин, как фактор, содействующий росту социальной активности женщин. Советское правительство издало ряд декретов, направленных на улучшение жизни матерей и детей. Им предоставлялась бесплатная медицинская помощь, беременные и кормящие получали удвоенные пайки. Было установлено пособие на приобретение предметов ухода за новорожденным и кормление ребенка в течение первых трех месяцев, принимались меры для организации детского питания [1].

С 1918 г. учреждения охраны материнства и младенчества (ОХММ) строились в СССР как единая система: консультация для женщин, родильный дом, акушерский пункт, консультация для грудных детей, ясли, дом матери и ребенка, дом младенца, социально-правовая (бытовая) консультация [9].

После войн и революций осталось много разоренных семей, обездоленных одиночек-матерей, сирот и подкидышей. Преобладающим типом учреждений этого периода были дома матери и ребенка, по одному в уездах Енисейской губернии. Их материальное и санитарное состояние было крайне неудовлетворитель-

ным, отсутствовал подготовленный персонал, заболеваемость и смертность детей была очень высокой [2, д. 157, л. 1]. Поэтому многие женщины опасались устраивать детей в ясли, считая, что «лучше пусть голодны, да в грязи будут, но дома», «когда уже пропадать, тогда решусь в ясли сдать» [4, д. 2462, л. 34].

Во время нэпа учреждения охраны материнства и младенчества были переданы на местный бюджет, и в 1921–1922 гг. организация пережила период резкого свертывания сети, изначально развивавшейся исключительно в городах [1]. В 1923 г. на XII партийном съезде как перспективная задача была определена работа в сельской местности. В 1925 г. на III Всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества была намечена организация страхования материнства, борьба с подкидыванием детей, устройство яслей и сети консультаций, улучшение родовспоможения в сельской местности [7].

Система государственного родовспоможения только закладывалась. В 1925 г. количество родильных коек при больницах было значительным только в Красноярске – 60, в то время как в сельских местностях Красноярского окр. их насчитывалось только 3, в Хакасском округе – 7, в Енисейске – 5, Ачинске – 12, Канске – 15, Минусинске – 5 [3, д. 1087, л. 1].

В 1927–1928 гг. в селах бывшей Енисейской губернии только 5 % родов принималось в медицинских пунктах, остальные – дома или с помощью повитух. Недостаток акушеров и врачей объяснялся как общим социально-экономическим положением в стране, так и состоянием медицины и санитарного просвещения. При мединституте в Красноярске в связи с недостаточным финансированием не удалось открыть отделение по подготовке работниц по охране материнства и детства [4, д. 4029, л. 11]. Райисполкомы г. Минусинска и Ачинска из-за недостатка средств были вынуждены отказать курсантам ОХММ при медучилищах в питании и проживании в общежитии [5, д. 463, л. 1].

Из протоколов собраний работниц и крестьянок Красноярского округа в 1925 г. известно, что в сельских кооперативах создавались библиотечки «Мать и дитя», где имелись «Азбука матери» Сперанского, «Здоровье детей» Лебединского, «Мать и дитя» Бражникова и др. Рекомендовалось делать необходимые запасы для новорожденных (ткань для пеленок, мыло, бутылочки для молока, лекарственные средства, диетические продукты (мука «Нестле», крахмал, крупы манная, рисовая, геркулес, сухофрукты и др.). В Красноярске имелись дом матери и ребенка, младенца,

двое яслей, консультация для беременных и грудничков, молочная кухня. Большинство детей в домах матери и ребенка являлись подкидышами, а женщин – одиночками. Наплыв в них наблюдался накануне зимы. Молочная кухня ежедневно отпускала 100 порций детского питания. На собраниях женщин также обсуждался вопрос о принятии нового закона о браке, семье и опеке. В целом при одобрении положения о равенстве юридических и фактических браков было отмечено, что только юридический брак обеспечивал женщине равные с мужчиной имущественные права, а в случае развода право на получение алиментов на детей [3, д. 1062, л. 13–14, 17–19, 38–41].

Детская смертность продолжала оставаться очень высокой. Значительная часть детей погибала в раннем возрасте до 5 лет вследствие ненадлежащего ухода и инфекционных болезней. В 1926 г. на 1000 родившихся детей умерло моложе 1 года в Красноярском округе 244,8 чел. в городской, 267,5 – в сельской местности; в Ачинском – 269,7 и 293,7 чел.; Минусинском – 219,0 и 240,7 чел.; Канском – 318,7 и 250,3 чел.; Хакасском – 135,1 и 136,5 чел. [6, с. 36–37, 40–41].

В 1926 г. в ходе беспартийной женской конференции в Красноярске был объявлен трехдневник по охране материнства и младенчества. Его целью было «научить мать, как вести себя во время беременности, родов, кормления ребенка в целях сохранения им здоровья». Женщинам было рекомендовано страховаться на период беременности и вступать в кассы взаимной помощи. Отмечались негативные случаи. Сообщалось о безработной матери с пятью детьми, не охваченной помощью сети ОХММ [3, д. 1062, л. 58–61].

Масштабные процессы индустриализации страны сопровождались значительным ростом женского труда в производстве. В 1927 г. Сибирский краевой комитет ВКП(б) на основе постановления СНК РСФСР принял решение отчислять $\frac{1}{4}$ фонда заработной платы предприятия на содержание яслей, обслуживавших его работниц [4, д. 2452, л. 36]. В 1928 г. вышло постановление законодательных органов об освобождении беременных и кормящих женщин от работы в ночной смене на предприятиях, переводимых на семичасовой рабочий день.

К 1929 г. положение в системе ОХММ в крае несколько улучшилось: функционировало 9 постоянных яслей, 222 – временных, 20 детских консультаций с медицинским персоналом и патронажем, 18 консультаций для беременных, 2 дома матери и ребенка

и 1 дом младенца [2, д. 17, л. 43]. Открылись санаторные лагеря для пионеров в Ачинске и Минусинске, 3 лагеря для физически ослабленных детей в Красноярске. В округах были открыты по 1 детской профилактической амбулатории [2, д. 1716, л. 11, об., 4].

Несмотря на увеличение вдвое к 1929 г. ясельной сети, работа осложнялась ее слабым финансированием и снабжением. Не хватало самого необходимого – помещений, продуктов – молока, муки, круп, сахара. Около 70 % работников ОХММ совмещали работу в яслях с лечебной и акушерской работой. В Канске выстроенное под ясли помещение было передано школе [2, д. 2195, л. 4–5].

В ходе коллективизации консультациям и акушерским пунктам в колхозах и совхозах было дано задание вести учет и обслуживать детей, а также беременных колхозниц, наблюдать за предоставлением отпуска перед родами, направлять беременных на более легкие работы [7]. Массовое развитие сельских учреждений ОХММ началось после XVI съезда Советов в 1935 г. и II съезда колхозников [10].

С 1930 г. начали действовать педиатрические факультеты при медицинских институтах, что должно было положительно сказаться на здоровье детей. В апреле 1931 г. на Всероссийском совещании по вопросам охраны материнства и младенчества было принято решение об организации массовых форм ясельного обслуживания. В 1935 г. в стране появились первые детские поликлиники [9].

Особое внимание уделялось развертыванию ясельной сети, прививочных кабинетов, пунктов питания и консультаций на новостройках [7]. По данным 1935 г., в Хакасской автономной области детские сады и площадки для детей дошкольного и школьного возрастов создавались при промышленных предприятиях и рудниках. При Саралинском поселковом совете действовало 17 детских площадок (1 097 детей). Размещались они при рудоправлении в пос. Трансваль, Терсин, Андреевский, Гаврило-Архангельский, Потаповский, Верхне-Надеждинский, Подвинский, ЦЭС и др. Площадки обслуживались 33 педагогами. В Балыксинском поссовете насчитывалось 6 площадок (165 детей), созданных при приисках Неожиданный, Николаевский, Иноккентьевский, Федоровский, Усть-Балыкса. В Черногорске для детей шахтеров было открыто 3 оздоровительных лагеря на 1 097 чел. В Абакане насчитывалось 5 площадок для детей дошкольного возраста (218 мест), 2 – школьного (75) при 15 педагогах. Всего же в Хакасии функционировало 96 площадок для детей дошкольного возраста

(3858 мест) и 9 школьного возраста (336). На городские местности приходилось соответственно 28 и 2 площадки, сельские – 68 и 7 [8, д. 9, л. 28–31, 40, 45].

На протяжении второй половины 1930-х гг. (с 1935 по 1939) в Хакасии увеличилось количество роддомов с 1 до 8, постоянных яслей с 2 до 70 (на 108 и 2 026 мест), сезонных – с 90 до 130 (на 2 012 и 4 963 мест), женских и детских консультаций – с 3 до 5 [8, д. 235, л. 5, 24].

Массовое вовлечение женщин в производство и начавшийся процесс модернизации репродуктивного поведения населения привели к росту числа аборт. В 1935 г. в городских местностях Красноярского края на 7 671 родов пришлось 10 844 абортов (141,4 %), соответственно в сельской местности 5 376 и 3 937 (73,2 %). В 1936 г. аборты были запрещены, за их производство введено уголовное наказание. В результате количество родов в городах увеличилось до 14 691, абортов уменьшилось до 5 208 (35,5 %), в сельской местности соответственно до 9 301 и 2 263 (42,3 %) [2, д. 2704, л. 26]. Дальнейшее развитие службы родовспоможения и борьба с абортами привели к росту рождений в городских поселениях края в 1938 г. до 15 272 чел. (из них 115 на дому), в селе – до 9 391 чел. (972). Абортов было сделано соответственно 3 573 и 1 156, что составляло 23,4 и 12,3 % от принятых родов [2, д. 3008, л. 37, об.].

В 1938 г. в городских поселениях Красноярского края действовало 18 роддомов, 6 лечебных детских домов. Количество яслей и молочных кухонь в городах составило 55 (3 016 мест) и 11, селах – 181 (5 039) и 3. Работали один дом матери и ребенка, 6 домов младенца. Возросло число педиатров – 55 в городах, 4 – в сельской местности, а также фельдшеров – 158 и 338, акушеров – 267 и 154 и сестер в яслях – 554 и 313 [2, д. 3008, л. 33, 36 об., 37, об., 38, об., 40, 41].

В целом следует констатировать, что создание и деятельность органов по охране материнства и детства в крае в 1920–1930-е гг. имели двоякую направленность, с одной стороны, лечебно-профилактическую (развитие системы родовспоможения, снижение заболеваемости и смертности женщин и детей, организация отдыха, лечения, питания), с другой, – производственно-бытовую, связанную с вовлечением массы работниц и крестьянок в хозяйственно-культурную жизнь страны, потребовавшую организацию сети яслей, детских площадок и массовую подготовку кадров для этих учреждений.

Литература

1. Аракелова М. П. Опыт охраны материнства и младенчества [Электронный ресурс] / М. П. Аракелова. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/924/879/1216/0>
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-482. Оп. 10.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1. Ч. 1.
4. ГАО. Ф. П-2. Оп. 1. Ч. 2.
5. ГАО. Ф. 3. Оп. 3-4. Ч. 1.
6. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. – Новосибирск : СКИК, Статотдел, 1930. – 93 с.
7. Лебедева В. Охрана материнства и младенчества [Электронный ресурс] / В. Лебедева. – URL: <http://bigmeden.ru/article>.
8. Национальный архив Республики Хакасия. Ф. П-169. Оп. 1.
9. Новикова Е. Ч. Забота партии о женщине-матери [Электронный ресурс] / Е. Ч. Новикова. – URL: http://www.a-z.ru/women/texts/s_173r.htm
10. Организация медицинской помощи женщинам и детям [Электронный ресурс]. – URL: http://abc.vvsu.ru/Books/u_medico_s/page0018.asp

БУЛГАКОВА М. Г.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–2002)

В условиях социально-политических и экономических трансформаций, переживаемых Россией в постсоветский период, происходит актуализация потребностей общества в организации новых форм взаимодействия между гражданами и государством, общественностью и образованием. В процессе модернизации образования предполагалось реально придать управлению школьным образованием государственно-общественный характер, который способствовал бы обеспечению открытости и прозрачности всей системы образования. Для этого необходимо было законодательно закрепить нормы общественного участия в школьном образовании.

Правовые основы, на которых осуществляется сегодня процесс общественного участия в школьном образовании, получили значительное развитие. Одним из основных документов был Федеральный закон «Об образовании» от 10 июля 1992 г. [1]. В Конституции Российской Федерации 1993 г. есть ряд статей, которые придают управлению системой образования общественный характер [2]. Всего за десять лет было принято 40 федеральных законов, касающихся правового регулирования отношений в сфере образования.

Задачей нашего исследования является рассмотрение истории формирования нормативно-правового регулирования общественного участия в школьном образовании.

Смысл, содержание и применение любых нормативно-правовых актов, прежде всего, определяются правами и свободами человека и гражданина, установленными главным законом страны – Конституцией. Поэтому системообразующим компонентом в системе школьного образования выступают права и обязанности граждан, декларированные в Конституции РФ, на основе которой действует существующее ныне законодательство страны [2, гл. 2].

При осуществлении образовательной деятельности важную роль играют законы РФ «Об образовании», трудовое законодательство, законы о предпринимательской деятельности, законы, включенные в «Гражданский кодекс Российской Федерации», а также законы, в той или иной степени связанные с административным и уголовным правом.

К нормативным документам Министерства образования РФ относятся постановления Коллегии Министерства образования РФ, приказы, инструктивно-методические письма, инструкции, положения по различным сферам образовательной деятельности. Эти документы регулируют образовательную деятельность на основе Конституции РФ и Закона РФ «Об образовании» и направлены на нормативно-правовое обеспечение образования в рамках единого образовательного пространства страны.

Первые попытки взаимодействия государства и общественности по отношению к проблемам школьного образования относятся уже к середине 1980-х гг. [3]. Тогда, в соответствии с основными направлениями реформы школы, объявленной государством, стали создаваться районные и школьные советы, в состав которых входили, кроме работников образования, представители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, различных ведомств, родительской общественности. По мнению Д. А. Астафьева и Г. Е. Козловской, районные и школьные советы, создаваемые «приказом сверху», превратились в формальные органы, мало что меняющие в системе управления школьным образованием. Советы по образованию быстро превратились в придатки государственных органов, а с развалом СССР и вовсе прекратили свое существование [4; 5].

Согласно исследованиям В. И. Бочкарева, само словосочетание «государственно-общественное управление» как значимая

категория педагогики в нашей стране получило свое признание в 1988 г., после февральского Пленума ЦК КПСС, указавшего на целесообразность создания в школах и ПТУ общественных советов из числа педагогических работников, учащихся, их родителей, представителей производственных коллективов [6; 7]. В 1988 г., в качестве руководящего государственно-общественного органа, при Государственном комитете по народному образованию был создан одноименный Всесоюзный совет. Приняв, в основном, Концепцию общего среднего образования и Положение о средней школе, Всесоюзный съезд работников народного образования (декабрь 1988 г.) отметил, что первоочередным направлением перестройки образования становится создание государственно-общественной системы управления учебными заведениями. К концу перестройки, в 1989 г., когда становились очевидными кардинальные перемены в жизни страны, министр Г. А. Ягодин подписал радикальный Приказ Государственного комитета СССР по образованию, вводящий широкое общественное участие в школьном управлении, к сожалению, оставшийся нереализованным [8]. Так, на фоне смены политического и экономического строя страны закончился первый этап процесса организации управления образованием на общественно-государственных принципах в новейшей отечественной истории [5, с. 168].

С принятием закона РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. начался новый этап демократизации управления образованием, в ходе которого идеи государственно-общественного управления нашли свое отражение в целом ряде законодательных документов и нормативных актов различного уровня [3, с. 93–100].

Принцип государственно-общественного управления образованием провозглашен в ст. 2 Закона Российской Федерации «Об образовании» и конкретизируется пунктами 2 и 5 ст. 35 указанного Закона: п. 2: «Управление государственными и муниципальными образовательными учреждениями строится на принципах единоначалия и самоуправления. Формами самоуправления образовательного учреждения являются совет образовательного учреждения, попечительский совет, общее собрание, педагогический совет и другие формы. Порядок выборов органов самоуправления образовательного учреждения и их компетенция определяются уставом образовательного учреждения». П. 5: «Разграничение полномочий между советом образовательного учреждения и руководителем образовательного учреждения определяется уставом образовательного учреждения» [1, ст. 35].

Закон «Об образовании» дает возможность создавать общественные структуры управления (самоуправления) самим образовательным учреждениям. Формы общественного участия в жизни образовательного учреждения могут быть совершенно различны, к ним можно отнести совет общеобразовательного учреждения, попечительский совет, управляющий совет. Стоит обратить внимание, что перечень названий форм самоуправления в образовательном учреждении является открытым, следовательно, возможны и другие названия [9]. Поэтому к формам самоуправления также относятся: собрание трудового коллектива, педагогический совет, родительский комитет, профсоюзный комитет, методические объединения (предметные кафедры) учителей, органы ученического самоуправления и др. Органы самоуправления избираются и функционируют в соответствии с уставом общеобразовательного учреждения [10–14].

Для образовательных учреждений правовое определение попечительский совет получил в Указе Президента РФ в 1999 г. При этом функции ответственного управления данным Указом попечительскому совету приданы не были. Перед ним была поставлена задача содействия образовательному учреждению в привлечении дополнительных ресурсов из внебюджетных источников, в основном за счет добровольных благотворительных пожертвований в имущественной или денежной форме от юридических и физических лиц. При этом право управлять даже этой деятельностью, определять направления расходования привлеченных внебюджетных средств за попечительским советом закреплено не было [10].

Еще одним важным документом, законодательно закрепляющим участие общественности в жизни образовательного учреждения, является ст. 3 закона РФ «Об общественных объединениях» (1995 г.). В этой статье закреплено право граждан на создание по своему выбору общественных объединений, а также право вступать в общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов. Создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в предусмотренном указанным Федеральным законом порядке и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и, соответственно, приобретения прав юридического лица [15, ст. 3].

Статья 7 данного закона устанавливает следующие организационно-правовые формы общественных объединений:

- общественная организация;
- общественное движение;
- общественный фонд;
- общественное учреждение;
- орган общественной самодеятельности [15, ст. 7].

Общественность может также действовать в рамках других некоммерческих организаций, организационно-правовые формы которых определены Гражданским кодексом Российской Федерации [16] и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» (1996 г.).

К ним относятся:

- фонд,
- некоммерческое партнерство,
- учреждение,
- автономная некоммерческая организация [17].

В целом анализ нормативно-правовой базы говорит о том, что с начала 90-х гг. и по настоящее время в сфере общего образования стимулируются процессы создания коллегиальных органов и структур, которые должны действовать как на уровне различных органов управления образованием, так и на уровне отдельных образовательных учреждений [18].

Вместе с тем на практике реализация государственно-общественного управления образованием как одного из ведущих принципов государственной образовательной политики не всегда получает должное развитие [3].

Создававшиеся попечительские советы школ брали на себя в основном функцию регулирования внебюджетных средств, влияемых в финансирование образовательных учреждений. Другие области деятельности, по сути, не входили в сферу их влияния. Управление образованием фактически оставалось традиционно ведомственным. Полномочия, данные школьным советам «Положением о совете школы» 1989 г., предполагавшие осуществление контроля за подбором, аттестацией и управлением кадрами, контролем расходования бюджетных ассигнований, с одной стороны, оказались непосильными для общественности, а с другой, активно блокировались представителями администрации различного уровня.

Одним из наглядных и конкретных примеров проявления всего вышеописанного комплекса причин является продемонстрированная профессором В. И. Бочкаревым ситуация, когда «...введение в действие Закона РФ “Об образовании” в 1992 г. и

его модифицированного варианта 1996 г., разумно сняв непосильные функции, в то же время лишило этот орган каких-либо ориентиров относительно роли и места во внутришкольном управлении» [6]. Теперь разграничение полномочий между советом образовательного учреждения и его руководителем должно определяться уставом ОУ, что практически приводит к возвращению полного бесконтрольного единовластия директора школы – во многих ОУ устав находится вне досягаемости не только общественных участников образовательного процесса, но даже и основной массы педагогических работников [19].

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативная база по развитию практики общественного участия в школьном образовании на начало второго тысячелетия не была достаточно проработанной в связи с такими факторами, как: недостаток информации; непонимание реальных полномочий; отсутствие возможности для обучения.

Литература

1. Об образовании : закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
2. Конституция РФ от 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 23 дек.
3. Гусаров В. И. Государственно-общественное образование : монография / В. И. Гусаров. – Самара : НТЦ, 2006. – 496 с.
4. Астафьев Д. А. Общеобразовательная школа Южного Урала в 1980–1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Астафьев. – Оренбург, 2007.
5. Козловская Г. Е. Российское образование в постсоветский период 1991–1999 гг. : дис. / Г. Е. Козловская. – М., 2003. – 430 с.
6. Бочкарев В. И. Концепция государственно-общественного управления общим образованием / В. И. Бочкарев. – М. : ИОСО РАО, 2005. – С. 4–16.
7. Вяземский Е. Е. История для завтрашнего дня (современная реформа школьного исторического образования в России) / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова, В. И. Уколова. – М., 1999. – 234 с.
8. Седлецкая Н. С. Развитие российского среднего образования в постсоветский период и его адаптация к историческим условиям // Изв. АГУ. – 2008. – № 4. – С. 60–72(14).
9. Цибульников В. Е. Становление и развитие теоретико-методологических основ внутришкольного управления : автореф. / В. Е. Цибульникова. – М., 2010. – 21 с.
10. Об утверждении Примерного положения о попечительском совете общеобразовательного учреждения : постановление Правительства РФ от 10 дек. 1999 г. № 1379 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
11. Об активизации процессов создания функционирования советов общеобразовательных учреждений : письмо М-ва образования РФ от 12 февр. 1996 г. № 196/11 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
12. О типовом положении общеобразовательного учреждения : постановление Правительства РФ от 31 авг. 1994 г. № 1008 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

13. Об активизации процессов создания функционирования советовобщественно-образовательных учреждений : письмо М-ва образования РФ от 12 дек. 1996 г. № 196/11 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

14. О дополнительных мерах по поддержке общеобразовательных учреждений в Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 авг. 1999 г. № 1134 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

15. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

17. О некоммерческих организациях : федер. закон от 21 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

18. Государственно-общественное управление: юридический аспект [Электронный ресурс] // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов. – URL: www.vrodrk.narod.ru

19. Седелников А. А. Государственно-общественное управление образованием – объективное условие его модернизации // Нар. образование. – 2006. – № 7. – С. 110–113.

ВАСИЛЬЕВА Н. Ф.

КУЛЬТУРНО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ

Бывшие репрессированные революционеры к мысли о пропагандистской работе пришли не сразу. В первом уставе Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, принятом 12 марта 1921 г., цели объединения ограничивались только сбором, сохранением, разработкой и публикацией материалов, касающихся жизни и быта в ссылке и на каторге; оказанием взаимопомощи; увековечиванием памяти погибших товарищей. По мере своего развития Общество уточнило формулировки целей и задач. В уставе, принятом I Всесоюзным съездом Общества в 1924 г., появилось дополнение: распространение имеющихся в распоряжении Общества материалов о каторге и ссылке и вообще революционном движении различными способами среди широких слоев трудящихся и т. д.

II съезд Общества в 1925 г. расширил задачи бывших узников царизма, включив историко-исследовательскую деятельность, которая, по их мнению, послужит основой для агитационно-пропагандистской работы в области распространения среди широких слоев трудящихся сведений о тюрьме, каторге и ссылке времен борьбы с самодержавием, а также истории русского революционного движения. В дальнейшем в агитационно-пропагандистскую ра-

боту была включена воспитательная функция. На IV съезде Общества в 1931 г. подчеркивалось, что изучение революционного прошлого не должно быть данью чисто академическим интересам, а должно строиться на революционно-практическом подходе к прошлому: «Популяризация основных моментов истории революционного движения в России как в массах, так и ее активе,... должна и здесь и там быть одним из орудий воспитания масс» [10, с. 20].

Поставив перед собой огромные задачи собирателя, исследователя, популяризатора, воспитателя и пропагандиста революционного опыта, Общество организовало разветвленную сеть подразделений. Во главе стоял Центральный совет с его руководящим органом – президиумом. Под непосредственным руководством Центрального совета проходила вся агитационно-пропагандистская, научно-исследовательская, издательская и материально-хозяйственная работа. Агитационно-пропагандистской работой занималась комиссия Агитпропа, созданная 18 марта 1924 г., которая в 1929 г. была переименована в культурно-пропагандистскую (Культпроп). Научно-исследовательская деятельность протекала под руководством литературно-исторической (позже – историко-исследовательской) комиссии. В 1929 г. были созданы научные историко-исследовательские секции во главе с Центральным бюро (ЦБ НИИС), руководителем которого стал М. М. Константинов. В составе семи секций насчитывалось 440 человек, из которых 233 (52,9 %) не состояли членами Общества [8, с. 21]. Издательская деятельность Общества проходила под руководством ЦБ НИИС и редколлегии журнала «Каторга и ссылка». Самостоятельную научную и пропагандистскую работу вели отделения, сформированные из членов Общества в бывших местах каторги и ссылки, а также землячества, организованные в Москве и Ленинграде из бывших ссыльных и каторжан: Якутское, Иркутское, Енисейское, Нерчинское. К 1925 г. насчитывалось 20 отделений, открытых в Ленинграде, Киеве, Чите, Иркутске, Томске, Одессе, Тбилиси, Харькове и т. д. [14, с. 281].

Вопросы, связанные с развитием агитационно-пропагандистской работы, часто ставились в центр внимания съездов и пленумов Общества. III съезд Общества, проходивший в 1928 г., предложил использовать новые формы работы: создавать кинофильмы и сценическую литературу, диапозитивы, характеризующие отдельные яркие моменты по истории тюрьмы, каторги и ссылки; полнее использовать в агитпропработе музейные материалы и

радиопередачи; предоставить необходимые условия для хранения и широкого использования музейных ценностей. На съезде был одобрен план построения Центрального музея каторги и ссылки, отделениям рекомендовалось организовывать свои уголки «тюрьмы, каторги и ссылки». [12, с. 187–188]. Особое внимание организации общественно-политической работы в Обществе стали придавать в начале 30-х гг. IV Всесоюзный съезд Общества в 1931 г. призвал придать общественно-политическим мероприятиям плановый, систематический характер, а для проведения мероприятий создать специальные кадры пропагандистов, организовать кружки по диалектическому материализму, ленинизму и истории классовой борьбы [11, с. 23–25].

В начале 30-х гг. общественно-пропагандистская работа развернулась настолько активно, что в 1933 г. состоялось I Всесоюзное совещание культпропов. К совещанию были подготовлены и опубликованы материалы о культурно-пропагандистской работе: отчет о работе за 1932 г. и проект тезисов [1, с. 51]. По мнению бывших политкаторжан, мероприятия культпропов должны воспитывать широкие рабоче-крестьянские массы для выполнения роли сознательных строителей социализма. Подчеркивалось, что в условиях обострения классовой борьбы от каждого члена Общества требуется «сознательное понимание особенностей и задач современного этапа борьбы за социализм и умения правильно разобраться в отдельных явлениях». Лейтмотивом III Пленума Центрального совета (1933 г.) были те же установки: ликвидация пережитков капитализма в экономике и в сознании людей в условиях ожесточенного противодействия социалистическому строительству со стороны элементов «побежденного в нашей стране капитализма, мобилизующих остатки своих сил для вредительства и подрыва успешно строящегося социализма...» [7, с. 18].

Одним из видов культурно-пропагандистской деятельности Общества были выступления старых революционеров с докладами, беседами, воспоминаниями на предприятиях, в клубах Общества, подшефных колхозах, перед учащейся молодежью. Выступления посвящались революционным знаменательным датам: «Ленинские дни», «I Мая», «Ленский расстрел», воспоминаниям о своей революционной деятельности, в том числе на каторге и в ссылке. Наибольшего размаха лекторская работа бывших политкаторжан достигла в начале 30-х гг. В 1930 г. Культпропом в центре и на местах было проведено 180 собраний, на которых присутствовали 5 800 человек, в 1931 г. – 836 собраний с числом при-

существовавших – 25 430 человек, в 1932 г. – 2 236 докладов и бесед в 343 организациях [15, с. 36]. Темы выступлений были самые разнообразные: «Февральская революция», «Парижская коммуна», «Классовая борьба в странах капитала» и т. д. Для того чтобы поднять общий идейно-теоретический уровень докладчиков, Культпроп проводил инструктивные доклады в центральном клубе в Москве.

На местах также не отставали от центра. Из Восточно-Сибирского крайсовета, дислоцировавшегося в г. Иркутске, сообщали, что за первое полугодие 1933 г. было проведено 73 выступления среди различной аудитории, на которых присутствовали 19 213 человек. В клубе иркутского отделения прослушали доклады 1 625 человек, в воинских частях 9 484 человек, на предприятиях 783 человек, на женских собраниях 270 человек, в учебных заведениях 1 400 человек, среди курсантов 834 человек, проведено экскурсий в клубе для 19 213 человек [2, л. 31]. Особый размах пропагандистская работа получила в последние годы. В 1935 г. в Восточно-Сибирском краевом объединении за первый квартал было проведено 46 выступлений, на которых присутствовало 12 600 человек [4, л. 14]. Члены Общества активно участвовали в МОПРовской работе. По путевкам Иркутского горкома МОПРа в этом же году состоялось 35 выступлений перед 15 тыс. человек.

Шефская работа имела не меньшее значение в культурно-пропагандистской деятельности Общества. По замыслу бывших политкаторжан, шефство над заводами, новостройками, колхозами, воинскими частями, детскими домами, учебными заведениями было одним из способов активного участия бывших революционеров в строительстве социализма. Шефские комиссии Культпропа должны были оказывать действенную помощь партийным, профсоюзным и общественным организациям в массовой и пропагандистской работе. Основная задача состояла в организации кружков, проведении бесед и лекций по вопросам внутренней и международной политики, выступлений о революционном движении и участии в нем бывших узников царизма, в выпуске стенгазет и т. д.

В 30-е гг. на повестку дня встал вопрос «содействия делу хозяйственно-организационного укрепления колхозов путем шефства над ними». Многие отделения организовали шефскую помощь колхозам в виде проведения бесед об экономической политике партии в деревне, помогали в уборке урожая, на сенокосе и

т. д. Иркутское отделение направило своих членов в подшефный колхоз им. Ворошилова на уборку сена [4, л. 14 об].

Основная часть пропагандистской работы Общества проходила в клубах. В Москве был создан центральный клуб с Музеем каторги и ссылки, где проводилась библиотечная, музейная, клубная деятельность, организовывались вечера с воспоминаниями и по случаю торжественных историко-революционных праздников. В отделениях Общества существовали свои клубы. Библиотечной работой в центре и на местах руководили библиотечные секции. В их обязанности входило пополнение библиотек книгами и журналами историко-революционного содержания и массовая работа среди членов Общества и на подшефных предприятиях. В Иркутском отделении в 1927 г. библиотека состояла из 667 книг, в 1929 г. насчитывалось 800 книг, в 1932 г. – 1 000, в 1934 г. – 1 884 [3, л. 243]. В библиотеках Общества обязательным было наличие газет и журналов, особенно органа Общества – журнала «Каторга и ссылка». Тем не менее, библиотечная работа не раз подвергалась критическим замечаниям. Восточно-Сибирский краевой совет в 1933 г. обратил внимание на недостаточную организационную работу библиотечной секции, которая сводилась только к раскладыванию газет в клубе, а вопросами «продвижения историко-революционной литературы в производственные коллективы» секция не занималась [2, л. 33].

Общество, втянутое в реализацию идеологической доктрины, искало новые действенные формы культурно-пропагандистской работы. Постепенно возникла идея создания своего историко-революционного театра. В 1930 г. при участии А. В. Луначарского вопрос о создании театра был решен. Театр было решено сделать не стационарным, а передвижным. 15 января 1931 г. историко-революционный театр Общества был включен в сеть театров Москвы, подведомственных Управлению зрелищными предприятиями. Директором был назначен Е. А. Трифонов [9, с. 15]. В 1932 г. были поставлены пьесы «Крейсер Очаков», «Земля каторжная», «Чернышевский и Александр II», «Из искры возгорится пламя». Всего в течение 1932 г. было проведено 236 спектаклей, которые посетили 165 104 человека [6, с. 17]. Несмотря на некоторые успехи, политкаторжане сетовали, что перед театром стоят еще непреодолимые трудности «как тематического, так и художественного характера... Наш театр еще часто сбивается на путь биографического документализма, бытового психологизма, иногда простой биографичности, вместо по-

каза подлинно революционной героики пролетарской борьбы». Большую роль в культурно-просветительной деятельности играли музеи Общества. Однако работа Центрального музея каторги и ссылки и музейной секции не всегда удовлетворяла центральные структуры. Со стороны Центрального совета звучали требования «усилить и углубить разработку вопросов каторги и ссылки». Экспозиции, по мнению Совета, должны быть наполнены не только портретами революционеров, но и картограммами и диаграммами, отражать методы расправы царизма со своими наиболее активными врагами, показывать социальный состав заключенных и ссыльных, их партийность, число арестов, каторжных приговоров, казней по годам и т. д.

Иркутское отделение располагало хорошим помещением в клубе, но из вещей и «реликвий» отделение выставило только арестантские ножные и ручные кандалы, развешанные на стенах в нескольких местах в виде декораций; других предметов арестантского обихода не было. Все остальное – фотоснимки разных размеров и разного содержания; экспонатов было довольно много, но среди них почти не было местного материала. Не была показана Александровская и Иркутская пересылка, не было списка казненных и погибших в местных тюрьмах, не было ни одного их портрета, не было никакого материала о ссылке в бывшей Иркутской губернии [13, с. 27–28].

Таким образом, культурно-пропагандистская деятельность Общества сконцентрировалась в деятельности Агитпропа, а затем Культпропа. Библиотечная, музейная, шефская, клубная работа, создание своего театра и музея были нацелены на выполнение социального заказа и стали одним из средств обеспечения текущего политического и идеологического курса политической системы. Однако не все бывшие политкаторжане смогли встать на позиции государственной идеологии. Вследствие этого их пропагандистская деятельность стала подвергаться критическим оценкам, звучали требования «размежевания» с теми, кто не выявляет своего бывшего партийного лица. Все это привело к закрытию Общества в 1935 г.

Литература

1. Бюл. Центрального совета Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М. : Изд-во Политкаторжан, 1933. – № 1.
2. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 79.
3. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАНИИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 130.

6. Дубинский И. Отчет о работе Культпропа ЦС Общества политкаторжан за 1932 г. // Бюл. Центрального совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1933. – № 1.
7. Материалы III Пленума Центрального Совета 15–19 апреля 1933. – М. : Изд-во Политкаторжан, 1933.
8. От редакции // Каторга и ссылка. – 1931. – № 6.
9. Подготовка организации историко-революционного театра // Бюл. Центрального совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1930. – № 1.
10. Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (15–20 апреля 1931). – М. : Изд-во Политкаторжан, 1931.
11. Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (15–20 апреля 1931) // Каторга и ссылка. – 1931. – № 6.
12. III Съезд Общества // Каторга и ссылка. – 1928. – № 4.
13. Три музейных уголка // Бюл. Центрального совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1932. – № 12.
14. Хроника // Каторга и ссылка. – 1932. – № 1.
15. Шумяцкий Я. Пятнадцатилетие Февральской революции и Пленум Центрального Совета Всесоюзного общества политкаторжан // Каторга и ссылка. – 1932. – № 3.

ГАМАЮНОВА Е. В.

ШКОЛЬНЫЕ ЛЕСНИЧЕСТВА ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ЗОНЫ КАК ШКОЛА ТРУДОВОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Во второй половине XX в. происходит коренная переоценка значения леса в жизни людей. Это было связано с тем, что в результате экстенсивного пути освоения природных ресурсов лесам был нанесен непоправимый ущерб, что привело к их деградации и резкому сокращению. Если раньше в общественном сознании лес был лишь источником получения древесины, то теперь стал представлять, прежде всего, огромное социально-культурное достояние. Деятельность работников лесного хозяйства в этот период зиждилась на передаче своего опыта подрастающему поколению. Поэтому в 1960-е гг. одной из составляющих, призванной помочь в решении данной проблемы, стала организация школьных лесничеств.

Школьные лесничества представляли собой трудовые объединения учащихся 7–10-х классов общеобразовательной школы, создаваемые в целях воспитания у подростков бережного отношения к природе, расширения и углубления их знаний в области ботаники, зоологии и других естественных наук, формирования интереса к профессиям лесохозяйственного профиля [1, с. 563].

Заслуживает изучения опыт работы школьных лесничеств в бассейне озера Байкал, где практика природопользования была весьма специфичной. Признание на правительственном уровне за этим районом статуса территории особого природопользования не обезопасило его от мощного антропогенного воздействия. Несмотря на то, что за период с 1960 по 1987 г. неоднократно принимались специальные постановления, природным комплексам бассейна озера Байкал был нанесен значительный ущерб. Так, идея сохранения и рационального использования прибайкальских лесов нашла директивное воплощение в Постановлении Совета Министров СССР № 52 от 21 января 1969 г. «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал» [2, с. 255–259], конкретизированная в приказах Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР № 162 от 2 июля 1971 г. «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению лесов бассейна озера Байкал», Совета Министров СССР № 189 от 19 июля 1971 г. «Об утверждении правил рубок главного пользования в лесах бассейна озера Байкал» и др. [3, с. 1–41].

Школьные лесничества сыграли не последнюю роль в сохранении и восстановлении лесов района. Например, Иркутский лесхоз с 1966 г. постоянно привлекал юных лесоводов школьных лесничеств к охране лесов от пожаров, лесовосстановительным, лесохозяйственным работам, организации охраны полезных птиц и диких животных, а также систематическому изучению основ советского лесоводства и природы края. На 1 октября 1972 г. было организовано 8 школьных лесничеств, объединяющих 2 500 ребят. За школьными лесничествами была закреплена и охранялась зеленая зона г. Иркутска и Ангарска площадью 10 тыс. га. Силами учащихся старших классов были выполнены следующие работы: выделено «зеленых патрулей» на пожароопасный период в количестве 420 человек, распространено 9 тыс. листовок, проведено и прочитано 4 тыс. бесед и лекций по охране природы, осуществлен учет и охрана 320 муравейников, посеяно и посажено 122 га леса, изготовлено и вывешено 1 300 искусственных гнезд, произведен уход за посевными отделениями на 16,9 га, уход за садом на 2,45 га, собрано семян на 20 га, осуществлен уход за лесокультурами на 195 га, уход за молодняками на 25 га, отведено лесосек под рубки ухода на 30 га, отработано всего 2 031 чел./дней. Выплаченная лесхозом заработная плата школьным лесничествам составила 4 962,54 руб. [4, л. 94–95].

При подготовке к пожароопасному сезону и в течение него члены школьных лесничеств совместно с работниками лесного хозяйства региона вели агитационную работу с местным населением по предупреждению лесных пожаров и бережному отношению к лесу. Было организовано дежурство лесной охраны и патрулей школьных лесничеств. В результате в 1974 г. была снижена горимость лесов, общая площадь пожаров составила 2,48 га, в 1973 г. соответственно 4,2 га, а в 1972 г. – 157,1 га [5, л. 7].

В 1976 г. был проведен кустовый семинар школьных лесничеств, участники слета за хорошую работу были награждены ценными подарками.

В одном из докладов Иркутского управления лесного хозяйства подчеркивалось, что «лесоводы Иркутского лесхоза и впредь ставят первоочередной своей задачей крепить дружбу с учащимися школ, их руководством, систематически проводить занятия о значении леса и создании уголков живой природы» [4, л. 97].

Первые школьные лесничества в Бурятии начали создаваться в 1970 г. в Баргузинском, Кабанском, Бичурском районах. В 1973 г. в республике их уже насчитывалось 65 и охватывали они 2 058 учащихся. К этому периоду было заложено 4,5 га питомников, на 260 га проведены санитарные рубки, выращено 1 800 деревьев и кустарников, посажено 178 га леса, собрано 57 ц сосновых шишек, 169 кг лекарственного сырья, 15 кг березовых почек, заготовлено 68 т живицы, развешено 320 гнездовий, 920 кормушек [6, с. 71].

В Лесной кодекс, принятый 8 августа 1978 г., вошла статья № 16 «Школьные лесничества» [7, с. 11]. Так это общественное движение было узаконено на государственном уровне. В 1979 г. постановлением коллегий Минлесхоза РСФСР и Минпроса РСФСР утверждено новое Положение о школьном лесничестве.

Наибольшей активности движение школьных лесничеств достигло в 1970–80-е гг. По итогам Всероссийского смотра в 1980 г. в Иркутской области насчитывалось 200 школьных лесничеств, имеющих 130 тыс. га лесного фонда с числом учащихся в них 8 612. Ими было посажено 6 892 га леса, собрано 20 450 кг шишек, заготовлено 4 684 кг лекарственного сырья, 1 156 кг грибов, 10 831 кг ягод, посажено 900 тыс. деревьев и кустарников, потушено 418 пожаров, зафиксировано 207 лесонарушений и т. д. [8, с. 17]. В 1980 г. Байкальское школьное лесничество Слюдянского района было признано одним из лучших лесничеств в области.

Широко привлекались к охране лесов юные лесоводы в Ангарском, Братском и других лесхозах. На многих предприятиях лесного хозяйства Иркутской области связь с учащимися не пре-

кращалась круглый год. Летом, например, Ангарский лесхоз организовывал специальный лагерь труда и отдыха для членов школьных лесничеств. В нем ежемесячно отдыхало и работало 25–30 школьников. В лагере были построены палаточные и деревянные домики, организовано бесплатное питание. Школьники оказывали лесхозу помощь не только в охране лесов от пожаров, но и в проведении многих лесохозяйственных работ. Таких лагерей труда и отдыха в области было несколько [9, с. 253–254]. В 1982 г. в Бурятии насчитывалось 16 лагерей труда и отдыха (Баргузинское школьное лесничество, Мухоршибирское, Потанинское, Бабушкинское, Шпалозаводское и др.) [6, с. 72].

В 1983 г. в Бурятии действовало 150 школьных лесничеств, объединяющих 5 258 ребят 7–10-х классов, которые систематически помогали 38 государственным лесхозам и 140 лесничествам в выполнении производственных заданий. За учащимися было закреплено 71 649 га земель гослесфонда, 38 лесных питомников, 49 га лесопарковых насаждений.

В 1982 г. лесоводы провели работу по отводу лесосек на 4 756 га насаждений под рубки главного пользования и для ухода, заложили 38 га питомников, осуществили уход за сеянцами и саженцами на 149 га, посадили 2 390 га культур и 115 га защитных лесных полос, провели уход за посадками на 7 096 га, выкопали более 3 млн штук посадочного материала, собрали 237 ц сосновых шишек, 375 кг семян деревьев и кустарников, заготовили свыше 1,8 т кормов для зимней подкормки птиц, изготовили для них 3 469 гнездовых, 5 090 кормушек, взяли под охрану 2 795 муравейников; при участии ребят функционировало 116 пожарных дружин, с их помощью потушено 49 загораний, зафиксировано 108 лесонарушений. Охраняемая от пожара лесная площадь составила 71 649 га. В пожароопасный период было распространено около 43 тыс. листовок по природоохранной тематике [6, с. 71].

Со школьниками проводились тематические экскурсии, ребята вели фенологические наблюдения (наблюдения за сезонными явлениями и процессами в жизни растений и животных), опытническую и исследовательскую работу по заданию ученых и специалистов лесного хозяйства, участвовали в тематических смотрах, конкурсах, слетах, праздниках и т. д. Ими были созданы музеи, уголки природы, заложены дендрарии, питомники, парки Победы, лесные заказники. Много было сделано юными лесоводами по озеленению населенных пунктов, выявлению очагов повреждения леса насекомыми-вредителями и болезнями, охране

полезных насекомых, птиц, зверей. Большое внимание уделялось организации кружков и факультативов. Так, в Бурятии было создано 233 кружка и 19 факультативов, где в 1981/82 учебном году занимались 6 311 учащихся [6, с. 72].

Успех в работе школьных лесничеств в большой степени зависел от руководства ими со стороны учителей, работников лесного хозяйства, ученых. Не меньшее значение имело укрепление учебно-материальной базы, которую должны были обеспечивать базовые лесничества. Так, в 1982 г. в Бурятии к руководству школьными лесничествами было привлечено 155 работников лесного хозяйства, 316 учителей, двое ученых; организовано 6 кабинетов для изучения техники, построено 4 помещения для занятий; за учащимися закреплены 27 тракторов, 14 автомашин, 35 автобусов, лесохозяйственные машины [6, с. 72].

Министерство лесного хозяйства Бурятской АССР помогало школьным лесничествам укреплять материальную базу и выделяло наиболее отличившимся выпускникам средства на обучение в вузах и техникумах. Так, в 1981 г. был направлен на учебу в лесотехнические средние и высшие учебные заведения 41 выпускник [6, с. 72].

Наряду с успехами в деятельности многих школьных лесничеств имелись и недостатки, суть которых сводилась к следующему: незначительному количеству учащихся (3–15 %); сезонности работ – т. е. использованию юных лесничих в основном в летний период и лишь в качестве физической силы для рубки леса, сбора сосновых шишек и т. д.; слабому самоуправлению и организации опытнической работы (например, в Читинской области ею занимались лишь 5 школьных лесничеств из 110 [10, с. 70]); фактам неверного денежного расчета подростков. Кроме того, далеко не все специалисты лесного хозяйства проявляли инициативу в организации новых школьных лесничеств, несмотря на правительственные постановления, обязывающие их этим заниматься [8, с. 17].

Жизнеспособность школьных лесничеств была обусловлена тем, что они отвечали как учебно-воспитательным задачам общеобразовательных школ, так и задачам подготовки кадров лесного хозяйства. Так, если в 1978 г. в Бурятии остались работать в лесном хозяйстве 37 школьников, то в 1982 г. – 144 [6, с. 72].

Таким образом, во второй половине XX в. важную роль в развитии и совершенствовании советской системы природопользования, в осуществлении охраны природы и рационального ис-

пользования природных ресурсов играло экологическое образование и воспитание. Образование школьных лесничеств – явление не случайное. Их история началась с простейших форм внеклассной работы по воспитанию у учащихся бережного отношения к природе. Постепенно менялась структура работы. Кружки преобразовывались в «зеленые патрули», которые решали более сложные учебно-воспитательные задачи. И, наконец, новая форма – школьное лесничество – стала наиболее совершенной по организации и методам работы. Анализируя деятельность школьных лесничеств в Прибайкальском регионе, можно сделать вывод, что они приносили большую пользу лесному хозяйству. В первые годы школьники оказывали помощь лесничествам, лесхозам и леспромхозам в проведении посадок и посевов леса, закладке питомников, охране леса от пожаров и лесонарушений, сборе семян деревьев и кустарников, выращивании посадочного материала, используемого в озеленении населенных пунктов, в создании полезащитных лесных полос на эрозионных участках, по берегам рек, в заготовке даров природы, охране животного мира, полезных насекомых, птиц, зверей. В последующем ребята стали заниматься изучением природы, проведением опытов и исследований в лесоводстве, а также пропагандой вопросов охраны природы. Итак, в 1970–80-е гг. школьные лесничества стали формой профориентации молодежи и профессиональной подготовки учащихся.

Литература

1. Лесная энциклопедия. Т. 2 : Лимонник – Ящерицы. – М., 1986.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов. Т. 7. Июль 1968–1969 гг. – М., 1970.
3. Проект комплекса организационно-хозяйственных мероприятий по лесному хозяйству на территории бассейна озера Байкал. Т. 2, кн. 1. – Л., 1971.
4. ГАИО. Ф. Р.-2819. Оп. 1. Д. 967.
5. ГАИО. Ф. Р.-1827. Оп. 1(прод.). Д. 567.
6. Бурхинов Д. М. Воспитывать в детях любовь к труду и природе // Лесн. хоз-во. 1983. № 9.
7. Лесной кодекс РСФСР (с изм. и доп. на 20 марта 1987 г.). – М., 1987.
8. Природоохранительное просвещение в школах Иркутской области. – Иркутск, 1981.
9. Гиряев Д. М. Как уберечь лес от огня / Д. М. Гиряев. – М., 1989.
10. Межебицкий Ф. В. Совершенствовать работу школьных лесничеств // Лесн. хоз-во. –1983. – № 4.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПО РЕШЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ В РАБОТЕ АГРАРНОГО ОТДЕЛА ОБКОМА КПСС ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Во второй половине 80-х гг. XX в. с именем Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева связывали большие, глубокие и в то же время неоднозначные перемены во всех сферах жизни советского общества, в частности перемены в сельском хозяйстве. Иркутский обком КПСС, в лице первого секретаря ОК КПСС В. Ситникова, внимательно следил за поездками, совершаемыми по стране М. С. Горбачевым. В то время такие вопросы, как реализация Продовольственной программы СССР и ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, стояли на контроле в обкоме КПСС. Одна из череды таких знаковых поездок – это организованные встречи и совещания в Целинограде.

Известно, что М. С. Горбачев посетил г. Целиноград, где познакомился с деятельностью Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, осмотрел на полях образцы новой сельскохозяйственной техники, встретился и побеседовал с механизаторами. В тот же день в Целинограде состоялось совещание партийно-хозяйственного актива областей Казахстана, краев и областей Сибири и Урала по вопросам реализации Продовольственной программы СССР и ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и в других отраслях агропромышленного комплекса. На совещании выступил М. С. Горбачев с речью о трудностях в развитии сельского хозяйства и решении продовольственной проблемы [1, с. 20].

В 1980-е гг. уровень показателей сельскохозяйственного производства в СССР, в том числе в Иркутской области, существенно снизился, о чем наглядно свидетельствуют данные из статистического сборника АПК Иркутской области, приведенные ниже в табл.

Таблица

Показатели производства совхозов и колхозов за 1981–1985 гг.

Иркутской области

Показатель	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Валовая продукция с/х, в млн руб.	708,4	717,2	702,2	735,3	707,0
Валовый сбор зерновых, в т	1195,3	1326,6	1299,4	1213,4	12,98
Картофель, в тыс. т	624,6	641,3	581,1	848,5	567,7
Овощи, в тыс. т	140,8	150,7	127,2	139,7	105,0

Показатель	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Мясо (в живом весе), в т	152,7	147,0	148,5	147,3	146,5
Молоко, в т	627,1	594,0	583,4	611,4	611,3
Яйца, в млн шт.	621,0	643,1	718,4	738,0	768,8
Шерсть, в т	1380	1320	1247	1262	1272

Источник: ГАИО. Ф. 3485. Оп. 1. Ед. хр. 195 Л. 30. Статистический сборник Иркутской области 1981–1985 гг.

Необходимость решения продовольственного вопроса была рассмотрена на заседании бюро Иркутского областного комитета КПСС 10 сентября 1985 г., на котором был составлен специальный план мероприятий. Считаем целесообразным привести этот план «Первоочередных организационно-политических мероприятий по реализации Продовольственной программы, ускорения научно-технического прогресса в с/х и других отраслях АПК»:

1. Ознакомить людей с установками М. С. Горбачева.
2. Обсудить задачи, вытекающие из речи М. С. Горбачева.
3. Обеспечить дальнейшее повышение требований партийного комитета к кадрам руководителей.
4. Общие вопросы:
 - Обсудить итоги уборки урожая 1985 г.
 - Об изготовлении на промышленных предприятиях области машин и оборудования для внедрения в с/х производство прогрессивной технологии.
 - О работе парткома и ректоров Иркутского с/х института по повышению эффективности научных разработок.
 - О работе Черемховского РК КПСС по организации проведения зимовки скота.
5. Подготовить и обсудить на секретариате обкома КПСС:
 - О работе Тулунского РК КПСС по выполнению постановления бюро обкома КПСС от 24 мая 1983 г. «Об усилении организаторской работы по внедрению коллективного подряда в колхозное и совхозное производство».
6. Рассмотреть в обкомах КПСС:
 - О работе Госплемобъединения по улучшению племенного дела и воспроизводства стада в колхозах и совхозах области.
 - О ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС, облисполкома «О мерах по ускорению НТП в развитии с/х производства»:

I. Идеологическое обеспечение

1. Довести до сознания каждого труженика области идеи совещания в Целинограде
2. Провести семинар руководителей.
3. Разработать и направить на места тематику выступлений докладчиков.
4. Провести цикл тем и радиопередач с тематическими выступлениями.

II. Организационно-хозяйственная работа

1. Обеспечить повышение урожайности и валовых сборов зерна.
2. Увеличить производство кормов.
3. По применению интенсивных технологий в с/х производстве области.
4. По укреплению базы хранения и переработки с/х продукции.

III. Создать временный межотраслевой научно-производственный коллектив «Урожай» по разработке и внедрению автоматизированной системы программирования урожаев в колхозах и совхозах области.

IV. За счет усиления партийного влияния повысить темпы уборочных работ и завершить уборку зерновых и картофеля в сентябре.

V. За счет лучшего использования производственного потенциала, применения передовых технологий, прогрессивных форм организации и стимулирования труда обеспечить выполнение госплана 1985 г.

VI. Осуществить комплексную организацию хозяйственных мероприятий по успешному проведению зимовки скота.

VII. В этих целях:

1. Завершить ремонт и подготовку помещений, механизировать и оборудовать фермы для работы в зимних условиях.
2. Укрепить животноводческие коллективы лучшими кадрами механизаторов из числа коммунистов и комсомольцев.
3. За счет организации на каждой животноводческой ферме кормоприготовления добиться суточных удоев и привеса скота.
4. Осуществить реализацию мероприятий по улучшению экономических работ, внедрению бригадного подряда и хозрасчета в колхозах и совхозах [3, с. 1–6].

В документе прослеживается тенденция реализации мероприятий через организацию «прогрессивных» форм (вполне перспективных с точки зрения результативности): внедрение бригадного подряда и хозрасчета в колхозах и совхозах; применение передовых технологий и стимулирование труда, привлечение к

этой работе научных сотрудников института сельского хозяйства; улучшение племенного дела и воспроизводства стада и обеспечение выполнения государственного плана уборки урожая 1985 г., а также «обязательная» идеологическая работа.

В следующем документе – справке, подготовленной заведующим отделом промышленности обкома КПСС В. Чаликовым, говорится, что на промышленных предприятиях области для сельского хозяйства изготавливаются оборудование, машины и запасные части для автомобилей в среднем на 1,2–1,4 млн руб. [4, с. 8–9].

Для развития научно-производственной базы сочли необходимым создать временное научно-производственное объединение «Урожай», ключевой задачей которого были разработка автоматизированной системы программирования урожаев, обеспечение повышения эффективности с/х производства, рост урожайности, более рациональное использование земельных ресурсов и удобрений, повышение культуры земледелия [5, с. 13–14]. Данная идея позволяла использовать достижения научно-технического прогресса в целях развития АПК региона.

В итоговой справке заведующего аграрным отделом обкома КПСС Н. Прокопьева по выполнению постановления бюро Иркутского обкома КПСС от 10 сентября 1985 г. говорится, что с материалами совещания был ознакомлен широкий круг партийно-хозяйственного и идеологического актива. Были приняты следующие меры:

1. В первичных партийных организациях было создано 265 комиссий по контролю деятельности администрации в вопросах внедрения научно-технического прогресса.

2. Использовались все средства пропаганды и агитации (семинары, политинформации, агитаторы).

3. Создано временное научно-производственное объединение «Урожай».

4. Проводится работа по укреплению базы хранения и переработки плодоовощной продукции.

5. Увеличены задания по изготовлению на промышленных предприятиях области машин и оборудования для внедрения в с/х производство прогрессивных технологий.

6. Ежегодно обсуждаются итоги с/х работ и задачи колхозов, совхозов и других предприятий по организованному проведению зимовки скота, подготовке к весеннему севу, заготовке кормов и уборки урожая.

7. В 1986 г. перевыполнен план продажи государству зерна, мяса, молока, яиц, картофеля. Сократилось число убыточных хозяйств с 80 до 26, прибыль составила 104 млн руб. Это явилось результатом более активной и целенаправленной работы по внедрению зональных научно-обоснованных систем земледелия, хозрасчета, бригадного подряда, других прогрессивных форм организации и оплаты труда, освоения интенсивных технологий в полеводстве и животноводстве.

В связи с выполнением постановления бюро обкома КПСС это постановление решено снять с контроля [6, с. 16–18].

Отчасти спланированные обкомом КПСС Иркутской области мероприятия носили формальный характер, однако планомерно отслеживались стоящие на контроле вопросы: изготовление на промышленных предприятиях области машин и оборудования для внедрения в сельскохозяйственное производство прогрессивных технологий, подведение итогов сельскохозяйственных работ, решение задач колхозов, совхозов по организованному проведению зимовки скота, подготовка к весеннему севу, заготовка кормов и уборки урожая, составление перспективного плана продажи государству зерна, мяса и молока, яиц, картофеля.

В условиях плановой экономики стимулировался труд колхозников, шло обучение новым формам хозяйствования: внедрение бригадного подряда и хозрасчета в колхозах и совхозах, а также применение передовых технологий. Данные мероприятия позволили успешно выполнить контрольные нормативы в 1986 г. В дальнейшем снижение показателей в сельском хозяйстве было следствием системного кризиса плановой экономики государства.

Литература

1. Россия–2000. Современная политическая история (1985–1999). – М., 2000.
2. Статистический сборник Иркутской области 1981–1985 гг. // ГАИО. Ф. 3485. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 30.
3. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 125. Д. 64. Л. 1–6.
4. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 125. Д. 64. Л. 8–9.
5. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 125. Д. 64. Л. 13–14.
6. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 125. Д. 64. Л. 16–18.

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО
ХОЗЯЙСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.**

Данная работа посвящена анализу непродолжительного, но важного периода в истории советского, а, следовательно, и отечественного охотничьего хозяйства, продолжавшегося с середины 1950-х до начала 1960-х гг. В это время в основном была сформирована концепция и определены организационно-правовые формы советской модели использования ресурсов дикого животного мира. В процессе формирования этой концепции ее авторы активно использовали (теперь это уже стало можно) русский (имперский) опыт и опыт советских структур и организаций, господствовавшие идеологические подходы.

Д. К. Соловьев дал первое отечественное определение охотничьего хозяйства, указав, что оно начинается там, где создана определенная организация, эксплуатирующая объекты живой природы: «...Не растрачивая основного фонда, а пользуясь лишь естественным приростом. Понятие хозяйства, само по себе, обусловливает обыкновенно известную затрату труда и капитала, в каких бы экстенсивных формах оно не велось» [41, с. 331].

Охота как промысел, по мнению практиков и теоретиков охотничьего дела начала 1970-х гг., «...отличается от охотничьего хозяйства тем, что при промысле охотники используют охотничьих животных как дары природы, ничего не вкладывая для их возобновления. Охотничье хозяйство не только эксплуатирует природные ресурсы, но и заботится об их воспроизводстве, вкладывая в возобновление своей сырьевой базы (запасов зверей и птиц) силы и средства» [31, с. 7].

Известный исследователь охотничьего промысла С. П. Матвейчук представляет историю охоты как историю борьбы двух противоположных тенденций – элитарной (корпоративной) и эгалитарной (общедоступной). Элитарная концепция организации охоты, утвердившаяся в Европе, основывается на персонафицированном ограничении доступа граждан к охоте другими гражданами. Эгалитарная концепция, общепринятая в США и Канаде, признает регулирование доступа к охоте прерогативой государства. Право охоты не зависит от принадлежности к корпорациям, равенство доступа обеспечивается использованием механизмов случайного выбора претендентов [15].

Обе эти концепции и соответствующие им практические стратегии преодолевают различными способами дисбаланс между спросом на охоту и ее (недостаточным) предложением. Европейская схема обеспечивает ограничение числа охотников, из них – реально охотящихся и, далее, – занимающихся наиболее популярными видами охот. Североамериканская стимулирует рост числа охотников, ограничивая их охотничью активность. Европейская устойчиво предоставляет лучшие охотничьи возможности социально успешным, североамериканская – равные возможности каждому.

Общественные объединения охотников, образовывавшиеся после Октябрьской революции, не принимали в свои члены бывших «эксплуататоров». При этом общества претендовали, с одной стороны, на получение права охоты только через членство в общественном объединении, с другой – на право произвольного отказа в принятии в члены и исключения из общества [16].

Вместе с тем обязательность членства в общественном объединении для получения права охоты стала реализовываться лишь со второй половины 1950-х гг. В западных республиках СССР, где элитарный подход был традицией, принудительное членство обернулось массовыми чистками. Росохотрыболовсоюз решал задачу полного охвата охотников дольше и только в конце 1970-х гг. отказался от планирования роста числа членов общества и принял тактику прямого сдерживания числа охотников [43, с. 27].

В 1930–1940-е гг. в стране не имелось достаточных материальных ресурсов и уровень развития производительных сил общества не позволял повсеместно поставить ведение охотничьего хозяйства на производственную основу, поэтому преобладала заготовительная деятельность. Как указывает В. К. Мельников, охотничье хозяйство колхозов было основной формой производственного охотничьего хозяйства, но доведено до совершенства оно нигде не было, да и охватывало только часть охотничьих угодий [17, с. 75].

В результате коллективизации сельского хозяйства главное внимание было сосредоточено на всемерном развитии товарного земледелия и животноводства. Поэтому в колхозах резко снизилась осваиваемость охотничьих угодий по площади, прекратились работы по устройству промысловых участков. Даже в промысловых таежных районах Иркутской области в хозяйственной деятельности колхозов охотохозяйственное производство не получило должного места и внимания [46, с. 43].

В военно-послевоенный период организации рационального охотничьего хозяйства должного внимания не уделялось. В связи с социально-экономическими проблемами страны ни о каких экологических принципах промысла охотничьих животных не шло и речи. Добывалось столько, сколько можно было добыть, что подорвало биологические ресурсы региона. Лишь к середине 1950-х гг. руководство страны осознало необходимость радикальной перестройки охотничьего хозяйства на основе рационального природопользования.

К работе над обоснованием новой модели управления охотничьим хозяйством были привлечены заинтересованные организации и структуры, авторитетные специалисты и ученые. Рядом правительственных постановлений, принятых в 1955–1960 гг. были созданы необходимые предпосылки для развития промыслового и спортивного охотничьего хозяйства. Среди них – Постановление СМ РСФСР «О мерах дальнейшего развития охотничьего хозяйства, пушного промысла, звероводства и об увеличении заготовок пушнины в РСФСР» (1956) [21, с. 523–525]; «О мерах по воспроизводству ценных видов пушных зверей и плане отстрела-отлова соболя, куницы, уссурийского енота, выдры на сезон 1956/57 г.» (1956) [22, с. 600–601]; «О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства РСФСР» (1958) [27, с. 225]; Постановления СМ СССР «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» (1959) [25, с. 513–515]; «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» (1960) [28, с. 652–656] и др.

На некоторых целесообразно остановиться подробнее. В Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. говорилось о необходимости наиболее полно использовать природно-экономические условия и местные возможности для подъема материального благосостояния народностей Севера. Главное внимание обращалось на развитие в колхозах и совхозах основных отраслей общественного хозяйства – оленеводства, охотничьего промысла, звероводства и рыбоводства. Колхозам в районах Крайнего Севера и приравненных к ним отдаленных местностей устанавливалась надбавка на расширение и улучшение охотничьего промысла в 20 % стоимости пушно-мехового сырья и дичи, сданной государству по договорам с заготовительными организациями [23, с. 257–263].

26 октября 1957 г. СМ РСФСР принял Постановление «О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и севера Европейской части РСФСР», которым предусматривалось создание в таежных районах специализированных хозяйств, ведущих лесные промыслы (коопзверопромхозы) [26, с. 167–169].

Неопределенность юридического и хозяйственного статуса охотугодий промхозов потребовала от СМ СССР принятия Постановления «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» (11 мая 1959 г.) В нем основной формой правильной организации охотничьего хозяйства признавалось закрепление охотничьих угодий (на срок не менее 10 лет) за государственными, кооперативными и общественными организациями.

Право охоты предоставлялось всем гражданам, состоящим членами обществ охотников, сдавших испытания по охотничьему минимуму. В районах промысловой охоты порядок предоставления права на охоту устанавливался советами министров союзных республик. Им поручалось разработать и утвердить положения об охоте и охотничьем хозяйстве. Контроль за правильным ведением охотничьего хозяйства в стране и за соблюдением действующего законодательства об охоте возлагался на Минсельхоз СССР [25, ст. 62].

В октябре 1960 г. было утверждено новое (после 1930 г.) «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР». В нем охотничье хозяйство рассматривалось как самостоятельная отрасль народного хозяйства, основной задачей которой является обеспечение потребностей государства в пушнине и другой продукции охоты. В этих целях предписывалось осуществлять устройство охотугодий, охрану, воспроизводство и рациональное использование запасов диких зверей и птиц, определялись правовые нормы, правила и порядок ведения охотхозяйства и реализация охотпродукции. Общий контроль за ведением охотничьего хозяйства в стране был возложен на Минсельхоз РСФСР [33].

Предусмотренные советскими декретами органы управления охотничьим хозяйством не имели в 1920-х гг. значительных штатов на местах. В результате у специалистов вновь возобладала идея об аренде охотугодий обществами охотников [42, с. 78]. Она не была реализована, но стала основой аналогичной кампании, стартовавшей в конце 1950-х гг. Параллельное создание единого,

вертикально интегрированного общественного объединения охотников, за которым закреплялись угодья, предполагало бесконфликтность распределения.

Однако на деле началась борьба за угодья между влиятельными и обычными обществами. Охотколлектив облисполкома занимал угодья районного общества, городское общество – угодья районных и т. д. Предположение Д. К. Соловьева о том, что единый Союз охотников предоставит каждому члену право легально «охотиться на тех землях, где ему удобно по месту жительства», не подтвердилось практикой. Фактически в силу объективных особенностей охотничьего хозяйства любое закрепление охотничьих угодий за организацией, самостоятельно управляющей охотничьим доступом, означает возникновение естественной монополии; законодательство, по мнению С. П. Матвейчука, не противодействует злоупотреблениям доминирующим положением на локальном охотничьем рынке [16].

С середины 1950-х гг. промыслово-заготовительная сеть страны подверглась коренной реорганизации. В 1955 г. Главное управление по делам охотничьего хозяйства, созданное в 1944 г., было преобразовано в Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совмине РСФСР (Главохота РСФСР). Однако положение о нем и о его местных органах было утверждено СМ РСФСР лишь 10 августа 1956 г. Принятое постановление делегировало ему больше прав, чем предшественнику (1930 г.). В нем получил развитие принципиальный вопрос о государственном охотничьем фонде. В п. 2 положения подчеркнуто, что госохотфонд республики един и не зависит от ведомственной принадлежности охотугодий. Если прежде под охотой понималось только добывание диких зверей и птиц, то в соответствии с ним к ней приравнивались их выслеживание с целью добычи и преследование. Для этого в его структуре был создан отдел госохотнадзора [29, ст. 164].

Главохотой была проведена значительная работа. Разработаны типовые правила охоты, в которых дано толкование действовавшего охотничьего законодательства. На их основании субъекты федерации утверждали местные правила, регулировавшие охоту на их территории. Соблюдение этих правил обеспечивалось районной службой охотничьего надзора. Главохоте РСФСР было поручено образовать специальную егерскую службу в наиболее ценных охотничьих угодьях в целях обеспечения правильной эксплуатации государственного охотничьего фонда [45, л. 41; 30, с. 19, 24, 25].

Деятельность Главохоты осуществлялась на трех административных уровнях: республиканском, областном (АССР, край), районном и дифференцировалась по функциональным разделам. В центральный аппарат входило Управление гослесоохотхозяйствами. Существовавшее в ее составе «Зообъединение» – единственная структурная единица, масштабы которой имели общесоюзный характер. Ему подчинялось 17 зоокомбинатов и зообаз, которым, соответственно, – 80 зоомагазинов. Управление госпромпхозами в процессе своего развития руководило 22 управлениями охотничье-промыслового хозяйства, которым подчинялось 95 госпромпхозов, 788 местных заказчиков. В составе центрального аппарата работали отделы охотничьего хозяйства и госохотнадзора. Им соответственно подчинялись управления охотничье-промыслового хозяйства и 49 госохотинспекций, руководивших районными службами охотнадзора, в которых служило 2 тыс. чел.

Отдел госзаповедников осуществлял руководство 24 заповедниками и 19 республиканскими заказчиками. В центральный аппарат входили уже упоминавшиеся охотоустроительные экспедиции. Последним элементом аппарата являлась ЦИИЛ (лаборатория) Главохоты, при которой было опытное хозяйство. В то же время в аппарате Главка отсутствовал отдел по учету государственного охотничьего фонда, хотя такая задача в Положении о Главохоте была отмечена в качестве одной из основных [30, с. 23–25].

На основании типовых республиканских правил СМ АССР, край-, облисполкомы утверждали местные правила, регулировавшие охоту на подотчетных им территориях. Контроль за их соблюдением проводила районная служба охотнадзора, в которую входили районные и межрайонные охотоведы, охотинспектора и охоттехники. В каждом административном районе имелся районный охотовед. Если объем работы был большим, ему выделяли охоттехника. В последующий период на территориях с развитой охотой и имевших ресурсы особо ценных и уязвимых охотничьих животных выделяли дополнительно (на несколько районов) старшего или межрайонного охотоведа. На местах в охране охотничьей фауны участвовали также егеря заказников, работники охраны гослесоохотничьих и промысловых хозяйств, госзаповедников. Весь советский период, по мнению специалистов, численность и техническое оснащение органов госохотнадзора были недостаточны для эффективной борьбы с браконьерством, совершаемым с использованием технических средств.

Районные охотоведы контролировали работу обществ охотников и рыболовов, проверяли деятельность райзаготконтор по организации охотничьего промысла и приемке продукции охоты, организовывали работу по учету численности и воспроизводству охотничьих животных и сами участвовали в ней. Они же рассматривали материалы о нарушении правил охоты на территории подотчетных районов, вне зависимости от того, кем они были представлены (егерьями, лесниками, общественными охотинспекторами и т. д.), и принимали соответствующие решения.

Обязанности по охране и правильной эксплуатации государственного охотничьего фонда на территории субъектов федерации были возложены на управление охотничье-промыслового хозяйства (в их составе были соответствующие отделы) и госохотинспекции. Они выполняли эту роль непосредственно и через должностных лиц, осуществлявших контроль за соблюдением правил охоты, организовывали общественную охотинспекцию, налагали в установленном порядке штрафы на нарушителей правил охоты и взыскивали их, предъявляли гражданские иски организациям и лицам, по вине которых был нанесен ущерб госохотфонду. В необходимых случаях направляли материалы следственным органам для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в особо серьезных нарушениях правил охоты.

Областные (краевые, АССР) органы госохотнадзора следили за тем, чтобы велось неистощимое использование охотничьих ресурсов, не подрывавшее их воспроизводство. С этой целью они на основании сведений о численности охотничьих животных корректировали сроки охоты и нормы добычи на отдельные виды, уточняли планы добычи лицензионных видов, регулировали нагрузку на охотничьи угодья в приписных охотничьих хозяйствах и т. п. Из-за недостаточного количества специалистов и технических возможностей эта работа не всегда была оперативной и эффективной, проводилась зачастую без учета реального состояния локальных популяций диких зверей и птиц [30, с. 25–26].

Кроме Главохоты РСФСР, важную роль в охотничье-промысловом хозяйстве играла система потребительской кооперации. В 1956 г. было упразднено Министерство заготовок СССР, а получение пушно-мехового сырья передали потребкооперации. В РСФСР его возложили на Роспотребсоюз. Это имело двойное значение – организационное и экономическое. Первое было связано с ликвидацией специализированной и мощной системы «Заготживсырьё», много сделавшей для развития охотничье-промыслового хозяйства страны.

Новый хозяин не обладал возможностями своего предшественника и, прежде всего, уровнем наценок, предоставляемых промхозам за сдаваемую пушнину – 21–27 % вместо 60–70 %, что немедленно сказалось на рентабельности пушных заготовок. Для райзаготконтор, занимавшихся заготовками всех видов сельхозпродуктов, вторсырья и т. д., пушные заготовки явились дополнительной нагрузкой. Сложность заготовок пушнины, добываемой вдали от населенных пунктов, относительно небольшой удельный вес и малая рентабельность ослабили внимание к охотничьему хозяйству. Практически заготконторы занимались скупкой пушнины у охотников, приносивших ее. Это стало причиной ликвидации многими потребсоюзами нерентабельных промхозов. Ондатровые хозяйства ликвидировали. Полностью были закрыты хозяйства в Иркутской области и большинство хозяйств Бурятской АССР. Штатные охотники были распущены [30, с. 26].

Для управления сетью промхозов в Роспотребсоюзе была создана Росглавкооппушнина. Это управление ведало заготовками пушно-мехового и кожевенного сырья, координировало работу КЗПХ и зверохозяйств потребительской кооперации России. Оно осуществляло свои функции через соответствующие отделы заготовительных управлений обл(край, АССР)потребсоюзов. Кроме этого было создано 10 трестов коопзверопромхозов (КЗПХ), деятельность которых координировали правления соответствующих облпотребсоюзов. Только Иркутский трест находился непосредственно в ведении Росглавкооппушнины.

Основным звеном управления являлись заготконторы райпотребсоюзов (РЗК). Они осуществляли заготовку пушно-мехового сырья непосредственно через свои приемные пункты и склады и при помощи первичных ячеек кооперации – потребительских обществ. Организациям потребкооперации в районах промысловой охоты разрешалось нанимать охотников при райзаготконторах и сельпо. Некоторые райзаготконторы в промысловых районах имели свой штат охотников. В системе Роспотребсоюза была автономная рыболовецкая секция. Она координировала деятельность рыболовецких потребсоюзов, расположенных в районах концентрированного лова рыбы, но занимающихся и охотничьим промыслом. Преимущество потребкооперации заключалось в наличии у нее разветвленной торгово-заготовительной системы, охватывавшей все районы и сельские местности России. Приемку продукции охотничьего промысла (включая и дикоросы) вели все ее заготовительные пункты и сельпо.

Однако многообразие функций этой системы свело на нет это преимущество. Бывшие конторы «Райзаготпушнины» уделяли все внимание организации охотничьего промысла, заготовкам и доработке пушно-мехового сырья, имели штаты постоянных и временных заготовителей. Достаточно быстро в большинстве райзаготконтор, осуществлявших заготовки десятков видов продукции, начиная со вторичного сырья и заканчивая сельхозпродукцией, продукции охотничьего промысла перестали уделять достаточно внимания. Заготовителей-пушников почти не осталось, приемка, хранение и доработка сырья организовались зачастую неудовлетворительно. Потребкооперации были подчинены 14 пушно-меховых баз, концентрировавших соответствующее сырье, поступавшее от производственных и заготовительных организаций и направлявших его промышленности.

Роспотребсоюзу напрямую подчинялись Роскооппушнина и Рыболовсекция. В свою очередь Роскооппушнина контролировала тресты коопзверопромхозов, заготуправления территориально-административных образований и пушнозаготовительные базы. Тресты соответственно руководили коопзверопромхозами, заготуправления – райзаготконторами, а они – потребительскими обществами.

Первое время после возникновения КЗПХ фактически являлись придатками районных заготконтор. Затем часть промхозов была передана в ведение заготуправлений потребсоюзов, а другая – в подчинение трестов коопзверопромхозов. Это привело к тому, что в ряде районов промхоз и райзаготконтрора стали во многом дублировать друг друга. Их интересы соприкасались, а подчас и сталкивались в области торговли, снабжения населения и охотников.

Для устранения параллелизма в районах с незначительным удельным весом заготовок сельхозпродукции, РЗК были ликвидированы, а их функции передали промхозам. В районах с большим объемом закупок сельхозпродукции райзаготконторы были сохранены, но у них изъяли функции заготовки пушно-мехового сырья. В отдельных районах в промхозах сосредоточилась не только вся заготовительная, но и торговая деятельность [30, с. 17-21, 28-29; 31, с. 32].

Третья крупная организация, работавшая в охотничье-промысловом хозяйстве РФ, – Минсельхоз РСФСР. В его ведении, в районах Крайнего Севера и приравненных к нему территориях, находились 148 совхозов и 30 колхозов, занимавшихся охотничь-

им промыслом и заготовкой пушно-мехового сырья. Их деятельность координировалась специальным производственно-территориальным управлением районов Севера данного министерства. На местах они подчинялись окружным и областным управлениям сельского хозяйства. Доля промысловой продукции в общей продукции северных совхозов и колхозов колебалась в широких пределах.

Помимо этого в стране функционировало 11 пушно-меховых баз «Союзглавлегпромырье» Минлегпрома СССР. В 1958 г. был создан Росохотсоюз, вставший во главе спортивного охотничьего хозяйства [30, с. 19, 30].

Таким образом, к охотничьему хозяйству РСФСР на основе трансформаций второй половины 1950-х гг. относился ряд организаций, ведомств и обществ, но по прямому подчинению – только управления охотничье-промысловых хозяйств (госохотинспекций) при край(обл)исполкомах. В сфере контроля и координации находились Краевые территориальные управления при Совете МСХ РСФСР, Роскооппушнина и Росохотрыболовсоюз. Через них осуществлялся выход на облуправления сельского хозяйства, облзаготуправления потребсоюзов, тресты коопзверпромпхозов, правления областных обществ охотников и рыболовов, облуправления лесного хозяйства (при наличии у них охотхозяйств).

Подобное многообразие ведомств, причастных к охотничьему хозяйству, возможно, было бы оправданным, если бы их функции и права были строго разграничены и под этим многообразием имела бы универсальная научная база. Однако это было не так, хотя благодаря проведенным реформам организация и структура охотничьего хозяйства стали более совершенными.

Только очевидное снижение эффективности охотничьего хозяйства обусловило проведение в середине 1950-х – середине 1960-х гг. его коренного реформирования. Созданная система фактически копировала колхозно-совхозную систему. Кооперативные и государственные промысловые хозяйства поделили между собой наиболее богатые охотничьи угодья. Кроме этого им были переданы лесные ресурсы и права на их эксплуатацию, включая лесозаготовку и переработку [11, с. 87]. В процессе коренных преобразований второй половины 1950-х гг. системы управления охотничье-промысловым хозяйством СССР определились следующие основные типы охотничьих хозяйств: 1) государственные (госпромхозы) и кооперативные (коопзверопромхозы) промыслово-охотничьи хозяйства, промысловые совхозы и

колхозы Севера (таежной зоны) – основные поставщики пушнины и дичи; 2) государственные охотничьи и заповедно-охотничьи хозяйства, занимающиеся разработкой и внедрением научных форм ведения охотничьего хозяйства, охраной и размножением ценных промысловых животных для расселения в новые районы обитания, частично – заготовкой пушнины и дичи; 3) спортивные охотхозяйства (союзов обществ охотников и рыболовов, всеармейского военно-охотничьего общества и общества «Динамо»), ставившие задачу привлечения населения к охотничьему спорту и содействовавшие заготовительным организациям в выполнении государственных планов заготовок пушнины и дичи.

Правительство ориентировалось на освоение отдаленных охотничьих угодий Севера, Сибири и Дальнего Востока путем организации технически оснащенных охотничье-промысловых хозяйств. По определению советских специалистов 1960-х гг., «охотничьим хозяйством называется отрасль экономики, в которой деятельность человека направлена на эксплуатацию и воспроизводство государственного охотничьего фонда с целью удовлетворения потребностей общества в пушнине, дичи и других продуктах промысла» [9, с. 6].

По принадлежности охотничьи хозяйства классифицировались на государственные, кооперативные и общественные. Хозяйства потребкооперации и колхозов имели исключительно промысловое направление, хозяйства охотничьих обществ – спортивное, а государственные бывали тех и других видов.

По специализации различали хозяйства охотничье-рыболовные, комплексные, лесоохотничьи, заповедно-охотничьи, опытно-показательные и учебно-опытные. По видовому направлению не существовало четкой классификации хозяйств, хотя иногда они выражались достаточно конкретно. Например, ондатровые, соболино-беличьи, на лосей, сайгаков, на водоплавающую и болотную дичь и др. Однако преобладают хозяйства с многовидовым направлением. В спортивных хозяйствах основными объектами охоты служили: заяц, лось, косуля, олень, кабан, лисица, а из птиц – боровая, водоплавающая, болотная и полевая дичь [9, с. 8].

Для устройства промыслово-охотничьих хозяйств потребительской кооперации Всесоюзный НИИ животного сырья и пушнины разработал методическое руководство (1958), состоявшее из двух частей. В первой излагалась методика охотоэкономических обследований, во второй описывались приемы углубленного исследования некоторых вопросов при охотоустройстве.

В основу инвентаризации угодий была положена их ландшафтная типология: темнохвойная плотная тайга, светлая тайга, смешанная тайга, редины, молодняки по гарям, лиственные леса, заболоченные леса, пойменный комплекс, леса на каменистых россыпях, заросли кустарников. Нормы сезонной нагрузки угодий на одного охотника определялись с учетом трудоемкости опромышления каждого типа угодий. Была осуществлена бонитировка угодий, под которой понималась оценка их промысловых свойств и распределение по классам хозяйственной ценности. Всего устанавливалось пять классов бонитетов и соответствующая им средняя добыча зверей и птиц с 1 км² угодий.

Данное руководство стало методической основой для охотоустроителей при экономическом обосновании целесообразности более ста комплексных промысловых хозяйств потребительской кооперации. Оно помогло решить главные задачи, возникшие при планировании хозяйственной деятельности промхозов [9, с. 40–42].

Большие работы по межхозяйственному охотоустройству провели Центральная, Западно-Сибирская и Восточно-Сибирские экспедиции Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР. Они приступили к работе в 1960 г. и преимущественно закрепляли угодья за обществами охотников. На основе их работы были созданы и закреплены за пользователями около 5 тыс. приписных охотничьих хозяйств. Угодья закреплялись на срок не менее 10 лет. Обследованные, но не закрепленные угодья оставались временно угодьями общего пользования. В результате работ составлялись паспорта на конкретные охотхозяйства, в целом на административный район, на охотхозяйство области, края, АССР.

Среди недостатков следует отметить отрыв их, особенно в первые годы, от охотничьей общественности. Угодья выделялись часто в границах, не соответствующих запросам коллективов охотников. Иногда сбор материалов производился поверхностно и проектные расчеты были недостаточно обоснованными. Типология и бонитировка угодий, были несовершенными и не обеспечивали объективной оценки качества охотничьих угодий.

В целом экспедиции провели большую работу и в сравнительно небольшой срок обследовали огромную территорию. Благодаря им более 3 тыс. коллективов и обществ охотников Росохотрыболовсоюза получили угодья в долгосрочное пользование. Этим бы-

ли созданы предпосылки для привлечения широких масс к активному участию в охотхозяйственном строительстве [9, с. 45, 46].

В среде специалистов развернулась дискуссия о подходах к типологизации угодий. В частности, иркутские специалисты профессора В. Н. Скалон и Н. Н. Скалон отрицали необходимость экологического подхода к типологии угодий. По их мнению, растительный покров не является лучшим выразителем условий обитания охотничьих животных. Они считали, что при организации промысловых хозяйств не требуется изучения и описания растительности, почв, леса, фауны общебиологическими методами и в биологическом аспекте. Особенно категорично они возражали против учета фауны при охотоустройстве, считая все методы абсолютного и относительного учета недостоверными. Они предлагали положить в основу охотостроительного метода опрос охотников [38, с. 17, 18; 37, с. 21].

По мнению Д. Н. Данилова, Я. С. Русанова, А. С. Рыковского и др., «базируя свою классификацию на эксплуатационном принципе, т. е. только на опыте фактического использования участка они лишают ее естественно-исторической определенности и устойчивости. Следует учитывать не только выход продукции и экономические условия, но и природные факторы, определяющие плотность заселения участков животными. В противном случае рассматривается следствие, без знания причин, его обусловивших. Этот метод невозможен для оценки неиспользовавшихся участков. Авторы предостерегают от вмешательства в состояние участков с целью их улучшения [9, с. 48].

В соответствии с решениями руководства страны Роспотребсоюз организовал в 1958–1960 гг. 94 промысловых хозяйства со штатом охотников в 8 460 чел. и увеличил число штатников в существовавших и восстанавливаемых хозяйствах на 2 тыс. чел. За ними закрепили ценные охотничьи угодья, обеспечили контингентом охотников-рабочих, получивших социальные права рабочих. С этого времени началось становление и развитие системы промхозов, просуществовавших до конца советского периода. В 1958 г. в системе Центросоюза насчитывалось 70 промхозов, в 1962 г. – более 100 [31, с. 20].

Коопзверопромхозы и госпромхозы – хозрасчетные предприятия. Перед ними ставился ряд основных задач: рационально использовать естественно возобновимые природные ресурсы; увеличивать товарный выход пушнины, пернатой дичи, мяса диких животных, дикоросов, лекарственно-технического сырья и вылов

рыбы. В зависимости от природно-экономических условий они развивали и другие отрасли. Для выполнения этих задач за промхозами закрепляли на длительный срок определенные площади охотничьих угодий.

Территория хозяйства устанавливалась такого размера, чтобы при рациональном освоении угодий обеспечивалось получение достаточно большого объема продукции. Угодья в хозяйствах располагались в основном компактно, а сами хозяйства имели четкие и хозяйственно целесообразные границы.

В истории охотохозяйственных предприятий прослеживается тенденция выделения в границах конкретного хозяйства в качестве производственных единиц отделений и производственных участков. Отделение – это наиболее крупная хозяйственная единица промхоза, развивающая, помимо промыслов, другие отрасли и предприятия: звероводство, заготовку и переработку леса. Наряду с ними, или в их составе, в промхозах выделялись производственные участки. Производственный участок – это хозяйственная часть обычно без дополнительных производств и с меньшим, чем в отделении, объемом продукции [31, с. 324].

В литературе по организации и экономике сельского хозяйства отмеченные производственные подразделения рассматриваются как понятия равнозначные. Существующее между ними различие заключается в том, что в совхозах эта хозяйственная единица называется отделением, а в колхозах – производственным участком. Как же получилось, что в охотохозяйственных предприятиях эти равнозначные производственные единицы имели нетождественные значения? На взгляд В. А. Тютин, С. В. Фраер, Б. Г. Ходасевича и др., употребление термина «отделение» в коопзверопромхозах объяснялось стремлением привести структуру производства в соответствие с производственной структурой звероводческих совхозов. Необходимость этого связана с процедурой утверждения заработной платы штатным единицам коопзверопромхозов на уровне рабочих и служащих совхозов. Производственный участок, по оценке В. Н. Скалона, Н. Н. Скалона, являлся сферой хозяйственной деятельности звена охотников или даже отдельного охотника [36, с. 74–75; 47, с. 304].

Промхозы комплектовали штаты из охотников, других работников и необходимых специалистов, а также использовали сезонную рабочую силу, привлекаемую на договорных началах. Они осуществляли весь комплекс охотохозяйственных работ. Для освоения отдаленных охотничьих угодий, сбора дикоросов

строили промысловые базы и избы, сушилки, авиапосадочные площадки, прокладывали грунтовые дороги и тропы, расчищали реки от заломов, создавали специальные производства для первичной обработки и консервирования продукции. В благоприятных природно-экономических условиях организовывали пасеки и зверофермы. В непромысловый период заготавливали и перерабатывали лес, делали бочки и ящичную тару [31, с. 325].

Промхозы снабжали рабочих и местное население, работавшее на него, промысловым инвентарем, орудиями лова, охотничьими боеприпасами, промысловой одеждой и обувью, предоставляли транспортные средства для проезда к местам промысла и обратно. Централизованно завозили продукты питания, тару, орудия промысла и охотничьи боеприпасы в отдаленные охотничьи угодья, места сбора дикоросов. На закрепленной территории промхозы принимали от колхозов и населения продукцию пчеловодства, звероводства, кролиководства и животноводческое сырье. Заготовленную продукцию промхозы реализовывали по нарядам вышестоящих организаций.

Промыслово-охотничьи хозяйства создавались как специализированные охотничьи хозяйства, но с комплексом отраслей, обусловленных природно-экономическими условиями района их деятельности. По экономическому значению отрасли в охотхозяйствах разделялись на основные и дополнительные. Основные отрасли давали наиболее ценную для государства продукцию, ради которой они и были организованы. На эти отрасли обычно приходилась основная часть товарной и валовой продукции и затрат труда в хозяйстве. В ряде промхозов Байкальской Сибири к основным отраслям относился также сбор кедровых орехов и ягод.

Дополнительные отрасли давали продукцию, занимавшую меньший удельный вес. Эти отрасли в сочетании с основными обеспечивали более рациональную структуру хозяйства, комплексное использование местных природных ресурсов, материально-технической базы и рабочей силы, повышая рентабельность промхозов и выход продукции. К числу дополнительных отраслей в Байкальском регионе в большинстве промхозов относились заготовка и переработка леса, сельскохозяйственное производство, оленеводство, рыболовство и др. Некоторые отрасли (бондарное производство, животноводство, растениеводство) в промхозах являлись подсобными и предназначались для обслуживания основных отраслей [31, с. 315, 327].

Для экономического укрепления производственных единиц промхозов требовалось выделять им основные средства производства с тем расчетом, чтобы они могли развивать все отрасли хозяйственной деятельности. В рассматриваемый период в наибольшей мере насыщались средствами производства только центральные участки. Организация и укрепление отделений способствовали более равномерному использованию трудовых ресурсов в охотохозяйственном производстве, но не разрешали всех вопросов укрепления организационной структуры промхозов.

Одним из путей разрешения этой проблемы в Байкальской Сибири специалистам представлялась организация непосредственно в глубинных угодьях охотничьих и орехопромысловых баз. Они рассматривали их как самостоятельные производственные единицы, ибо они являлись обособленными частями хозяйства, имевшими закрепленную площадь кедровых массивов, необходимые средства производства, а также сезонную и штатную рабочую силу [12, с. 72].

Решение о создании промхозов было с одобрением воспринято в регионе, и они с 1958 г. приступили к работе. Пионером в создании орехопромысловых баз среди охотничье-промысловых хозяйств Восточной Сибири явился Байкальский коопзверопромхоз Иркутской области. Особенностью организационно-производственной структуры этого хозяйства являлось создание орехопромысловых баз – самостоятельных производственных участков, подчиненных непосредственно центральной конторе хозяйства. Например, Черемховский Харцагинский хозяйственно-производственный центр в кедровом угодье приравнялся по значению к отделению или производственному участку промхоза. Применявшаяся в промхозе технология сочетала в себе технологическую связь материально-технического обеспечения промыслов и подсобных работ с сырьевыми ресурсами орехопромысловых угодий.

В комплекс таежных сооружений этих баз входили складские помещения, жилье для бригады рабочих-возчиков, сторожа, контора, общежитие для орехосборщиков, пекарня, баня, гараж, конюшня и сушилка для обработки готовой продукции. Некоторые отдаленные промысловые базы имели вертолетные площадки. Каждая база располагала широкой разветвленной сетью заготовительных пунктов – подбаз, соединенных с ней выючными тропами или тракторными дорогами. Назначение подбаз – сокращение перевозок готовой продукции выючным способом от ин-

дивидуальных участков орехосборщиков до складов хозяйства. Это давало возможность наименьшими силами (рабочих-возчиков и лошадей) справляться с интенсивными перевозками продукции в сезон массовых заготовок.

Описываемая система управления и организации производства позволяла орехосборщикам, большинство которых состояло из отпускников, получать расчеты за сданную продукцию в день окончания работ. Дополнительные затраты на строительство подбаз и услуги сезонных сторожей полностью компенсировались сокращением транспортных расходов. Количество подбаз определялось практической целесообразностью и общей площадью кедровых урочищ. На территории подбазы располагалось несколько индивидуальных участков орехосборщиков. Благоустройство производственных сооружений индивидуальных участков производилось силами хозяйства и самих сборщиков.

Наряду со сбором кедровых орехов таежные базы занимались заготовкой других дикорастущих растений, лекарственно-технического сырья, производством хозяйственных товаров и лесозаготовками. На время заготовок ягод и грибов в районе открывались дополнительные приемные точки. После окончания сезона промысла дикорастущих плодов и ягод начиналась добыча пушнины, мяса диких копытных и боровой дичи. Основная масса промысловой пушнины заготавливалась охотниками-любителями. Таким образом, промысловая база функционировала практически круглый год, обеспечивая все операции по организации заготовок таежной продукции. Необходимость организации подобных баз была обусловлена сокращением числа мелких таежных населенных пунктов. При большой территориальной разбросанности охотничьих угодий, отсутствии дорожной сети и острой нехватке транспорта охотничье-промысловые базы являлись опорными пунктами освоения сырьевых ресурсов. Опыт организации кедрового промысла в Байкальском КЗП широко использовался в охотопромысловых предприятиях Читинской области и Бурятской АССР [1].

В Бурятской АССР и Читинской области процесс проектирования и организации кооперативных охотничье-промысловых предприятий начался в 1958 г. Для руководства хозяйствами были созданы тресты коопзверопромхозов. Бурохотсоюз организовал в 1958 г. в таежных районах 5 охотпромхозов со штатом по 90 охотников. Одно из таких хозяйств – Прибайкальский промхоз был создан на базе рыболовецкой артели Прибайкальского айма-

ка. Здесь приступили к организации правильного ведения охотничьего хозяйства, разведению пушных животных, сбору дикоросов. Главной проблемой хозяйств на начальном этапе их существования оказалась обезличка угодий. Промысловикам не хватало лошадей заезжать в тайгу, отсутствовали охотничьи собаки и т. д. [34].

Организационный период становления коопзверопромхозов по ряду причин затянулся. Прежде всего, в первоначальный период неправомерным было подчинение их районным потребительским союзам, где финансовая и административная зависимость сдерживала и сковывала инициативу коопзверопромхозов и не способствовала освоению глубинных охотничьих угодий, обрекая последние на заготовительную деятельность. По этой причине организация коопзверопромхозов на первоначальном этапе носила формальный характер. Вновь созданным предприятиям было выделено недостаточное количество материальных средств на расширенное воспроизводство и проведение охотохозяйственных мероприятий. Охотничье-промысловые хозяйства создавались наспех на базе бывших заготовительных контор с продолжением исполнения ими прежних производственных функций. Поэтому они, в большинстве своем, ограничивались заготовкой и первичной переработкой сельскохозяйственного сырья. Значительно позже, в целях устранения допущенных ошибок, были определены производственные функции коопзверопромхозов и некоторые из них переведены на самостоятельный баланс [2, с. 57].

Эффективность промысловых хозяйств зависела от уровня рентабельности. Первые КЗПХ создавались в кедровых лесах в расчете на увеличение валового выхода продукции на основе комплексного использования всех сырьевых ресурсов (в первую очередь таежной фауны). Уже в первые годы деятельности этих предприятий наметились основные и дополнительные отрасли. Основные отрасли – охотничье хозяйство и кедровый промысел обеспечивали около 85–95 % общих стоимостных заготовок продукции. Остальное приходилось на дополнительные отрасли – сбор ягод и грибов, лекарственного и технического сырья и некоторые другие производства, базировавшиеся на переработке древесины. Комплексная эксплуатация всех отраслей лесного хозяйства обеспечивала рациональное использование трудовых и природных ресурсов.

Вместе с тем промхозы базировались не только на ресурсах кедровых лесов. Отдельные производства и заготовки строились

на основе лиственничных, лиственных и других насаждений, а также на эксплуатации водных угодий и др. нелесных площадей. Производственная и заготовительная деятельность хозяйств включала в себя эксплуатацию охотничьих животных, сбор орехов, ягод, грибов, лекарственного и технического сырья, лов рыбы и некоторые другие виды заготовок. В КЗПХ развивались дополнительные производства – звероводство, кролиководство и пчеловодство. Непостоянная занятость работников в отдельных производствах ощутимо отражалась на доходности хозяйств и не позволяла обеспечить промысловиков постоянной заработной платой [30, с. 189; 31, с. 13].

Важнейшими обстоятельствами, определяющими методологию и эффективность ведения охотничьего хозяйства, являются природно-климатические и социально-экономические условия и обстоятельства. Лесопокрытая площадь Иркутской области – самой крупной административной единицы региона составляла в рассматриваемый период свыше 56 млн га. Существенные изменения в состав древостоя могли внести только крупные вырубки и лесные пожары. Интенсивная эксплуатация леса на территории Байкальской Сибири началась в 1950 г. Наибольшие площади лесов, охваченные пожарами, отмечались в 1950, 1954 и 1962 г. За десятилетие (1950–1960 гг.) пожарами было охвачено 464 тыс. га (2 % лесопокрытой площади), в такой же степени пострадали и леса Забайкалья. В конце рассматриваемого периода горимость леса резко снизилась. Около 95 % пожаров – низовые, когда выгорала только часть подстилки и кустарников, черные гари составляли незначительную часть. Большое влияние на фауну лесостепной зоны оказали ежегодные пожары, возникающие в результате небрежности при обжиге стерни на полях, захватывающие опушечные насаждения. Пожары эти по времени (конец апреля – май) совпадали с периодом размножения большинства зверей и птиц, гнездящихся на окраинах полей.

Значительно большее влияние хозяйственной деятельности человека на условия существования охотничьих животных отмечалось в лесостепной части Иркутской области – в районах развития сельского хозяйства. В период с 1940 по 1962 г. посевные площади увеличились на 86,8 %. Расширение посевных площадей проведено в основном за счет укрупнения существовавших ранее массивов, путем раскорчевки большого количества перелесков. Распаханы балаганские и усть-ордынские степи, за счет чего в этих районах площадь пахотных угодий увеличилась втрое.

Большие площади лесостепных и пойменных участков залиты водами Братского водохранилища, имеющего площадь 55 тыс. кв. км. В итоге резко сократилась площадь опушечных насаждений, межей и степных нераспаханных участков, являвшихся основными местами размножения многих видов охотничьих животных. В Бурятии и Читинской области, за счет значительного увеличения поголовья скота, выросла нагрузка выпаса на степных участках. Это особенно сильно сказалось в южных горно-степных участках Бурятии, где тропы, вытоптанные овцами по склонам гор, стали глубокими, что приводило к эрозии почв.

Вредное влияние на численность всех видов животных вызвали неаккуратное хранение и использование минеральных удобрений и ядохимикатов. Из-за отсутствия подходящих мест гнездования в Иркутской области исчезли дрофы, встречавшиеся ранее в больших количествах. В Забайкалье их сохранились единицы. Почти полностью исчез светлый хорь (в период 1932–1941 гг. в области заготавливалось в среднем по 3,5 тыс. шт.), что привело к запрету его добычи. Крайне редки стали кроншнеп и тетерев. На большей части степной и лесостепной зоны исчезла бородатая куропатка, сохранившаяся только на полях отдаленных колхозов, где не применялись ядохимикаты. Аналогичным было состояние поголовья тетерева-косача, сохранившегося и приспособившегося жить на старых лесосеках, переставшего вылетать на кормежку на поля. Он распространился в ранее не свойственных для него районах.

Изменения, произошедшие в степной и лесостепной зонах, привели к сокращению количества степных орлов и ряда мелких птиц из отряда воробьиных. Одновременно возросло количество мелких грызунов. Резкое сокращение количества косуль в основном связано с браконьерством. Расширение посевных площадей, наличие гарей, лесосек и увеличение сети лесных дорог повлекли за собой проникновение на север косули и волка [44, с. 36].

Одной из основных причин снижения пушных заготовок считается сокращение количества и изменение состава охотников, участвующих в добыче пушнины. Учитывая политику правительства, колхозы стали выделять охотников только на время отпуска, перестали обеспечивать их транспортом. Большинство охотников потеряли уверенность в возможности ежегодно получать отпуск в нужное для промысла время. Пропал стимул поддерживать таежное оборудование и строить зимовья. Все эти заботы, а, следовательно, и расходы на оборудование тайги, завоз к месту промысла и т. п. легли на охотхозяйственные организации.

Развитие лесодобывающей, нефтяной, горной и лесоперерабатывающей промышленности, проникновение промышленных новостроек в некогда глухие и отдаленные таежные промысловые районы значительно изменили состав охотничьего населения. Охотники-профессионалы, для которых охота была основным видом деятельности, переходили на работу в промышленные предприятия и уделяли охоте лишь выходной и дни отпуска. В основных промысловых районах резко уменьшилось количество промысловых охотников и увеличилось количество охотников-любителей.

Общее число лиц, принимавших участие в пушном промысле Иркутской области с 1935 г. по 1968 г., снизилось почти в 1,5 раза. Доля рабочих и служащих увеличилась более чем в 9 раз, колхозников (преимущественно вследствие преобразования промысловых колхозов в охотничьи промхозы) упала в 4 с лишним раза. Свободные охотники с 1948 г. перестали учитываться по причине своей малочисленности (табл. 1).

Таблица 1

Число и состав охотников Иркутской области в 1935–1960 гг. [30, с. 168]
(числитель – число охотников; знаменатель – %)

Год	Число охотников	В том числе			
		рабочих и сл.	колхозников	единоличников	штатных
1935	12 492	895/7,8	9 092/72,8	2 390/19,1	115/0,9
1938	12 110	1 158/9,6	10 005/82,6	947/7,8	-/-
1945	5 510	1 339/24,3	3 901/70,8	270/4,9	-/-
1948	6 557	2 333/35,6	4 198/64,0	-/-	26/0,4
1950	5 934	2 504/42,2	3 401/57,3	-/-	29/0,5
1953	7 328	3 278/44,7	4 030/55,0	-/-	20/0,3
1956	10 052	5 693/56,6	4 350/43,4	-/-	-/-
1958	9 973	5 690/57,1	3 773/37,8	-/-	310/5,1
1960	9 510	5 773/60,3	3 294/34,7	-/-	483/5,0

Основное значение имело освоение угодий. До 1955 г. в Иркутской области преобладающей частью охотников были колхозники, обеспеченные транспортом (лошади, олени). Большая часть рабочих и служащих также находила лошадей для завоза всего необходимого к месту промысла. В значительной степени сохранилось «вотчинное» владение охотничьими участками, которые охотники сами оборудовали зимовьями (по две и более избушек на участке), следили за заезжими тропами. В охотугодьях области было 12–15 тыс. охотизбушек – одна избушка на 43–54

км² угодий, не считая временных «ночует». Это обеспечивало более равномерное освоение территории, в том числе и отдаленных участков. Начиная с 1955 г. наметилось изменение в составе охотников: возрос удельный вес рабочих и служащих, которые использовали отпуска для добычи пушнины.

Одновременно с изменением состава охотничьего населения существенно изменились способы и орудия охоты. Возросли оружейные способы добывания, резко сократилось использование самодовов. Охотники – члены колхозов, задерживались на сельхозработах до глубокой осени, значительная часть выделялась на охоту лишь на сравнительно короткий срок, во время которого они вели только оружейную охоту [31, с. 340].

Наиболее ценным пушным зверем в Байкальской Сибири является соболь. Его добыча в значительной степени определила ориентацию охотничьего сообщества в рассматриваемый период. С 1940 г. в стране введена лицензионная система промысла соболя, для чего охотникам выдавалось отдельное разрешение на отлов или отстрел каждого зверька в строго определенном месте. В Байкальском регионе решение об открытии соболиного промысла было принято в 1941 г., он был разрешен в 7 районах Бурятии и частично в Иркутской области. Как показало время, это мероприятие оказалось преждевременным, и в 1945 г. из-за частичного перепромысла его добычу вновь запретили на 5 лет. В 1950 г. промысел был разрешен в 17 районах. В Иркутской области соболя заготовили почти в 7 раз больше, чем в 1935 г. К концу 1950-х гг. в Восточной Сибири популяция соболя сформировалась на всей территории, пригодной для его обитания. Общая площадь угодий, занятых соболем, составила 67 млн га. С этого времени отстрел и отлов увеличивался параллельно росту его численности. По данным В. В. Тимофеева, рост численности соболя в регионе, несмотря на активный промысел, продолжался вплоть до 1960 г. Затем произошел резкий спад его поголовья и добычи.

В Бурятии в связи с катастрофическим снижением запасов соболя с 1930 по 1955 г. реакклиматизация осуществлялась в 11 районах. Было выпущено более 650 зверьков. Соболю прижился во всех местах. В результате к 1940 г. его численность возросла, что позволило с 1943 г. начать его опытный промысел. Заготовка шкурок этого зверька с 459 (1943 г.) достигла 12 848 шт. в 1961 г. Численность соболя в 1956 г. в Бурятии, по данным В. В. Тимофеева, составила около 22 тыс. шт. Заготовки соболя были максимальными с 1952 по 1968 г. За 17 лет заготовлено более

половины всего объема – 119 тыс. шкурок (52,2 %). В охотсезоне 1961/1962 г. было заготовлено наибольшее количество шкурок за всю историю промысла в Бурятии – более 15 тыс. шт. [5; 8, л. 24; 32, с. 67; 20, с. 298].

Однако даже внешне позитивные результаты воздействия человека на природную среду имеют и оборотную сторону. Снижение охотохозяйственной деятельности в Саянах в 1940–1950-е гг. привело к изменению численности некоторых видов таежной фауны. Именно этот фактор явился основной причиной быстрого расселения соболя в Саянах. Нарастание численности этого зверька привело к перенаселенности и возникновению эпизоотии. В 1956–1966 гг. в заготовку поступали шкурки, пораженные грибковыми заболеваниями. Такое же заболевание было отмечено и в районах Приангарья, Прибайкалья и Алтая [3; 14, с. 21; 35, с. 120; 40, с. 13; 19, с. 268].

Восстановление поголовья соболя в регионе было обеспечено не только запретами на промысел, но и его активной интродукцией. В 1930-е гг. в Восточно-Сибирском крае был создан зоокомбинат, просуществовавший до конца рассматриваемого периода. Первоначально он объединял красноярский, читинский, тувинский, бурятский и другие участки. Его основной задачей являлось содействие акклиматизации и реакклиматизации зверей и птиц. С 1930-х гг. в Баргузинском и Амурском краях производился отлов соболей для «метизации» в зверосовхозах Главпушны и расселения в других районах региона [7, л. 48; 4; 39].

Динамику изменения численности соболя в Восточной Сибири характеризуют данные, приведенные в табл. 2. В соответствии с ними поголовье пушного зверя в 1950–1960-е гг. постоянно росло как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на гектар.

Таблица 2

Динамика изменения численности соболя в Восточной Сибири [18, с. 12]

Годы	1949–1950	1954–1955	1960–1961
Численность в расчете на 1000 га	0,8	2,4	3,6
Общая численность	5 400	16 000	24 000

Целесообразно сопоставить совокупные данные табл. 2 с показателями конкретных географических районов региона в сезоне 1963–1964 гг. Так, на Патомском и Северобайкальском нагорье на 1000 га приходилось 1,2; в Северном Забайкалье – 0,9; Приангарье и Приленье – 3,0; Северо-Западном и Северо-Восточном

Прибайкалье – 1,4; в Восточном Саяне и на хребте Хамар-Дабан – 1,4 соболя. Они свидетельствуют о резком сокращении поголовья соболя в регионе в начале 1960-х гг.

Причина в том, что вследствие быстрого роста численности и относительно высокой заготовительной стоимости шкурки основным объектом промысла стал соболь. Средняя добыча одного охотника за осенний сезон (30–35 дней) составляла 10–15 соболей, сдаточная цена которых эквивалентна 400–500 белкам. Добыть такое количество белки за 35 дней, даже в урожайные годы, очень трудно. В практику вошла неограниченная добыча соболей, чему способствовали ослабление контроля, поощрение охотников за перевыполнение плана по сумме, а не за сдачу определенного ассортимента пушнины, и ежегодная дополнительная выдача лимитов.

Со времени возобновления промысла соболь занял одно из первых мест в общем объеме пушных заготовок. Значительное влияние на сохранение его высокой численности имела лицензионная форма промысла. Но со временем лицензионный отстрел и отлов соболя стал чистой формальностью, он утратил роль регулирующего фактора при промысле, что привело к его перепромыслу, в частности, в Восточных Саянах, Хамар-Дабане [13, с. 74].

Вторым по значению пушным зверем для охотничьего хозяйства региона является белка. В Иркутской области в период 1932–1961 гг. происходил непрерывный рост заготовок беличьих шкурок. Своего пика беличий промысел достиг в 1961 г. Среднегодовые заготовки беличьих шкурок составили в 1932–1941 гг. 1 613 524 шт., а в 1956–1965 гг. всего 555 224 шт., т. е. почти втрое меньше. Главной причиной кризиса промысла специалист-охотовед О. В. Жаров считал изменение традиционного уклада жизни и социально-экономических условий охотников на белку. По его данным, количество охотников, добывавших белку в 1935 г., составляло 12 492, а в 1963 г. – 8 503, т. е. сократилось на треть. В 1930-е гг. охотник проводил на охоте 30–35 дней, а в середине 1960-х гг. время, затрачиваемое непосредственно на промысел белки, сократилось до 15–20 дней. Снижение произошло за счет перенесения начала сроков охоты на более позднее время, и переключения охотников на более доходное дело – «соболевку». В конце XIX – начале XX в. белок начинали добывать с 14 октября, традиция эта сохранилась и в 1930-е гг., несмотря на официальное открытие охоты с 22–25 октября.

Наряду с уменьшением количества охотников и снижением времени добычи, сократилось количество самоловов. В 1936 г. ко-

личество учтенных плашек составило 639 737 шт., а в 1959 г. всех стационарных самоловов было 131 411 шт. Основная часть плашек в 1936 г. применялась в 4-м квартале, часто одновременно с оружейным способом охоты. На результативность плашникового способа погодные условия оказывают меньшее воздействие, обеспечивая ее более высокую эффективность. В конце 1930 г. 27,3 % охотников-белковщиков применяли самоловы, а их добычаемость была выше в два раза [10, с. 190].

Организационные перестройки, низкая экономическая заинтересованность заготовительных организаций и охотников в добыче массовых видов пушных зверей и отсутствие должной ответственности за выполнение плана пушных заготовок привели к резкой перестройке структуры заготовок и снижению добычи массовых пушных видов. Среднегодовые заготовки белки в Байкальском регионе за период 1951–1960 гг. снизились по сравнению с довоенным периодом в три раза, колонка и горностая – в шесть раз, почти полностью прекратилась добыча весенне-летних видов.

По стоимости пушные заготовки ондатры в стране занимают 2–3-е место после соболя и белки. В Байкальском регионе она разведена искусственно. Учитывая характер межвидовых взаимоотношений данного вида с другими животными, можно отметить, что вселение ондатры в бассейн Байкала не внесло отрицательных изменений в его экосистему, а в хозяйственной жизни ондатра сыграла положительную роль как промысловый зверь, давший населению миллионы красивых шкурок.

Судьба ондатры в регионе в рассматриваемый период сложилась менее успешно, нежели соболя и белки. Иркутский облпотребсоюз на два года задержал выполнение указания о восстановлении ондатровых хозяйств. Основные средства (здания, транспорт), переданные при ликвидации ГОХов райпотребсоюзам, вернуть не удалось. Были потеряны кадры специалистов и охотников, нарушен систематически проводимый комплекс биотехнических мероприятий. Ряду восстановленных хозяйств были переданы заготовки всех видов животного сырья, в результате чего собственно охотничье хозяйство и заготовки пушнины вновь стали второстепенной частью их деятельности.

Заготовки шкурок ондатры, стабилизировавшиеся на уровне 160 тыс. штук, с ликвидацией ГОХов упали до 130 тыс. (почти на 20 %) и в дальнейшем продолжали сокращаться.

Создание Братского водохранилища внесло существенные изменения в характер части ондатровых угодий Братского рай-

она и южной части Усть-Удинского. Существованию ондатры препятствуют резкие изменения уровня воды. Основные же ондатровые угодья (Катангский, Нижнеилимский, Тайшетский районы) не претерпели изменений.

По производительности и продуктивности все ондатровые угодья Бурятии Б. А. Дмитриевым (1969) условно подразделены на три зоны: южную (долина р. Иркутка и дельта р. Селенги), здесь добывалось по 9–10 ондатр с 1 га, в отдельных водоемах до 75 зверьков с 1 га; центральную (долина р. Турки и р. Баргузина), где в годы наиболее высокой численности выход ондатры не превышал в среднем 3,4 шт. с 1 га, и северную (р. Верхняя Ангара и Витимское плоскогорье), для которой характерна низкая продуктивность водоемов в силу недостатка растительной пищи в глубоководных участках. Выход ондатровых шкурок не превышал 1,3 шт. с 1 га угодий.

В отличие от северных, в южных и центральных районах Иркутской области в 1950-е гг. отмечено резкое уменьшение численности и сокращение ареала волка. Хищников уничтожили в некоторых лесостепных районах, и ряд лет их шкуры не поступали из Аларского, Братского и других районов. Изменение числа волков в Иркутской области прослеживается по заготовкам их шкур. Среднегодовые данные по пятилетиям составили: 1932–1934 гг. – 356 шкур; 1935–1939 гг. – 269; 1940–1944 гг. – 291; 1945–1949 гг. – 535; 1950–1954 гг. – 336; 1955–1959 гг. – 256 [6].

Плотность населения хищника в Читинской области значительно выше, нежели в соответствующих ландшафтах Иркутской области. В зоне северной тайги повсюду плотность волка различается меньше, а по Читинской области и Красноярскому краю совпадает. Если сравнить заготовку шкур с единицы площади в годы наибольшей и наименьшей численности волка, то можно заключить, что наиболее эффективным истребление волков было в Иркутской области (снижение в 12,1 раза). Далее следуют Читинская область и Красноярский край, в которых поступление волчьих шкур сократилось соответственно в 5,2 и 4,1 раза.

Несмотря на интенсивную борьбу, численность волка в Читинской области оставалась высокой до 1962 г., когда впервые уменьшилось поступление его шкур (510 шт.). В южных районах Читинской обл. средняя плотность волка составляла 11–33 экз. на 1000 км². Большие показатели числа зверей в лесостепи, южной горной и средней тайге Читинской обл. обусловлены экстенсивным животноводством с круглогодичным выпасом скота. Высокая

численность диких копытных в отдаленных угодьях также обеспечивает обильное питание волка. Заготовка шкур волка в Читинской области (среднегодовые по пятилетиям) составила: 1932–1934 гг. – 1213; 1935–1939 гг. – 1308; 1940–1944 гг. – 1063; 1945–1949 гг. – 1481; 1950–1954 гг. – 996; 1955–1959 гг. – 1000 [6].

Ареал и численность волка претерпели в 1940–1950-е гг. неодинаковые изменения в различных природных зонах Средней Сибири. Особенно заметными они были в лесостепи, южной горной и средней тайге, где плотность населения хищника удалось сократить в 3–12 раз. При этом волки исчезли из некоторых административных районов. Достаточно эффективное истребление хищника проведено в тундре и лесотундре, что привело к снижению плотности его населения до 0,4 особи на 1000 км². В северо-таежной зоне региона, начиная с 1950-х гг., происходило расширение ареала и увеличение численности волка как за счет роста популяций лося и лесного северного оленя, так и из-за недостаточно интенсивной охоты на хищника.

Экологически допустимой плотностью населения волка во всех природных зонах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей следует считать 0,4 экз. на 1000 км². При этом общая численность популяции волка составляет около 1,4 тыс. экз., что достаточно для сохранения генетического фонда этого вида в Сибири [6].

Таким образом, анализ разнообразных источников по организации охотничьего промысла в Байкальской Сибири во второй половине 1950-х гг. свидетельствует о том, что это, возможно, самый насыщенный важными событиями для него период за всю советскую, а, может, и российскую историю.

В течение шести лет в стране была заново создана правовая база советского охотничьего хозяйства, определившая его основные параметры и направления промысла на 30–40 лет. Была изменена структура управления отраслью, включившая в себя все заинтересованные в охотничьем промысле структуры: Главохоту, ее местные разветвленные органы управления в регионах и на местах, Роспотребсоюз, Минсельхоз РСФСР, Росохотсоюз, базы Союзглавлегпромысла.

Эта радикальная перестройка отрасли в Байкальской Сибири развивалась в соответствии с общероссийскими тенденциями, но имела и свои региональные особенности. Они определялись количеством и разнообразием охотхозяйств, спецификой контингента охотников, особенностью социально-экономических, а главное, природно-климатических и коммуникационных факторов, а так же набором промысловых зверей и птицы.

Литература

1. Атутов А. А. Опыт хозяйственной деятельности Байкальского коопзверопромхоза / А. А. Атутов, М. И. Смышляев, С. И. Немченко. – М., 1973. – 16 с.
2. Атутов А. А. Таежное природопользование в Западном Забайкалье / А. А. Атутов, В. П. Москвитин, И. Б. Тармаев. – Новосибирск, 1982.
3. Вост.-Сиб. правда. – 1984. – 4 авг.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1985. – 19 июня, 17 авг.
5. Вост.-Сиб. правда. – 1986. – 4 янв.
6. Все о волках. Красноярский край, Иркутская, Читинская области [Электронный ресурс]. – URL: <http://ovolkah.ru/230/>
7. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1350. Л. 48.
8. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 686.
9. Основы охотоустройства / Д. Н. Данилов [и др.]. – М. : Лесн. промышленность, 1966. – 332 с.
10. Жаров О. В. Причины снижения заготовок беличьих шкурок в Иркутской области и мероприятия по их увеличению // Изв. Иркут. сельскохоз. ин-та. Вып. 26. Т. 3. Вопр. охотоведения. – Иркутск, 1970. – С. 189–193.
11. Зуляр Ю. А. Основные этапы охотничье-промыслового освоения Байкальской Сибири в XX в. // Изв. Иркут. гос. академии. 2003. – № 1. – С. 82–90.
12. Кедровый промысел в Прибайкалье / под ред. В. М. Шунькова. – Иркутск, 1969. 117 с.
13. Крючков В. С. Значение охранных мероприятий в восстановлении и использовании запасов соболя // Природа, ее охрана и рациональное использование. – Иркутск, 1970.
14. Лавов М. А. Хозяйственное использование соболя в Прибайкалье / М. А. Лавов. – Иркутск, 1957.
15. Матвейчук С. П. Канадский опыт обеспечения равнодоступности охотничьих ресурсов // Охотоведение. – Киров, 2004. – № 2 (52). – С. 60–74.
16. Матвейчук С. П. Элитарность и эгалитарность в российской охоте [Электронный ресурс]. – URL: http://piterhunt.ru/library/articles/matveychuk/elitarnost_i_eg.htm
17. Мельников В. К. В охотничьих хозяйствах // Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока. – 1963. – № 8. – С. 75–77.
18. Монахов Г. И. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Г. И. Монахов. – Томск, 1965. – 25 с.
19. Мурашов Ю. П. Рациональное использование ресурсов охотничьих животных Восточной Сибири / Ю. П. Мурашов, С. К. Устинов, А. В. Комаров // Ресурсы животного мира Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 266–269.
20. Носков В. Т. Перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития. – М., 2000. – С. 286–299.
21. О мерах дальнейшего развития охотничьего хозяйства, пушного промысла, звероводства и об увеличении заготовок пушнины в РСФСР» : постановление СМ РСФСР от 17 июля 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: 1954–1956 гг. – М., 1959. – Т. 5. – 702 с.
22. О мерах по воспроизводству ценных видов пушных зверей и плане отстрела-отлова соболя, куницы, уссурийского енота, выдры на сезон 1956/57 г. Постановление СМ РСФСР от 18 августа 1956 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР: 1954–1956 гг. – М., 1959. – Т. 5. – 702 с.

23. О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т. 7. – 559 с.

24. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства : постановление СМ СССР от 11 мая 1959 г. // Свод законов СССР. Т. 4. – М., 1983. – С. 513–515.

25. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства : постановление Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1959. – № 10.

26. О мерах по улучшению использования кедровых насаждений, развитию промыслов и увеличению заготовок кедровых орехов, пушнины, боровой дичи и дикорастущих ягод в таежных районах Сибири, Дальнего Востока и севера Европейской части РСФСР Совет Министров РСФСР : постановление от 26 окт. 1957 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства СССР. – М., 1957.

27. О мерах по улучшению состояния охотничьего хозяйства РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 11 апр. 1958 г. № 336 // Охрана природы. сб. нормативных актов сост.: Коган А. Г., Ромашева Л. М.; под ред. В. М. Блинова. – М., 1971. – 408 с.

28. О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР : постановление Совета Министров СССР от 22 апр. 1960 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). – М., 1968. – Т. 4. – 783 с.

29. Об утверждении Положения о Главном Управлении охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР и его местных органах : постановление Совета Министров РСФСР от 10 авг. 1956 г. № 555 // Собр. постановлений и распоряжений правительства РСФСР. – 1960. – № 34.

30. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дежкин [и др.] – М. : Лесн. пром-сть, 1978. – 256 с.

31. Охотничье хозяйство СССР / В. А. Аммосов [и др.] – М. : Лесная пром-сть, 1973. – 408 с.

32. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара 8–10 июня 1972 г. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.

33. Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 11 окт. 1960 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства РСФСР. РСФСР. 1960. – № 34. – Ст. 164.

34. Правда Бурятии. – 1959. – 10 февр., 9 июля, 8 дек.

35. Проблемы Байкала. – Улан-Удэ, 1985. – С. 120.

36. Скалон В. Н. Охота, охотники и охотничьи угодья / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон // Сельское хоз-во Сибири. – 1960. – № 10. – С. 74–75.

37. Скалон В. Н. Практические рекомендации по организации охотничьего хозяйства в Сибири / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон. – Иркутск, 1958.

38. Скалон В. Н. Рекомендации по сбору материалов для дипломных работ (организация охотничьего хозяйства) / В. Н. Скалон, Н. Н. Скалон. – Иркутск, 1960.

39. Сов. молодежь. – 1988. – 16 янв.

40. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах / Г. А. Соколов. – М. : Наука, 1966.

41. Соловьев Д. К. Основы охотоведения / Д. К. Соловьев. – М. : Новая деревня, 1926. – Ч. 3.

42. Соловьев Д. К. Охота в СССР : краткий курс охотоведения, читаемый в Ленинградском лесном институте / Д. К. Соловьев. – [М.?] : Изд. журн. «Охотник», 1926. – 256 с.
43. Спортивная охота в СССР / сост. В. В. Дежкин. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Физ-ра и спорт, 1981. – 568 с.
44. Тимофеев В. В. Состояние и перспективы охраны и рационального использования животного мира Восточной Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973. – С. 36–41.
45. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 3135. Оп. 6. Д. 1.
46. Шуньков В. М. Пути подъема экономики таежных колхозов / В. М. Шуньков, Н. М. Красный. – Иркутск, 1959. – 80 с.
47. Экономика социалистического сельского хозяйства / Тютин В. А. [и др.] – М., 1968. – 543 с.

КАМЫНИН Н. А.

ПРИЕЗД М. М. РУБИНШТЕЙНА В ИРКУТСК В 1917 Г.

Начало XIX в. Развитие Российского государства предъявляло повышенные запросы в области просвещения, школы и других смежных вопросах. Часть этих запросов правительство старалось удовлетворить путем открытия новых университетов. В добавление к 3 существовавшим университетам (Московскому, Виленскому и Дерптскому) указом Александра I были созданы еще 3: в Казани, Харькове, Петербурге. Остальные, в том числе Сибирский в Тобольске, не были учреждены, хотя у последнего нашелся богатый покровитель купец П. Г. Демидов, пожертвовавший на его открытие 100 тыс. руб.

Необходимость экономического развития Сибири требовала образованных чиновников и других специалистов. Правительство вместо открытия Сибирского университета решило обучать небольшое число сибирских уроженцев бесплатно в Медико-хирургической академии и Казанском университете с тем условием, чтобы эти стипендиаты потом были определены на службу в Сибирь.

Часть сибиряков, купечества поднимают в прессе вопрос о необходимости Сибири иметь свой университет, зондируют этот вопрос в правительстве. Они считали, что университет должен быть открыт в Иркутске, центре Азиатской России, где были сосредоточены большие умственные силы. Но вопрос этот правительство не решало.

В середине XIX в. в Иркутске возникает первая научная организация – Сибирский отдел Русского географического общества. Движение за открытие университета в Иркутске крепнет. Горячие сторонники и пропагандисты идеи Сибирского университета: организатор сибирской прессы и автор книги «Сибирь как колония» Н. М. Ядринцев, первый сибирский профессор А. П. Шапов, исследователь животного мира Байкала ссыльный профессор Б. Дыбовский, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, П. А. Слобцов, Н. С. Шукин и др. организовали мощную кампанию за организацию университета. Они руководствовались следующими чувствами: любовью к родной Сибири, верой в прогресс, убеждением в великой роли просвещения в развитии общества.

Эти представители общественности прокладывали среди темноты и равнодушия общества путь университету, зажигали своей фанатичной верой холодные сердца сибиряков. Н. М. Ядринцев сказал в своей пламенной речи в Омске такие пророческие слова: «Ни политическое, ни экономическое процветание не будет доступно стране, в особенности стране молодой, как Сибирь, без умственного развития, потому что величайшим двигателем всей человеческой истории было знание. Без знаний нет богатой страны, без знаний нет свободной страны, без знаний нет счастливой страны. Все это доказывает, что нам необходим университет, необходим как можно скорее, необходим сейчас, даже сию минуту, ежели бы можно было создать в одну минуту» [1].

Историк А. П. Шапов писал в 1875 г.: «По нашему глубокому убеждению в Сибири необходим такой университет, который бы не только распространял в ней непосредственные утилитарные знания..., но в то же время и усиленно содействовал бы, возможно, наибольшей социальной гуманизации разнопланового сибирского населения» [2]. Он был убежден, что университет ждут многочисленные сибирские поколения, среди которых гибнет много «Ломоносовых».

Значение университета в жизни Сибири правильно оценивал известный писатель М. В. Загоскин. Он отмечал, что уже одно имя университета в известном городе, наличие самостоятельной корпорации внушает к себе уважение и учит общество заслуживать и самому такое же уважение к себе, к своим человеческим правам и достоинствам. Недаром у нас название «университетский город» служит почетным названием. Университетские города имеют и лучшее городское управление.

Различные общественные силы поддерживали их идеи. Этот вопрос начинает решаться и на правительственном уровне. В 1876 г. в Государственном Совете по докладу генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова решено было открыть университет в Сибири. Начинает выясняться наиболее подходящее место для будущего университета. 11 городов спорят об университете (Томск, Мариинск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Нерчинск и др.). Томск побеждает. Иркутская городская дума после продолжительного обсуждения пришла к великодушному отречению от своих прав на университет и ходатайствовала об открытии его в Томске. Это было выражено в докладе министру народного просвещения: «...г. Иркутск может с уверенностью сказать, что в нем зародилась и долгое время зрела мысль об университете. Но когда эта мысль созрела и стала близка к осуществлению, когда возник вопрос: где быть университету? – г. Иркутск, движимый чувством справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступил свое право Томску» [1]. Томский университет был открыт в 1888 г.

В 1912 г. вопрос о втором университете в Сибири резко ставится на очередь в связи с решением открыть высший сельскохозяйственный институт в Сибири. Но и такое решение успеха для Иркутска не имело. Правительство решило открыть институт в Омске.

В 1915 г. Иркутск снова занят мыслью об университете в связи с предложением министра просвещения П. Н. Игнатьева о создании в ближайшие годы ряда новых университетов, в том числе в Восточной Сибири, в Иркутске или во Владивостоке. Узнав об этом, Иркутская городская дума горячо принялась хлопотать об открытии университета. Она была поддержана соседними городскими думами: Енисейской, Минусинской, Красноярской, Читинской и Троицкосавской.

5 июля 1915 г. городская дума постановила: 1) принципиально согласиться на ассигнование 500 тыс. руб. на постройку университета; 2) отвести бесплатно для постройки университета место; 3) для временного помещения университета предоставить городские здания; 4) для разработки вопроса о создании университета учредить исполнительную комиссию [3].

На это представление П. Н. Игнатьев письмом от 3 августа 1915 г. ответил, что «вопрос об учреждении университета в Иркутске или во Владивостоке в настоящее время только намечен и будет решен по рассмотрении всех местных условий, поэтому желательно скорейшее представление подробной записки о целесообразности учреждения университета именно в Иркутске» [4].

В записке «Университет в Иркутске» от 19 августа 1916 г. Иркутского городского общественного управления приведены все доводы, говорящие за открытие университета в Иркутске. Записка достигла своей цели. Министерство решило открыть университет в Иркутске. С этим предложением согласился и Совет министров 24 февраля 1917 г., постановив внести в Государственную Думу законопроект об открытии в Иркутске университета. Министр просвещения подписал акт, согласно которому создавался Восточно-Сибирский университет в Иркутске в составе историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского факультетов.

В это время началась Февральская революция, и решения царского правительства не имели юридической силы. Эстафета в решении вопроса об открытии университета в Иркутске перешла к Временному правительству. Образовавшаяся при Министерстве просвещения комиссия рассматривает вопросы, связанные с открытием высших учебных заведений, разрабатывает положения о них, в том числе и о Иркутском университете.

Но практическая работа по открытию университета в Иркутске не проводилась. Перелом наступил в июне 1917 г. Городская дума Иркутска по предложению университетской комиссии вновь возбудила ходатайство об открытии университета в составе медицинского и юридического факультетов. Она обратилась с просьбой к разным организациям о поддержке этого ходатайства. Представители Иркутска: М. М. Рубинштейн в Москве, Э. Э. Понтович в Петрограде развернули деятельность по привлечению в будущий университет ученых из центральных вузов, сбору средств и литературы. Позже М. М. Рубинштейн, вспоминая, писал: «Скоро работа сосредоточилась в Москве, так как там оказался ряд более благоприятных условий и мне удалось быстро организовать два органа, которые нашли важнейший отклик. Это университетская комиссия под моим председательством, занятая приглашением профессуры и переговорами на предмет открытия для начала отделения Московского университета в Иркутске, и общество “Свободная Сибирь”, поставившее себе целью собирать средства и пособия для нарождающейся высшей школы в Восточной Сибири» [5].

Сохранился рукописный список первых профессоров и преподавателей, с которыми в 1917 – начале 1918 г. М. М. Рубинштейн вел переговоры о приглашении на работу в Иркутский университет: «Агафангел Ефимович Крымский – один из круп-

ных специалистов-востоковедов, профессор ряда московских вузов; Николай Дмитриевич Миронов – специалист по классической индийской филологии, приват-доцент Петроградского университета; Сергей Иванович Радциг – специалист по античной литературе; Николай Альбертович Кун – специалист по античной истории и литературе, автор многочисленных переводов древнегреческих мифов, а также ряд других ученых, оставивших заметный след в русской науке» [6].

М. М. Рубинштейн отмечал, что на призыв собрать книги для будущего университета люди откликнулись охотно. Книги несли студенты, курсистки, чиновники-сибиряки. Купец Н. А. Второв выделил деньги для покупки книг библиотеки профессора Смирнова.

В одной из своих записок М. М. Рубинштейн отмечал: «С 1917 года я подготовлял открытие университета вместе с другими местными деятелями» [7]. И действительно его первый приезд в Иркутск в 1917 г. подтверждается документами.

Приехавший в Иркутск М. М. Рубинштейн начинает свою деятельность с публичного выступления в Общественном собрании города 3 августа 1917 г. по теме «Социализм и его истинный смысл». Он положительно оценил общественную ситуацию в городе и начал активную деятельность по организации университета. Однако часть провинциального общества, настроенная консервативно, скептически отнеслась к идее открытия высшего учебного заведения в городе, который был удален от научных центров страны. Так, врач О. И. Бронштейн написал статью «Мысли по поводу будущего университета в г. Иркутске», в которой обосновывает свои опасения относительно его открытия в 1917 г.

Однако М. М. Рубинштейн, не соглашаясь с мнением автора, в своей статье «Еще об университете в Иркутске» доказывает значение открытия университета в 1917–1918 г. Он приводит такие факты, как: необходимость развития творческого потенциала Восточной Сибири, культурного просвещения края и др.

В это же время прорабатывался этот вопрос в министерстве просвещения. К осени положение об Иркутском университете было готово, судя по телеграмме управлявшего тогда министерством профессора Салазкина от 15 сентября: «Внося в ближайшее время во Временное правительство проект Иркутского университета с техническими факультетами с тем, чтобы уже в текущем учебном году был открыт юридический факультет, а в 1918 г. – физико-математический факультет, как основа для развития остальных факультетов, прошу подтвердить обязательства города.

Для выяснения на месте вопросов по организации университета будет командирована специальная комиссия при участии сил Петроградского университета» [1]. В комиссию вошли профессора Д. Д. Гримм, С. Д. Рождественский и др.

В конце октября – начале ноября 1917 г. в Иркутске состоялись специально организованные мероприятия, посвященные «университетской неделе», одним из руководителей которых являлся М. М. Рубинштейн. Были организованы лекции, спектакли, концерт-митинг, собирались пожертвования в фонд университета. Университетская комиссия занялась поиском помещения для университета.

Неделя достигла определенных результатов. 25 октября 1917 г. съезд уполномоченных общества потребителей Забайкальской железной дороги постановил учредить при Иркутском университете 5 стипендий и отчислить на оборудование университета 15 тыс. руб. Отставной штабс-капитан А. А. Портов (1836–1917) завещал после своей смерти в фонд университета 350 тыс. руб.

31 октября 1917 г. состоялось заседание университетской комиссии с участием товарища министра народного просвещения П. И. Преображенского, профессоров Томского государственного университета М. Г. Курлова и Б. П. Вейнберга, М. М. Рубинштейна, а также представителей родительских комитетов учебных заведений города по вопросам открытия университета. М. М. Рубинштейн отстаивает приоритет открытия историко-филологического и юридического факультетов, а профессор М. Г. Курлов предлагает открыть медицинский и физико-математический факультеты, так как считает, что в городе уже в полной мере имеется для этого материальная база. Представитель Министерства народного просвещения П. И. Преображенский поддерживает идею об открытии только юридического факультета. Полностью открыть университет он предлагает в течение 10 лет в связи с обострившимися политическими событиями.

25 октября 1917 г. (по ст. ст.) свершилась Октябрьская революция, и власть в Петрограде и других центрах России перешла к Советам. В Иркутске 16–24 октября работал общесибирский съезд Советов, который решил взять власть и избрал центральный исполком – Центросибирь.

В Иркутске, являвшемся административным и торговым центром, находился краевой комиссар Временного правительства, иностранные консулы, были сосредоточены значительные вооруженные силы. Иркутским Советом 19 ноября 1917 г. был орга-

низован Военно-Революционный комитет, которому передавалась власть. Городская Дума, при которой действовала университетская комиссия, была распущена. Вспыхнуло восстание юнкеров. До конца декабря между белыми и красными идут ожесточенные бои, которые закончились победой Советов. В связи с этими событиями М. М. Рубинштейн выезжает из Иркутска в Москву.

Примечания

1. Иркут. гос. ун-т. 1948. 27 окт.
2. Иркут. гос. ун-т. 1988. 27 сент.
3. Муравьев А. Г. К истории возникновения Иркутского государственного университета // Иркут. гос. ун-т. 1918–1921 гг. Иркутск, 1921. С. 10.
4. Там же.
5. Иркут. гос. ун-т. 1998. 27 окт.
6. Иркут. гос. ун-т. 1987. 25 марта.
7. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов. Иркутск : Агентство «КП-Байкал» ; Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1998. С. 6.

КОРЫТНЫЙ Л. М.

ПРОДАЖА АЛЯСКИ КАК КРУПНЕЙШАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

30 марта – одна из самых печальных дат в истории нашей страны. В этот день 145 лет назад был подписан договор о продаже Россией США территорий на американском континенте – на полуострове Аляска, Алеутских и других островах в северной части Тихого океана.

Эти суровые в природном отношении обширные пространства площадью более 1,5 млн км² были открыты российскими промышленниками еще в начале XVIII в. и затем за 100 с лишним лет с большими трудностями и жертвами освоены. В конце XVIII в. последователями Григория Шелихова была основана Российско-Американская компания, которая фактически управляла этими территориями, включая в первой половине XIX в. и владения на тихоокеанском побережье Северной Америки и даже на Гавайях. К русскому образу жизни было приучено местное алеутское и индейское население, в чем важную роль сыграла православная церковь. В истории Русской Америки значителен вклад иркутских купцов и мореплавателей.

История продажи русских владений в Северной Америке, в общем-то, хорошо известна, хотя исследования деталей еще про-

должаются. Главными причинами стали экономические проблемы (в России накопились долги, резко снизились доходы Российско-Американской компании, большие трудности там были со снабжением, сельским хозяйством и т. п.), а также сложности защиты заокеанских владений в случае нападения на них США и Англии. Первый «звоночек» прозвучал еще в 1841 г., когда русские покинули Форт Росс в Калифорнии, 200 лет со дня создания которого отмечается в этом году. В 1853 г. губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев предложил отказаться от Аляски, чтобы сосредоточить внимание и средства на более перспективных, с его точки зрения, территориях Приамурья. Но события двух войн – Крымской российско-англо-французской и гражданской в США, а также отмена крепостного права в России отодвинули решение этой проблемы.

К ней вернулись в 1866 г. по инициативе Великого князя Константина, брата Александра II. Историческое решение было принято 18 декабря на секретном заседании в МИД России на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, в котором участвовало 6 человек под руководством царя. Посланнику в США Э. Стекло было поручено предложить правительству США купить заокеанские российские территории за сумму не менее 5 млн долларов. Барон справился с этим заданием в рекордно быстрые сроки и даже перевыполнил его, поскольку итоговая сумма сделки составила 7,2 млн долларов. Для правительства США и президента Джонсона это предложение было неожиданным, но они быстро поняли всю его выгоду. Поздно вечером 30 марта Стекло получил разрешение на подпись документов на продажу от Александра II, и в ту же ночь документы были готовы, а к утру подписаны. В относительно короткое время документы прошли утверждение в законодательных органах США, и эта страна заняла богатейшую ресурсами территорию, а Россия в октябре 1867 г. навсегда ушла с американского континента.

Решение высшего руководства страны не сразу стало известно общественности и населению, поскольку долго держалось в секрете – реакция была предсказуемой. И действительно, впервые страна отдала завоеванные потом и кровью территории, причем добровольно. В трудном положении оказались Российско-Американская компания и особенно русское население Аляски – они были поставлены перед фактом, страна их бросила.

Считаем, что решение о продаже Аляски было крупнейшей ошибкой – и геополитической, и геоэкономической, и даже геоэкологической.

Геополитические последствия этого огромны: Россия потеряла возможность фактически главенствовать и в Арктике, и в северной части Тихого океана. Думается, что военные угрозы были явно преувеличены – США еще долго было не до единоличного владения Аляской; напротив, оно находилось в этот момент «на пике» самых доброжелательных отношений с Россией (помогшей северянам победить в гражданской войне) и вполне могло вступить с Россией в союз, противостоящий английской экспансии. Весь ход мировой политики и истории мог пойти по-другому.

Еще более ясны *геоэкономические* последствия. Уже в то время появились предположения о вероятном нахождении на Аляске золотых месторождений, и это не было тайной для царского правительства. Однако сумма сделки оказалась небольшой даже по меркам того времени: менее 5 долларов за 1 км² территории. Добавим, что в начале того же века Луизиана была приобретена у Наполеона за 15 млн долларов, а строительство единственного в то время трехэтажного здания окружного суда в Нью-Йорке обошлось дороже аляскинской продажи. Что уж говорить об открытых впоследствии на Аляске крупнейших нефтегазовых месторождениях, а также о ресурсах пресных вод, пушнины и рыбы – по интегральному природно-ресурсному потенциалу Аляска относится к богатейшим территориям не только США, но и мира. В итоге упущена огромная возможная выгода.

Есть еще один важный аспект. Относительно недавно ведущим российским специалистом по Русской Америке д-ром ист. наук А. Ю. Петровым были найдены архивные документы, дающие ответ на вопрос: куда пошли полученные за Аляску деньги? Оказывается, их основная часть пошла на строительство железнодорожной сети в Центральной России и приобретение для нее за рубежом движущего состава – своей техники у нас еще не производилось. Конечно, это совсем неплохое вложение полученного капитала. Однако восточным территориям, вложившим огромные людские и финансовые ресурсы в освоение Америки, ничего не досталось – достойное воплощение колониальной политики Центра по отношению к восточным территориям, которая, увы, продолжается и сегодня.

Что же касается *геоэкологических* последствий, то они не так заметны, хотя и не менее важны. Была, во-первых, потеряна воз-

возможность проведения единой природоохранной политики на северо-востоке Азии и северо-западе Америки – на территориях, имеющих много общего в геологическом, биотическом и в целом в ландшафтном отношении. Доказательством этого служат современные попытки создать здесь межгосударственный парк Берингию, который необходим как опорный полигон в Арктике и Субарктике. Одновременно, во-вторых, не были реализованы возможности использования богатейшего рекреационного потенциала, который успешно реализуется только в США. Наконец, в-третьих, нужно говорить и о потерях в экологии человека – прекращении уникального опыта взаимовыгодного взаимопроникновения культур – русской и аборигенной, основанных на единении с природой; даже спустя полтора века следы этого исторического общения заметны, в многом благодаря существованию Русской православной церкви на Аляске.

Таким образом, суммарные последствия решения о продаже Аляски весьма значительны, и ход развития востока России, да и всей страны мог быть совсем иным. Конечно, «сквозь даль времен» судить легче, для принятия ответственного решения были свои весомые аргументы, которые в тот момент перевесили; да и известно – история не терпит сослагательного наклонения. Однако извлечь из этой печальной истории уроки, особенно о последствиях «кулуарных» недостаточно взвешенных решений, тем более на фоне сегодня проталкиваемой определенными зарубежными и отечественными кругами концепции о целесообразности «сжатия восточного пространства России» – просто необходимо.

КОСАРЕВ В. Н.
КОСАРЕВА Л. В.
МАКОГОН И. В.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В области современного образования смена фундаментальных принципов является очевидной. Никогда не прекращавшиеся попытки реформировать образование свидетельствуют именно об этом, хотя в комментариях к кампаниям подобного рода традиционно используются щадящие формулировки целей и причин перестройки и модернизации – принято говорить о неуклонном совершенствовании образовательной системы, о необходимости ее модернизации и т. п. [1, с. 109–110].

Какими способами наше образование можно модернизировать, реформировать и превратить в реальный инновационный фактор развития общества? Какой тип юридического образования соответствует правовой культуре новой России? Насколько образовательные модели, применяемые в современной российской высшей школе, соответствуют потребностям развития национального правосознания? В ответах на эти вопросы и должна, как считает В. Н. Синюков, состоять правовая образовательная политика [16, с. 13–20]. К сожалению, в рамках нынешней реформы высшего профессионального образования так проблема не обсуждается. Общественная дискуссия идет в основном вокруг вопросов количества студентов, числа вузов, профильности и непрофильности субъектов образовательной деятельности. В связи с этим главной темой общественных дискуссий по реформе образования стал вопрос его качества (компетентности специалиста).

Думаем, в современных условиях развития нашего общества острой становится потребность в инициативной, деятельной и культурной личности, способной непрерывно пополнять запасы профессиональных знаний и умений, грамотно ставить цели своей деятельности и достигать их, творчески подходить к своему гражданскому делу. Поэтому инновационная система образования должна быть творческой, компетентной и наукоемкой, требующей смещения акцента в системе профессиональной подготовки с ориентирования не на профессию, а на приоритет ценности специалиста в профессии.

Проблемы современного образования как системы ретрансляции знаний вполне естественно сводятся к вопросу о компетентности преподавателей и руководителей в этой сфере. Однако нетрудно видеть, почему сложившаяся система оказывается непроницаемой для контроля над компетентностью. Для этого достаточно обратить внимание хотя бы на то, каким образом победа государственности над научностью меняет критерии фундаментальности и компетентности образования [2, с. 59–81; 4, с. 162–165]. Наука и образование превратились в бизнес.

Если даже компетентность какого-либо руководителя выражена не прямо в терминах его полномочий (вроде служебной обязанности управлять образованием и наукой), а косвенно (вроде требований к соискателю соответствующей должности), речь неизменно идет о предоставлении некоего комплекта документов. В результате перевода всех знаний на «более цивилизованный» язык удостоверений о знаниях создана такая ситуация, в

которой некомпетентность может достигать любого уровня, может быть абсолютно очевидной, но не может быть предметом обсуждения – т. е. недоказуема в рамках существующей образовательной системы. Истинная уникальность сложившейся системы современного образования состоит в том, что на территории этого заказника законы разума вообще не действуют [3, с. 23–25].

Надо полагать, что современное образование – область с непредсказуемыми реформами. Наивно было бы думать, что в столь питательной среде будут лишь смиренно трудиться истинные педагоги и просветители. Такова была традиционная (извечная) проблема народного образования. Но, добавив к традиционным извращениям высоких идеалов просвещения богатейшие возможности современной экономической практики (сделав образование поприщем бизнеса в стране: граждане которой только что были выпущены со строек коммунизма на бескрайние просторы свободного предпринимательства), мы получили несравненно более причудливую систему современного образования и ее устроителей [12, с. 17–20; 15, с. 5–9].

Практическое отсутствие в образовательной деятельности интеллектуальных мотиваций и скрытое присутствие административных интенций (образ власти на месте образа знания) является, по убеждению ученых, фактором столь же определяющим, сколь и неприкосновенным – неприемлемым для сложившейся современной традиции рассуждений на данную тему. При такой ущербности система современного образования становится проблемной и центром притяжения множества людских пороков и слабостей [16, с. 5–9].

При исследовании инновационных процессов в образовании, как считают ученые, следует очень аккуратно подходить к их оценке, не впадать в эйфорию от одного слова «инновация». Инновации могут быть как прогрессивными и полезными, так и изначально неуместными, реакционными, или проявить свои негативные качества сравнительно быстро, не говоря уже о том, что любая инновация рано или поздно как бы «выдыхается», теряет свою положительную функцию, хотя бывают и случаи и «варификации», когда не столько лучше, сколько иначе (по форме, названию и т. п.), и реинновации (возвращение к прошлому, как к лучшему). И примеров негативных инноваций не так уж мало. Очень резко оценивает многие так называемые инновации Ю. Г. Марченко [8, с. 10–12].

Инновации прямо-таки захлестнули школу. Учителей вогнали в «беличье колесо» лицензирования, приобретения категорий, «выгнали» из привычной школы в «образовательное пространство». У нас уж и Родины нет, вся она – механическая сумма «пространств» – политического, экономического, культурного, образовательного... Какое там у «реформаторов» на очереди? Патриотическое, консервативное и т. п.? Патриотический потенциал школы размывается в первую очередь. Сокращаются часы и злонамеренно искажаются в содержании дисциплины, формирующие мировоззрение учащихся, их духовный и нравственный облик. Это – русский язык, литература, история, математика. Основ искусств – практически как не было в школе, так и нет. Но уже и основы наук под угрозой. Инновации выдавливают, выжигают русское национальное и фундаментальное начало из образовательного «вещества» – учебников, пособий, методик, программ и стандартов, да и педагогов тоже [9, с. 46–47].

В рецензии на монографию А. И. Долговой М. П. Клейменов и В. С. Овчинский пишут: «Говорят, история нередко повторяется – в виде фарса. Таким фарсом следует признать исключение криминологии из системы обязательного высшего профессионального юридического образования. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 мая 2010 г. № 464 утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) бакалавр). В его базовую профессиональную часть не включена дисциплина «криминология» – наука об изучении и анализе преступности, ее причин, мерах предупреждения преступлений. Между тем в этом же документе сформулированы компетенции, которыми должен обладать выпускник и достижение которых возможно только при обязательном и полноценном изучении криминологии [10].

С большим скептицизмом относится ко многим начинаниям в инновационной политике и С. В. Кузьмин [7, с. 7–17]. Способность к изменениям, по мнению большинства специалистов, является в настоящее время решающим фактором развития, обеспечивающим конкурентоспособность того или иного образовательного учреждения. По данным социологических исследований более 90 % школ Российской Федерации охвачены в настоящее время поиском новых средств, методов и форм образовательной и воспитательной деятельности [11, с. 43–44]. Вместе с

тем качественный анализ показывает, что часто инновационные процессы разрознены, малоуправляемы, плохо продуманы и неподготовлены. Такого рода инновации напоминают «культурную» жизнь современного человека, в большей части алкогольную, наркотическую и сексуальную [16, с. 5–9].

Образование является главным механизмом воспроизводства общественного интеллекта, а в его структуре основную позицию занимает высшее образование как механизм воспроизводства образования в целом, науки и культуры. Но такое воспроизводство возможно лишь при качественном образовании. Качество образования трактуется как определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с современными целями и задачами [13, с. 17–21].

Эффективное управление качеством образования достигается, по мнению ученых, с помощью целевых комплексных программ, структурированных как единый программно-целевой комплекс [4, с. 162–165]. Принципиальное отличие программно-целевого комплекса от традиционной программы состоит в том, что он представляет собой систему программ, объединенных общей целью. Структура программно-целевого комплекса определяет место целевых программ, их приоритетность, порядок их взаимодействия в процессе обучения и управления качеством образования [5, с. 69–72].

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, освоение инноваций является не единовременным актом, а процессом поэтапного программно-целевого обеспечения инновационной деятельности в системе образования. При этом система образования, в которой осуществляется инновационная деятельность, должна приобрести новые формы, методы и средства организационно-управленческой деятельности. Эффективным средством реализации инновационной деятельности в сфере современного образования должна стать инновационная целевая комплексная программа.

Литература

1. Глушков В. Ф. О некоторых тенденциях реформирования в высшей школе / В. Ф. Глушков, Ю. В. Ануфриева // Проблемы общества и человека в XXI в. : Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 марта 2002 г. – Новосибирск, 2002. – С. 109–110.
2. Глазерсфельд Э. Фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2001. – № 4. – С. 59–81.

3. Егорычев А. М. Образование как основной фактор развития общества и человека // Проблемы общества и человека в XXI в. : Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 марта 2002 г. – Новосибирск, 2002. – С. 23–25.
4. Косарев В. Н. К вопросу о фундаментальности и компетентности юридического образования / В. Н. Косарев, Л. В. Косарева, И. В. Макогон // Воспитание толерантности в условиях образовательного процесса: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2011. – С. 162–165.
5. Косарев В. Н. Возможности интенсификации учебно-научно-воспитательного процесса на основе программно-целевого подхода / В. Н. Косарев, Л. В. Косарева // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 8. – С. 69–72.
6. Кулькин А. Наука и образование в опасности // Свободная мысль–XXI. – № 8(1558). – 2005. – С. 129–146.
7. Кузьмин С. В. Организация инновационной деятельности педагогического коллектива образовательного учреждения / С. В. Кузьмин. – Ярославль, 2001. – С. 7–17.
8. Марченко Ю. Г. Патриотическое воспитание в современной России: состояние, препятствия, реальные возможности // Патриотическое и гражданское воспитание молодежи в современной России. – Новосибирск, 2002. С. 10–12.
9. Околелов О. П. Современные технологии обучения в вузе: сущность, принципы проектирования, тенденции развития // Высшее образование в России. – 1994. – № 2. – С. 46–47.
10. Клейменов М. П. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность [Электронный ресурс] : рецензия / М. П. Клейменов, В. С. Овчинский. – URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/ nauka/855.html>.
11. Рубчевский К. В. Образование в современном мире // Филос. образования. – Новосибирск. – 2003. – № 7. – С. 43–44.
12. Современная картина мира. Формирование новой парадигмы : сб. статей / отв. ред.: Азроянц Э. А., Самохвалова В. И. – М., 1997. – С. 17–20.
13. Середа Е. В. Зачем нужна федеральная целевая программа правового просвещения и образования в области прав человека и методов их защиты? // Вестн. Уполномоченного по правам человека в РФ. – 2003. – № 2. – С. 17–21.
14. Смолин О. Н. Приоритеты образовательной политики: статус педагога, чистота эксперимента, здоровый консерватизм реформ // Философия образования. – Новосибирск. – 2003. – № 7. – С. 99–100.
15. Синоков В. Н. Юридическое образование и правовая культура // Правовая культура. – 2009. – № 1(6). – С. 13–20.
16. Тоффлер Э. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М., 1991. – С. 5–9.

СОЗДАНИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНЫХ ПАЛАТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ПАЛАТЫ)

В Судебных уставах 1864 г. закреплялось создание мировых судов, а также общих судов: окружных судов, судебных палат и Кассационных департаментов Правительствующего Сената. Судебные палаты проверяли по апелляции дела, рассмотренные окружными судами без участия присяжных, и рассматривали по первой инстанции дела о государственных и должностных преступлениях. Для проведения судебной реформы вся территория Российской империи была поделена на судебные округа, возглавляемые судебными палатами. В 1866 г. были открыты Санкт-Петербургская и Московская палаты [1, с. 203–208], в 1867 г. создана Харьковская палата [2, с. 400], в 1868 г. – Тифлисская [3, с. 1], в 1869 г. – Одесская [4, с. 242], а в 1870 г. – Казанская [5, с. 743]. Открытие Саратовской судебной палаты состоялось в 1871 г. [6, с. 3]. Затем в 1876 г. была создана Варшавская палата [7, л. 300]. С 1880 г. начала функционировать Киевская палата [6, с. 3], а с 1883 г. – Виленская [8, с. 8–9]. В 1897 г. была открыта Иркутская палата [9, с. 26–33]. Далее в 1899 г. – Омская [10, с. 16–44], в этом же году Ташкентская [11, с. 15–44]. Последней в 1904 г. была открыта Новочеркасская палата [12, с. 308–310]. Таким образом, в целом по России проведение судебной реформы и образование в ее рамках судебных палат к началу XX в. было завершено, создана система из 14 судебных округов, возглавляемых палатами. Территории округов со временем могли изменяться. Место палат в судебной системе было высоким, их образование позволило укрепить авторитет судебной власти.

Саратовская судебная палата заняла свое место в системе судов, возглавив Саратовский судебный округ. В состав округа вошли Саратовский, Самарский, Пензенский и Тамбовский окружные суды. Пространство округа по данным на 1884 г. составило 289 605,5 кв. версты [6, с. 3]. Для сравнения: площадь наибольшего по территории судебного округа – Иркутского – составляла 8 967 681,8 кв. верст [13, с. 1–10, 54–56], наименьшего – Варшавского – 111 960,6 кв. верст [6, с. 3]. По площади округ Саратовской палаты находился на восьмом месте, после округов Иркутской, Омской, Ташкентской, Казанской, Московской, Тифлисской и Харьковской судебных палат, еще меньшую территорию занимали окру-

га Новочеркасской, Санкт-Петербургской, Одесской, Киевской, Виленской и Варшавской палат [12, с. 308–310]. Таким образом, по площади округ Саратовской палаты являлся относительно небольшим.

На территории Саратовского судебного округа проживало 8 211 770 человек при плотности населения 28,7 жителей на квадратную версту [6, с. 3]. Для сравнения: на территории Московского округа проживало 16 296 505 человек, Иркутского – 2 359 514. По количеству населения округ Саратовской судебной палаты находился на пятом месте, после округов Московской, Харьковской, Казанской и Киевской палат. Меньшее число населения, чем в Саратовском округе, было, в порядке убывания, в Варшавском, Одесском, Тифлисском, Виленском, Новочеркасском, Ташкентском, Санкт-Петербургском, Омском и Иркутском округах [12, с. 308–310]. Таким образом, по числу населения округ Саратовской палаты являлся одним из крупных, плотность населения была высокой. Это отражалось на числе дел, поступавших в палату, и на нагрузке ее членов.

В соответствии с «Учреждением судебных установлений» судебные палаты возглавлял старший председатель, они состояли из департаментов – гражданских и уголовных, в каждом рассматривались соответствующие дела. По состоянию на 1884 г. Саратовская палата была небольшой и состояла всего из двух департаментов: гражданского и уголовного. Из двух департаментов состояли и Одесская, Казанская, Саратовская, Виленская [6, с. 3], а также Иркутская, Омская [14, с. 1–14] и Новочеркасская палаты [15, с. 15–47]. Ташкентская палата на департаменты не делилась [16, с. 15–47]. По 3 департамента было в Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Киевской и Тифлисской палатах. Самой крупной являлась Варшавская палата, состоявшая из 5 департаментов [6, с. 3]. С годами количество дел, поступавших на рассмотрение в судебные палаты, значительно повысилось. В связи с этим происходило укрупнение палат, увеличение числа их департаментов. По данным на 1894 г. Саратовская палата состояла уже из трех департаментов – 2 уголовных и гражданского [17, с. 15–38]. В 1906 г. число департаментов палаты снова увеличилось, с этого времени в ее составе функционировало 4 департамента – 2 гражданских и 2 уголовных [18, с. 15–46]. В других судебных палатах в связи с возрастанием нагрузки также происходило увеличение числа департаментов. К примеру, по состоянию на 1914 г. Варшавская и Санкт-Петербургская судебные палаты состояли

уже из 8 департаментов, Московская, Харьковская и Тифлисская – из 6, Киевская – из 5, Одесская – из 4, Казанская и Виленская – из 3. Неизменным осталось число департаментов только в Новочеркасской, Иркутской и Омской палатах, в Ташкентской палате было создано 2 департамента [19, с. 3].

Департаменты состояли из председателя и определенного штатами числа членов. Старший председатель палаты являлся по должности председателем одного из департаментов [20, с. 18]. При каждой палате состоял прокурор и определенное число его товарищей, секретарей и их помощников. Также в палатах устанавливались должности судебных приставов, рассыльных и канцелярских чиновников. В палатах имелись канцелярии, в которых работали секретари и их помощники, занимаясь ведением реестров, составлением протоколов, копий решений и т. д. [21, с. 30]. Число членов палат, должностных лиц прокуратуры и иных лиц, состоящих при палатах, зависело от ряда факторов, в том числе территории округа, количества населения, числа дел, рассматривавшихся палатой.

По данным на 1884 г. в Саратовской судебной палате работали: старший председатель палаты, председатель одного из его департаментов и 8 членов палаты (3 судьи в уголовном департаменте и 5 в гражданском). Таким образом, правосудие осуществляли 10 судей. Следует отметить, что в сравнении с другими палатами число судей Саратовской палаты было наименьшим, такое же их число было еще только в Виленской палате. Для сравнения: Варшавская палата состояла из 28 судей, Московская – из 24, Харьковская – из 18, Санкт-Петербургская – из 17, Киевская и Тифлисская – из 15, Одесская и Казанская – из 13 [6, с. 3]. С течением времени в связи с возрастанием числа дел, поступающих на рассмотрение судов, нагрузка членов палат существенно возрастала и возникала необходимость расширения их штатов. Исходя из этого, число членов Саратовской палаты постепенно увеличивалось. Так, в 1886 г. в палате было уже 11 судей [22, с. 1–27], к 1891 г. их число было увеличено до 13 [23, с. 1–35], к 1894 г. оно возросло до 18 [17, с. 15–38]. По данным на 1901 г. штаты членов палаты были увеличены еще на одну единицу [24, с. 1–44]. С 1906 г. в составе палаты было уже 23 судьи (старший председатель палаты, три председателя департаментов и 19 членов суда) [18, с. 15–46]. Со временем значительно увеличилось число членов и в других палатах. Так, к 1914 г. число судей Варшавской палаты достигло 48, Петроградской – 43, Московской и Тифлисской – 38,

Харьковской – 36, Киевской – 31, Одесской – 25, Виленской – 18, Казанской – 17, Иркутской – 10, Ташкентской – 8 [19, с. 3].

Число должностных лиц прокурорского надзора, состоявших при судебных палатах, также с годами возрастало, хотя и незначительно. Так, по данным на 1884 г. в Саратовской палате работали прокурор палаты, два его товарища и секретарь при прокуро-ре [6, с. 3]. С 1891 г. число товарищей прокурора было увеличено до трех [23, с. 1–35], а с 1894 г. в составе палаты работало уже 4 то-варища прокурора. Что касается числа секретарей при прокуро-ре, оно все годы оставалось неизменным, однако с 1891 г. добави-лась должность помощника секретаря при прокуро-ре палаты. В соответствии со штатами в Саратовской судебной палате работа-ли два судебных пристава [6, с. 3], с 1906 г. была добавлена одна единица, и в дальнейшем приставы осуществляли свои обязанно-сти в составе трех человек [18, с. 15–46]. Что касается секретарей палаты и их помощников, по данным на 1884 г. в канцелярии Са-ратовской палаты исполняли свои обязанности 2 секретаря и 5 их помощников. Однако в связи с постоянно увеличившимся коли-чеством дел их количество со временем тоже увеличивалось. Так, к 1914 г. в канцелярии палаты работало уже 4 секретаря и 11 их помощников [19, с. 3].

Помимо вышеуказанных лиц, в соответствии с «Учрежде-ниями Судебных установлений» в редакции закона от 24 декабря 1891 г., при судебных палатах состояли старшие и младшие кан-дидаты на судебные должности [25, с. 58–63]. Целью института являлась подготовка грамотных судей в результате прохождения кандидатами стажировки в судебном ведомстве [26, с. 12–15]. При Саратовской палате практически весь период ее деятельности состояли кандидаты, их число в разные годы было различным. Так, если по данным на 1891 г. при палате состояло всего 3 канди-дата [23, с. 1–35], то в 1914 г. их было уже 38 (25 старших и 13 младших) [19, с. 3].

Таким образом, Саратовская судебная палата была открыта в 1871 г. в рамках проведения в Российской империи судебной ре-формы. Палата возглавила Саратовский судебный округ, ее от-крытие стало важным этапом на пути укрепления судебной вла-сти на соответствующей территории. По занимаемой площади округ палаты являлся небольшим, однако по числу населения он был одним из крупных, что отражалось на ежегодно возраставшем числе дел, поступавших в палату. В связи с этим постепенно уве-личивалось число членов палаты, а также других ее служащих.

Литература

1. Открытие новых судебных установлений в Санкт-Петербурге и Москве // Журн. М-ва юстиции. – 1866. – № 4. – С. 203–208.
2. Харьковские губернские ведомости. – 1867. – № 90 (18 нояб.).
3. Кавказ: газета политическая и литературная. – 1868. – № 3. (7 (19) янв.).
4. Одесский вестник. – 1869. – № 73. (3 апр.).
5. Казанские губернские ведомости. – 1870. – № 88. (11 нояб.).
6. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 1. Сведения о личном составе и деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра II за 1884 и 1885 годы, с картою судебных округов Европейской России и Кавказского края. – СПб., 1887.
7. ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2034.
8. Виленские губернские ведомости. – 1883. – № 89 (26 нояб.).
9. Курас Л. В. История Иркутской судебной палаты (1897–февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Шербаков. – Улан-Удэ : Издат.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 254 с.
10. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 16. Сведения о личном составе судебных установлений Азиатской России за 1900 год. – СПб., 1901.
11. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 17. Ч. 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1901 год. – СПб., 1902. – С. 15–44.
12. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2011. – № 10. – С. 308–312.
13. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 12. Сведения о личном составе судебных установлений Европейской России, Кавказского края, Сибири и Туркестана и деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра II и коммерческих судов за 1896 год. – СПб., 1897.
14. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 15. Ч. 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1899 год. Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – СПб., 1902.
15. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 20. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1904 год. – Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – СПб., 1906.
16. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 15. Ч. 2.
17. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 10. Сведения о личном составе судебных установлений Европейской России, Кавказского края, Сибири и Туркестана и деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра II и коммерческих судов за 1894 год. – СПб., 1896.
18. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 22. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1906 год. Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – СПб., 1907.
19. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 30. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1914 год. Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – Пг., 1916.

20. Судебная летопись. – 1914. – № 77. – С. 15–19.
21. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. – 2-е изд. – СПб., 1867.
22. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 2. Сведения о личном составе судебных установлений Европейской России и Кавказского края и деятельности судебных установлений, образованных по Устам Императора Александра II за 1886 год. – СПб., 1887.
23. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 7. Сведения о личном составе судебных установлений Европейской России, Кавказского края, Сибири и Туркестана и деятельности судебных установлений, образованных по Устам Императора Александра II и коммерческих судов за 1891 год. – СПб., 1892.
24. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 17. Ч. 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1901 год. Издание Первого Департамента Министерства юстиции по 3-му Делопроизводству статистического отделения. – СПб., 1902.
25. Курас Т. Л. Кандидаты на должности по судебному ведомству при судебных палатах Российской империи: общая характеристика, правовое положение // Вестн. Бурятс.ю гос. ун-та. – 2010. – № 7. – С. 58–63.
26. Ильина Т. Н. Организационно-правовые основы подготовки кадрового резерва для системы правосудия в России в 1864–1917 гг. (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Ильина. – М., 2011. – 26 с.

ЛЕУСЕНКО Д. А.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПОСЛАНИИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Послание Совету Народных Комиссаров в связи с первой годовщиной Октябрьской революции (13/26 октября 1918 г.) в ряду посланий Святейшего Патриарха Тихона занимает особое место. Ранее, до этого послания, Патриарх Тихон обращался к русскому народу при вступлении на патриарший престол 18 (31) декабря 1917 г. Затем, перед открытием второй сессии Поместного Собора, он пишет так называемое «послание с анафемой» [2]. Рассматриваемое нами послание характеризует содержание политической власти большевиков. С другой стороны, в послании есть элементы предвидения, оно написано к юбилею октябрьского переворота («революции» – в послании), т. е. содержит оценку новой власти относительно будущего духовного и политического развития России. Постараемся более подробно осветить эти две темы послания Патриарха.

Рассматривая политическую составляющую послания, следует отметить, что в самом начале послания, очерчивая его временные и содержательные рамки («Целый год держите вы в руках

своихъ государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революціи, но реками пролитая кровь братьевъ нашихъ, безжалостно убитыхъ по вашему призыву, вопіетъ къ небу и вынуждаетъ насъ сказать вамъ горькое слово правды» [1]), Патриархъ даетъ нравственную и одновременно политическую оценку темъ договоренностямъ, которые были достигнуты между властью большевиковъ и народомъ («Захватывая власть и призывая народъ довериться вамъ, какія обѣщанія давали вы ему и какъ исполнили эти обещанія?»), отмечает лицемеріе и лживость политики большевиковъ по отношению къ народу на примере одного изъ самыхъ значительныхъ политическихъ событій того времени – заключенія Брестскаго мира 3 марта 1918 г.

Первая часть посланія (до «Не Россіи нужень быть заключенный вами позорный миръ съ внѣшнимъ врагомъ, а вамъ задумавшимъ окончательно разрушить внутренній миръ») казалось бы, посвящена политическимъ событіямъ, политическимъ принципамъ и лозунгамъ большевизма, однако на самомъ деле содержитъ, какъ уже указывалось, нравственную оценку пастыремъ новаго режима. Данная часть посланія способствуетъ осознанію содержания третьей части посланія, въ которой пастырь говоритъ объ истинныхъ, настоящихъ целяхъ политики (отъ «Великое благо – свобода»). Дело въ томъ, что, соблюдая общее содержаніе черезъ стиль посланія (обличеніе новой власти), Патриархъ не говоритъ о принципахъ истинной государственной политики. Это сделало бы необходимымъ обращеніе къ историческому прошлому Россіи, а, следовательно, требовало бы отъ автора обращенія къ темѣ монархической власти, упоминаніе о которой могло способствовать обвиненію Патриарха въ содѣйствіи монархистамъ. Онъ рассматриваетъ эти принципы какъ бы отрицательно, критикуя принципы новой власти. Поэтому очень важна первая часть посланія.

Обратимъ вниманіе, что эта часть посланія содержитъ указаніе на то, что режимъ не законенъ, не легитименъ. Во-первыхъ, это власть, которая действуетъ противоестественно съ точки зренія любой другой законной власти, соглашаясь на инонаціональное завоеваніе, и Патриархъ указываетъ на лживость, неистинность, съ точки зренія первоначальныхъ завереній, условій Брестскаго мира («Вмѣсто аннексій и контрибуцій, великая наша родина завоевана, умалена, расчленена»). Во-вторыхъ, онъ пишетъ о тайномъ вывозѣ золота, «не вами накопленнаго», т. е. темъ самымъ указываетъ на незаконность режима.

Далее он пишет о том, что подобная политика приводит к деградации стержня русского государства – русской армии. Интерес представляет следующее высказывание Патриарха, которое содержит элемент полемики с принципами марксизма: «Отечество вы подм[ен]или бездушнымъ интернаціоналомъ, хотя сами отлично знаете, что, когда д[ело] касается защиты отечества, пролетаріи всехъ странъ являются верными его сынами, а не предателямъ». Речь идет о том, что II Коммунистический Интернационал действительно прекратил свое существование с началом Первой мировой войны, так как его руководители выразили желание помочь в войне своим правительствам и даже, как французские социалисты, вступили в их состав. Косвенно тем самым указывалось, что только большевики желали поражения своему национальному правительству.

Другой элемент полемики с принципами новой власти в послании Патриарха Тихона («Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью, и, вместо мира, искусно разожгли классовую вражду») характеризует судьбу марксизма в России, который превратился в псевдорелигию для партийной номенклатуры и представителей новой власти. Одновременно, не утверждая напрямую, Патриарх Тихон указывает истинные цели этой, по сути, демонической политики. («И не предвидится конца порожденной вами войн[ой], такъ вы стремитесь руками русскихъ рабочихъ и крестьянъ доставить торжество призраку міровой революціи»). Конечно, он знает о первоначальных словах «Манифеста Коммунистической партии», произведении К. Маркса и Ф. Энгельса, которое получило известность в Европе и в результате широкой агитации в предреволюционный период было хорошо известно в России. Но, в таком контексте и в рамках содержания послания пастыря, подобное упоминание в краткой форме однозначно характеризует и завуалированные истоки этой политики. Памятуя о содержании третьей части послания, где в отрицательной форме, на фоне критики политики новой власти, Патриарх рассказывает о принципах истинной политики и истинной власти, он, завершая первую часть, в сравнении с целями марксистов показывает, что целями истинной политики государственной власти является нравственность и доброта, либо, в условиях неистинной политики, безнравственность, разжигание людской злобы и уничтожение народа.

Вторая часть послания также обличает власть, она увязана с первой частью и содержанием Брестского мира («Не Россіи ну-

женъ быть заключенный вами позорный миръ съ внешнимъ врагомъ, а вамъ задумавшимъ окончательно разрушить внутренній миръ»), но содержит в себе и анализ власти применительно к внутреннему положению в стране и социальному миру. Он указывает: «С н а ч а л а подь именемъ “буржуевъ”, грабили людей состоятельныхъ, потомъ, подь именемъ “кулаковъ” стали уже грабить и болѣе зажиточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ». Выделяя слово «сначала» он показывает, не называя напрямую, спусковой механизм политики большевиков, которым удалось обмануть народ лозунгами экспроприации богатых. Одновременно Патриарх показывает результаты этой политики, которая обернулась величайшим бедствием для страны. При этом, рассказывая о надругательствах, совершенных в отношении Церкви и ее священнослужителей, он говорит об этом как о нарушении социального строя русского народа.

В начале третьей части послания, которая, как уже отмечалось, тесно связана с остальными частями, пастырь вновь полемизирует с принципами новой власти, а в ее преддверии, в завершении второй части, звучит новая тема – предостережения кары за совершенные злодеяния и обманы народа. Учитывая, что это послание следует после послания, в котором Патриарх анафематствовал тех, кто причислял себя к православной среде, но приветствовал новую власть, был обманут ею, в данном случае он напрямую обращается к политической верхушке власти. Он указывает, что «какими бы названіями не прикрывались злодеянія, – убійство, насиліе, грабежъ всегда останутся тяжкими и вопіющими къ Небу объ отомщеніи грехами и преступленіями», т. е. пишет не только о тех, кто совершает эти преступления, но и об их организаторах, которые прикрывают их новыми революционными лозунгами.

Третья часть начинается с упоминания о свободе как великом благе, т. е. можно предположить, что речь идет о другом широко известном революционном лозунге прошлого – «Свобода! Равенство! Братство» времен Французской революции XVIII в., но Патриарх указывает истинное содержание свободы. «Великое благо – свобода, если она правильно понимается, какъ свобода отъ зла не стесняющая другихъ, не переходящая въ произволъ и своеволие» – пишет патриарх Тихон, определяя ее содержание на многие десятилетия. Это определение представляется очень актуальным и в современной России. Одновременно в тексте мы видим твердое указание Патриарха как учителя, пастыря. Патриарх, не упоми-

ная о содержании своего положения и своей миссии, обращаясь к безбожникам, напрямую говорит с лидерами большевизма и предостерегает их («Ныне же къ вамъ, употребляющимъ власть на преследованіе ближнихъ и истребленіе невинныхъ, простираемъ Мы наше слово увещанія...»), этим предостережением послание и оканчивается: «А иначе взыщется отъ васъ всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук. 11, 51) и отъ меча погибнете сами вы, взявшіе мечъ (Матф. 26, 52)»). Далее он указывает индифферентно истинные цели государственной политики, как уже отмечалось, в отрицательной форме, критикуя действующую власть. Более того, он указывает на истинное понимание светской власти и отношение к ней со стороны церковных властей. Поклонение власти как поклонение Богу является важной составляющей православного отношения к власти (1 Петр 2. 13–14). Если мы не подчиняемся властям, даже если власть не оправдывает ожидания православных, то мы нарушаем заповеди Господа и принципы, изложенные в апостольских посланиях, потому что мы действуем на основе своеволия. Однако если власть мешает подчиняться Богу, в Деяниях сказано, что такой власти нельзя повиноваться (Деян. 4.19.)

Рассматривая значение данного послания, следует обратить внимание еще на несколько его аспектов, характеризующих замысел автора в целом. Учитывая последующие события и послания Патриарха после освобождения от заточения, в данном послании Патриарх Тихон характеризует безбожную власть и обличает ее злодеяния. Вместе с тем, закладывая основания для понимания верующими конкретных событий и роли власти в организации бесчеловечной, антинародной и антицерковной политики, пастырь формирует принципы для последующих отношений с властью; предупреждая политическое руководство большевиков, он раскрывает истинное содержание их политики и истинное содержание государственной власти.

Литература

1. Посланіе Святѣйшаго Патріарха Тихона // Православный приходской листокъ. Изданіе русскаго Свято-Николаевскаго Каѳедрального собора въ Нью-Йоркѣ. – 1919. – № 9. – 4 с. То же [Электронный ресурс]. – URL:http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.t.tychon01_021
2. Митрофанов Г., пр. Первые послания Патриарха Тихона [Электронный ресурс] // История русской православной церкви (1900–1927). – URL: http://ricolor.org/history/ka/period/4/mitrofanov_book/20/

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Возрождение российского общества, как показывает мировой и отечественный опыт, немыслимо без возрождения российского высшего образования: слабое высшее образование дает убогий правящий слой, а он в силу своей убогости не может реформировать высшее образование. Как разорвать этот заколдованный круг? Одно из направлений деятельности, на наш взгляд, – сохранение и укрепление классических университетов, а в университетах – больше внимания уделять развитию гуманитарных наук. При этом развитие может идти не только и не столько за счет увеличения количества студентов-гуманитариев, сколько за счет повышения качества их подготовки. А повышение качества подготовки можно достичь за счет привлечения студентов к научно-исследовательской работе.

Одним из основных принципов обучения в классическом университете является обучение через исследования. Именно научная деятельность студентов выгодно отличает Иркутский государственный университет, являющийся исторически сложившимся центром вузовской подготовки, славящийся своими научными школами и успехами в научно-исследовательской работе студентов. Под руководством преподавателей университета студенты активно участвуют в работе проблемных научно-исследовательских групп и лабораторий, в конкурсах грантов, демонстрируют полученные в университете знания в различных мероприятиях НИРС.

Последнее время, несмотря на сокращение набора на гуманитарные специальности (примерно на 20 %), в университете большое внимание уделяется развитию гуманитарных исследований и привлечению к ним студентов. Этому способствует то, что с 2006/2007 учебного года студенты гуманитарных направлений подготовки участвуют в конкурсе на получение грантов фонда «Оксфорд – Россия». Ежегодно эксперты фонда отбирают 180 наиболее достойных.

Основная деятельность «Оксфордского российского фонда» направлена на развитие гуманитарного образования в России. Почему? Очевидно, что роль, которую играют в современном мире специалисты гуманитарных областей знания, стремительно возрастает, в то время как большая часть международных фондов и грантодающих организаций по-прежнему ориентируется на сферу естественных наук и бизнес-исследований.

Основные задачи Фонда: поддержка студентов и преподавателей лучших российских университетов и проведение совместных мероприятий, способствующих налаживанию плодотворного сотрудничества российских и британских образовательных центров. «Оксфордский российский фонд» также содействует распространению и внедрению современных образовательных инициатив и инноваций, перспективных для развития российского образования.

В настоящее время «Оксфордский российский фонд» осуществляет несколько благотворительных программ: стипендиальная программа для студентов дневных отделений российских университетов; проект «Книги для университетской библиотеки»; «Электронная библиотека»; летние и зимние студенческие школы; семинары по английской филологии; поддержка российских и международных научных и образовательных конференций.

Ключевым проектом «Оксфордского российского фонда» является стипендиальная программа для студентов гуманитарных факультетов классических (академических) университетов, которая стартовала в сентябре 2005 г. В настоящее время проект реализуется в двадцати университетах различных регионов Российской Федерации, в том числе и с 2006 г. в Иркутском государственном университете. Кандидатуры на стипендии отбираются при участии университетов и экспертного сообщества.

Стипендии выплачиваются студентам 3–6-х курсов ежемесячно в течение учебного года (10 календарных месяцев) при условии подтверждения высокой успеваемости, а также научной и общественной активности.

Студенты ИГУ достаточно активны при подаче заявок: ежегодно 11–17 % студентов, обучающихся на гуманитарных факультетах, участвуют в конкурсе. Так, в 2007–2008 гг. на конкурс было подано 228 заявок (из 2 073 студентов, обучавшихся на 3–5-х курсах); в 2008–2009 гг. – 328 (из 1 973); в 2009–2010 гг. – 271 (из 1 839); в 2010–2011 гг. – 231 (из 1 697). Среди студентов, подающих заявки, большинство – отличники, практически все к моменту

оформления заявки определяются с выбором темы научных исследований, активно участвуют в социально-культурной и спортивной жизни факультета, университета, города, занимаются общественно-полезной деятельностью. Деканаты не оказывают никакого давления на процесс отбора кандидатов. Участие деканата заключается в назначении куратора программы на факультете и заслушивании результатов этой работы два раза в год на планерках и ученых советах факультетов (институтов). Кураторы факультетов и координатор программы осуществляют текущее консультирование студентов в процессе написания заявки. Кафедры в разной степени участвуют в данной работе, чаще всего это работа конкретных руководителей и мера их желания помочь своим студентам.

Эффективность проводимой ОРФ стипендиальной программы велика – она позволила студентам не отвлекаться от учебного процесса и научной деятельности (для «зарабатывания» средств), а сосредоточиться на учебе и научных исследованиях, принимать участие в конференциях и школах, проводимых далеко за пределами региона. Резко повысилась эффективность научно-исследовательской деятельности стипендиатов фонда по сравнению со среднестатистическими данными университета (табл. 1).

Таблица 1

Качественные показатели работы стипендиатов

Направление	Кол-во докладов и публикаций					
	Доклады на конференциях			Публикации		
	2007–2008 гг.	2008–2009 гг.	2009–2010 гг.	2007–2008 гг.	2008–2009 гг.	2009–2010 гг.
Право	10	146	57	11	72	37
Кол-во стипендиатов	70	111	68	70	111	68
История	34	165	54	20	85	28
Кол-во стипендиатов	36	52	21	36	52	21
Психология	22	55	32	44	65	39
Кол-во стипендиатов	27	26	21	27	26	21
Социология, политика	8	35	34	15	38	93
Кол-во стипендиатов	32	51	36	32	51	36
Филология	10	40	11	5	35	10
Кол-во стипендиатов	19	21	12	19	21	12
Экономика	11	31	18	11	25	21
Кол-во стипендиатов	11	19	21	11	19	21

Анализ приведенной таблицы показывает несомненный рост количества публикаций на одного студента-стипендиата, изменение отношения стипендиатов к конференциям и университетским проектам. Рост наблюдается на всех направлениях программы, но в разной степени для разных специальностей. Наибольшее количество публикаций на студента-стипендиата – среди выпускников исторического факультета, факультета психологии, факультета филологии и журналистики. Заметно активизировались юристы.

Таблица 2

Качественные показатели работы стипендиатов за 2010–2011 гг.

Направление	Кол-во публикаций							
	Доклады на конференциях				Публикации			
	Всего	2010–2011 гг.			Всего	2010–2011 гг.		
		Межд.	Рос.	Регион.		Межд.	Рос.	Регион.
Право (82 стипендиата)	130	93	19	18	177	86	21	70
История (15 стипендиатов)	37	14	8	15	33	5	6	22
Психология (20 стипендиатов)	12	1	11	-	19	1	1	17
Социология, политика (50 стипендиатов)	52	10	25	17	88	22	44	22
Филология (5 стипендиатов)	4	-	-	4	7	-	1	6
Экономика (1 стипендиат)	-	-	-	-	-	-	-	-
ИТОГО (172 стипендиата)	235	118	63	54	324	114	73	137

Анализ табл. 2 показывает несомненный рост количества публикаций студентов (2009/10 гг. – 206 докладов и 228 публикаций, 2010/11 гг. – 235 докладов и 324 публикации). Средние показатели результативности научно-исследовательской работы студентов ИГУ: 0,15 доклада на одного студента ИГУ, занимающегося научными исследованиями, среди стипендиатов ОРФ – 1,4 доклада на одного стипендиата; 0,12 статьи на 1 студента ИГУ, занимающегося научными исследованиями, среди стипендиатов ОРФ – 1,9 статьи на одного студента.

Повысился уровень представления результатов студенческих исследований: большинство докладов сделаны на международных и всероссийских конференциях и опубликованы в международных и центральных цитируемых изданиях.

Ежегодно стипендиаты (1–3 студента ИГУ) участвуют в летних и зимних школах, проводимых фондом «Оксфорд – Россия» по разным направлениям:

2007 г.: Пятая Московская летняя социологическая школа «Молодежь и новая российская действительность» (1 студент), летняя школа «Концепции безопасности личности и человеческого развития и проблемы международной и региональной безопасности», г. Владивосток (1 студент).

2008 г.: летняя школа «Развитие творческих индустрий: стратегии и практики» (1 студент), школа «Архитектура психологии: плюрализм и единство» (3 студента).

2009 г.: летняя школа «Творческие индустрии и современное гуманитарное знание как ресурс развития территорий», Москва, Ясная Поляна (3 студента).

2011 г.: зимняя школа «Археология текста в пространстве классической текстологии и вне ее пределов», Южный федеральный университет, г. Сочи (2 студента). Летняя школа «Творческие индустрии и креативная экономика: научно-практические междисциплинарные исследования и проектная деятельность», агентство «Творческие индустрии», г. Москва (1 студент). Летняя школа «Развитие человека: экономический и философский аспекты», «Фонд содействия развитию экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова», г. Москва (1 студент).

Участие студентов в работе школ – важный фактор дополнительной подготовки специалиста-гуманитария. Студенту необходимо проявить себя на этапе формирования состава участников школы, представив интересную заявку-эссе, затем, став участником школы, в полной мере использовать представленную возможность для расширения знаний и кругозора в рамках обсуждаемой проблемы. Школы, как правило, проходят на высоком уровне организации и научного, методического и методологического обеспечения; проводятся в рамках насыщенного графика. Студенты заняты с утра до вечера, принимая участие в лекциях, пленарных заседаниях, в работе секций с обсуждением различных тем; мастер-классов, тренингов, где участникам предоставляется возможность не только обсудить конкретные темы, но и попробовать себя в практической деятельности. Помимо формальной части участники школ получают обилие неформального общения со своими коллегами – студентами и преподавателями. В результате студенты приобретают знания, касающиеся новых направлений научных исследований, часто школа становится импульсом для выбора новой темы научной работы.

Поскольку важными условиями получения стипендии ОРФ является отличная и хорошая учеба, участие в научно-

исследовательской работе, общественной жизни, все это стимулирует студентов-гуманитариев иметь высокую академическую успеваемость, хорошие результаты научной работы и проявлять гражданскую активность. В результате стипендиаты-оксфордцы являются успешными выпускниками университета, имеющими возможность рассчитывать на дальнейшую успешную карьеру, чему есть достаточно подтверждений. Так, участие в программе способствовало формированию мотивации у стипендиатов к продолжению научных исследований после окончания университета: аспирантура МГУ (Дубровина А.); аспирантура ИГУ (Иванов К., Кружалина Н., Козлова Е., Багрий Е., Минарченко И., Истомин Д., Боржонов Е. и др.); аспирантура Новосибирского университета (Зуляр Р.); аспирантура ИрГТУ (Полканова Ю.); магистратура Оксфордского университета (Имайкина К.); магистратура Высшей школы экономики (Василевич А., Ермаков А., Захарова Е.); магистратура Карлова университета (Прага) (Лялина Е.); магистратура Европейского университета в Санкт-Петербурге (Агафонов Ю.) и др.

Таким образом, научно-исследовательская работа студентов является одним из важнейших средств современной модернизации образовательного пространства в ИГУ, повышения качества подготовки специалистов с высшим образованием, способных творчески применять в практической деятельности знания, полученные в процессе обучения, следовательно, быстро адаптироваться к современным условиям развития.

НЕЧАЕВ С. В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ РОССИЙСКОГО И ИРКУТСКОГО ЛАУН-ТЕННИСНОГО ДВИЖЕНИЯ

Интерес к различным аспектам истории нашей страны увеличивается из года в год. И это неслучайно. Конец XIX – начало XX в. в истории России стали периодом глобального реформирования всех сфер общественной жизни российского общества. Именно в это время население России пыталось приобщиться к западно-европейской системе мировосприятия. Стремительное развитие экономики, капитализация всех сторон жизнедеятельности вызвали появление новых увлечений для зажиточной и образованной публики, среди которых был и спорт.

Естественно, что предпосылкой к возникновению в России спортивного движения явилось наличие глубоких исторических традиций в развитии спорта, заложенных еще в древности.

Рост общего культурного уровня способствовал быстрому развитию спорта. Этот процесс был характерен не только для центральных районов страны, но и для окраинных территорий, таких как Прибайкалье.

Одним из примечательных явлений отечественного спортивного движения стал лаун-теннис.

Пионером лаун-тенниса в России можно по праву считать Л. Н. Толстого. «Так, посетители Ясной Поляны, – писал журнал “Русский Спорт”, – нередко заставляли Льва Николаевича в кругу своей семьи и неразлучного своего друга Черткова за игрой в лаун-теннис. И, несмотря на свои старческие годы, Лев Николаевич был весьма недурным игроком» [1]. Толстой, как известно, первым из русских писателей упомянул своих героев за игрой в лаун-теннис (роман «Анна Каренина»). Вначале роман печатался частями в журнале «Русский вестник». Затем, в 1878 г., вышел в свет отдельным изданием. Данный факт есть доказательство того, что в некоторых помещичьих усадьбах в окрестностях Петербурга и в Центральной России в лаун-теннис играли задолго до выхода романа в свет.

Надо сказать, что интерес к игре в лаун-теннис стремительно возрос. Со временем внимание к лаун-теннису стали проявлять периодические издания. Одним из ранних свидетельств этого может служить статья «Английская игра в мяч на лузу (lawn-tennis)», опубликованная популярным журналом «Нива». В данной статье содержатся сведения об игре и приведены рисунки с расстановкой партнеров в парной игре. Тем не менее, анализируя события прошлых лет в истории возникновения и развития российского лаун-тенниса, следует заметить, что теннисное движение развивалось точно. Лаун-теннис с 1875 по 1908 г. носил сугубо клубный характер.

Первоначальную прописку лаун-теннис получил в Петербурге, где основным центром развития теннисной волны стал «Санкт-Петербургский крикет-клуб». Основанный в 1860 г., клуб функционировал как небольшой частный кружок игры в крикет и объединял состоятельных англичан, сотрудников Посольства Англии в России во главе с самим послом. По милости Великого князя Михаила клубу дано было право пользоваться плацем Первого кадетского корпуса.

А какова же точная дата рождения лаун-тенниса в России? Распространено мнение, что это произошло в 1878 г. Оно опирается на следующее свидетельство: «...8 августа 1878 г. в Петербурге состоялась первая “Теннисная ярмарка” для почтенной публики с демонстрацией новой игры... На представительном банкете, завершившем ярмарку, был принят “Манифест о всемерном развитии лаун-тенниса в России”. В этом манифесте день 28 августа 1878 г. был объявлен днем рождения тенниса в России». Однако датой появления отечественного тенниса принято считать, согласно Григорианскому календарю, 12 июня 1875 г. Именно тогда 18-летний Великий князь Сергей Александрович оказался не только пионером, но и первым летописцем отечественного тенниса. Именно он сделал эту историческую для нас дневниковую запись от 31 мая 1875 г.: «В теннис на траве играем для тренировки с братьями...» [2, с. 17].

В то время царская семья и английский престол, будучи родственниками, состояли в тесных отношениях, поэтому Великий князь вполне мог приобрести первые комплекты теннисного инвентаря. Подтверждением этой гипотезы стала запись в архивном наследии Уингфилда («отца» мирового тенниса): «Комплекты теннисного инвентаря были проданы русскому царскому двору и, конечно, Принцу Уэльскому, принцессе Германии, барону А. Ротшильду, светлейшим князьям Волконскому и Барятинскому, а также многим другим, включая 42 лорда, 44 леди и членам английского Парламента...» (1874 г.) [3, с. 17].

А играли в теннис последним весенним днем 1875 г. Великий князь и его трое старших братьев – Алексей, Владимир и Александр, в знаменитом Александровском парке Царского Села, ныне известного как город Пушкин. Сергею тогда было всего 18 лет, Алексею – 25, Владимиру – 28 и самому старшему из них, будущему императору Александру III – 30 лет. Они и стали первыми теннисистами-любителями в России [4, с. 18].

Как известно, 1875 г. официально признан Международной федерацией тенниса (ИТФ) годом рождения мирового тенниса. Именно в этот год окончательно сложились правила игры в теннис, изобретенные майором Уингфилдом, и игра получила свое признание не только в Англии, но и за ее пределами. Таким образом, российский теннис стоял у самой колыбели мирового тенниса.

Иркутское теннисное движение появилось значительно позднее. Несмотря на то, что Иркутск был одним из центров Сибири и все новое здесь внедрялось быстро, возникновение и раз-

витие теннисного спортивного движения пришлось только на 1913 г. Первые упоминания об иркутском теннисе содержится в «Летописи г. Иркутска» Н. С. Романова, где указано, что «25 мая 1913 года образовался кружок лиц для игры в лаун-теннис, для чего было арендовано место близ музея» [5, с. 180].

Кроме того, в «Иркутской летописи» Ю. Р. Колмакова есть запись от 1916 г.: «21 и 23 июля в спортивном кружке “Ласточка” состоялись розыгрыши первенства в лаун-теннисе. В результате борьбы 1-е место занял Михалкин (6 очков), 2-е место – Дерябин (4 очка)» [6, с. 303].

Возникает вопрос: а кто открыл удивительный мир тенниса в Прибайкалье? Кто выступил инициатором и пионером теннисного движения того времени?

Многие виды спорта в России развивались благодаря энтузиастам. Первые самостоятельные теннисные клубы объединяли представителей аристократии, дворянства и крупной буржуазии. Они были местом деловых встреч и отдыха верхушки русского общества. Характерно, что у истоков иркутского тенниса стояли датчане.

Как известно, в дореволюционном Иркутске существовала широкая сеть иностранных дипломатов. Одними из первых в нашей местности обосновались именно датские дипломаты.

Их пребывание здесь было связано с необходимостью проведения телеграфного сообщения из Китая в Западную Европу. Телеграфная линия проходила через Иркутск, поэтому датчане построили телеграфную эксплуатационную линию.

Как вспоминает Н. Могилев: «Датчане для себя выстроили теннисный корт, который сейчас существует напротив административного корпуса Иркутского госуниверситета. Каждый день датчане играли на корте в большой теннис. А так как для Сибири этот вид спорта был в диковинку, то купить ракетки было негде, и они сдавали их в починку моему дяде – Погодаеву Николаю Ивановичу, мастеру на все руки» [7].

И действительно, иркутским центром тенниса стали корты возле Краеведческого музея. В 1851 г. Императорское Русское географическое общество открыло в Иркутске свой первый филиальный отдел, который, в свою очередь, стал первым научно-исследовательским учреждением за Уралом.

Поэтому первые теннисные корты в дореволюционный период принадлежали именно Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества.

В годы империалистической войны правительство России пыталось использовать физическую культуру и спорт для допризывной подготовки молодежи, ориентируясь на опыт других стран. В декабре 1915 г. вышло Высочайше утвержденное «Положение о мобилизации спорта», в котором отмечалось, что мобилизация спорта имеет целью организацию на время настоящей войны допризывной подготовки лиц, подлежащих приему в войска».

Предполагалось создать сеть военно-спортивных комитетов при спортивных обществах и учебных заведениях. Однако развернуть допризывную подготовку не удалось, и теннис был отодвинут еще в большую сторону.

Таким образом, шанс обрести стройную, упорядоченную систему организации развития тенниса в Прибайкалье так и не был использован.

Кроме того, теннис не вызывал ажиотажа и повышенного интереса у иркутян ввиду отсутствия теннисного инвентаря, недостаточного знания правил игры, слабой технической подготовки, принадлежности только к летнему сезону, так как закрытых теннисных площадок не было. Участие рядовых граждан в спортивной жизни Иркутска ограничивалось традиционными формами организации спортивно-массовых мероприятий. Теннис был игрой для ограниченного круга лиц, поэтому долгое время оставался игрой камерной.

Примечания

1. Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России. М., 2000.
2. Фоменко Б. И. Как зародился теннис в России. СПб., 2010.
3. Там же.
4. Там же.
5. Романов Н. С. Летопись г. Иркутска. Иркутск, 1994.
6. Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003.
7. Гордеева О. Фонарик Водопьянова // Пятница. 2007.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ
КОМПЛЕКСЫ И КЛАСТЕРЫ В СИБИРИ:
ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ**

Вопросы сравнения кластерных объединений предприятий (коротко – кластеров) и отечественных территориально-производственных комплексов (ТПК), зародившихся в советское время, не случайные, поскольку между прежними ТПК и кластерами, получившими распространение с начала 90-х гг. минувшего века в большом ряде стран, немало общего и много различий. Главное общее – в сущности таких объектов экономики и геопространства с позиций территориальной организации производительных сил. Мало того, сама идея и концепция формирования и развития кластеров у современного американского экономиста Майкла Портера и его зарубежных коллег зародилась и получила развитие не только на основе работ по экономической теории Альфреда Маршалла в конце XIX – начале XX в., но и (что очень вероятно) на основе концепции и теоретических обоснований советских ученых об экономическом районировании и территориально-производственных комплексах. В первую очередь имеются в виду труды экономико-географа Н. Н. Колосовского, начиная с его исследований по плану ГОЭЛРО и завершая работой по территориальной организации производительных сил Сибири [4]. Но, разумеется, с существенной трансформацией, а именно: путем переложения идей ТПК с позиций централизованно-плановой социалистической экономики на сугубо рыночную капиталистическую экономику.

Для сравнения вспомним определения ТПК и кластера. В соответствии с существующими дефинициями, ТПК – это совокупность экономически взаимосвязанных, пропорционально развивающихся производств, сосредоточенных на ограниченной территории и комплексно использующих ее ресурсы. ТПК состоит из специализированных предприятий, дополняющих их производств, а также объектов производственной и социально-бытовой инфраструктуры. А кластер в территориально-производственном понимании – это тоже группа географически соседствующих, но уже юридически самостоятельных компаний: производителей, поставщиков и других, связанных между собой и с иными организациями (научными, образовательными, инфраструктурными,

административными); все они, как определено М. Э. Портером в его монографии «Конкуренция» [6], взаимодействуют и дополняют друг друга в определенной сфере экономики.

В послевоенные годы, особенно во второй половине XX в., в Сибири сформировались и эффективно действовали в интересах всей страны следующие ТПК: Северо-Тюменский и Среднеобский (изначально как единый Западно-Сибирский), Кузбасский, Центрально-Красноярский (ранее – Канско-Ачинский), Норильский и Саянский в Красноярском крае, Братско-Усть-Илимский, Иркутско-Черемховский, Южно-Якутский и Западно-Якутский [2]. Все сформировавшиеся ТПК Сибири базировались на сочетании крупных топливно-энергетических ресурсов (уголь, нефть, природный газ), иных сырьевых (лесных, горнорудных), гидроэнергетических и водных ресурсов изначально на относительно сопоставимых территориальных ареалах, величина которых зависела от масштабов освоения указанных ресурсов. Общеизвестен еще ряд сибирских промышленных районов, которые оказались недостаточно сформированными, чтобы соответствовать критериям и определению ТПК, – Нижне-Ангарский в Красноярском крае, Верхоленский в Иркутской области, Северо-Байкальский в Республике Бурятия и Забайкальском крае.

В рамках ТПК создавались благоприятные предпосылки для развития прогрессивных в то время для нашей страны форм организации производства – специализации, кооперирования, комбинирования, комплексного использования природных ресурсов и условий, а также привлечения рабочих рук с европейской части страны, развития здесь процесса заселения и обживания новых территорий. Сочетание взаимосвязанных производств, организация и использование единой производственной и социальной инфраструктуры обеспечивали экономию затрат на производство конечного продукта. В совокупности с промышленными узлами, базами, трассами и тыловыми зонами пионерного освоения таежных территорий на востоке страны, которые исследовались иркутскими экономико-географами, ТПК способствовали совершенствованию размещения производительных сил и обеспечивали плановое комплексное социально-экономическое развитие соответствующих регионов и страны в целом. В наибольшей мере это показано в результате исследований сибирских ТПК М. К. Бандманом [1].

Что же касается сущности содержания и функционирования кластеров, то коротко отметим следующее. С развитием рынка

товаров и услуг самостоятельные малые предприятия, за редким исключением, более всего уязвимы в современной конкурентной среде. Кластерное объединение предприятий позволяет одним из них достойно существовать и развиваться в конкурентной борьбе, другим – становиться лидерами со своими брендами на внутренних или даже мировых рынках. Решение проблемы разобщенности, неорганизованности и мелкого производства, не соответствующего мировым стандартам качества, во многом зависит, исходя из положений цитированной работы М. Э. Портера «Конкуренция», от четырех «к»: *концентрации* производства в пределах ограниченных территорий; *конкуренции* внутри кластера за потребителя; *кооперации* с родственными отраслями и местными институтами; *конкурентоспособности* на рынке за счет высокой производительности труда, ориентации на инновации, упорядоченной специализации и взаимного дополнения участников кластера. Совокупность этих четырех «к», по мнению экспертов кластерных технологий, – одно из главных обобщающих отличий кластерных объединений предприятий от иных форм территориально-производственных сочетаний, а сами кластеры, по сути, – это продукт осуществления интеграционных процессов в экономике [8].

Какие же кластеры сформировались или начинают формироваться в Сибири? Можно достаточно уверенно назвать следующие: в Томской области – кластер инновационных технологий и приборостроения; в Новосибирской области – электронной промышленности и приборостроения; в Алтайском крае и Республике Алтай – биофармацевтический; в Омской области – агропромышленный, нефтехимический, кремниевый и лесопромышленный; в Иркутской области – межрегиональный байкальский нанотехнологический, несколько региональных, но сравнительно малых кластеров с управляющими центрами в г. Ангарске (агропромышленный «Курочка рядом», строительный «Ангарский гипс», «Мебельный кластер») [3], а также зарождающиеся нефтегазохимический, туристический, научно-технологический [7].

Особенностям, сходствам и отличиям ТПК и кластеров в 2006 г. в Москве была посвящена одна из научных экономико-географических сессий. На ней, как представляется, основные различия между этими формами территориально-производственных образований наиболее обоснованно были изложены в работе И. В. Пилипенко [5]. Приведем их ниже в кратком виде.

1. Теория ТПК и концепция кластеров предприятий были разработаны в абсолютно разных общественно-экономических формациях. Различия целей, принципов и механизмов функционирования между ТПК в государственно-плановой экономике и кластеров в рыночной экономике во многом определяют и остальные различия между этими объектами сравнения. 2. ТПК и региональные кластеры предприятий различаются по своему генезису. ТПК появились вследствие развития учений об энергопроизводственных циклах и территориально-производственных сочетаниях, представляли собой четкие технико-экономические модели, имели достаточно определенные территориальные границы и планомерно установленную специализацию в межрегиональном разделении труда. А кластеры формируются «в результате пространственного проявления действий рыночных сил». 3. Местоположение ТПК и кластеров различно. Модели ТПК применялись, главным образом, для районов нового (пионерного) освоения. 4. Различна структура и специализация ТПК и кластеров. ТПК – это межотраслевой комплекс. А кластер – это, по сути, объединение скопившихся и контактирующих друг с другом малых, средних и лишь отдельных крупных предприятий-лидеров, работающих в одной отрасли и имеющих единую управляющую структуру. 5. Информационная связь в формировании пространственных структур кластеров и ТПК играет разную роль. 6. ТПК не имели предприятий малого бизнеса, а ныне (подчеркнем это) преобразовались в вертикально-интегрированные компании и холдинги. 7. Различаются ТПК и кластеры также и по роли человеческого капитала в их развитии. В кластерах более высокооплачиваемая работа, чем в разрозненно расположенных предприятиях.

Добавим к этим резонным выводам И. В. Пилипенко: в кластерах развитых стран ведется селективный отбор высококвалифицированных кадров с привлечением иностранных граждан. Вместе с тем напомним, что на предприятиях ТПК всегда было сильным жилищное и социальное обеспечение. По нашему мнению, еще можно отметить некоторые существенные отличия. 8. Управление или координация деятельности ТПК осуществлялась в столице страны, а управление кластерами ведется, как правило, непосредственно в их «ядре». 9. ТПК – это сочетание только крупных промышленных объектов с вспомогательными предприятиями и обязательно с большой производственной мощностью. А кластеры могут быть не только крупными (например, как «Силиконовая долина» в США) или относительно средними (как

«Самарский авиакосмический»), но и мелкими или вовсе локальными (как названные в г. Ангарске). 10. Функционирование всех ТПК базируется на использовании природных ресурсов и поэтому включает в себя большие пространства. А функционирование большинства кластеров (за исключением сферы природопользования) основано на использовании инноваций и новых технологий в разных сферах деятельности – в промышленной сборке, производстве аппаратуры и программного обеспечения, осуществлении коммуникаций и оказании услуг, в том числе образовательных и научных. Поэтому таким кластерам не требуются огромные территории, часто достаточно ключевого города и соседних городских или иных поселений. 11. Наконец, в кластерах все предприятия, в том числе малые, являются юридическими лицами, поэтому они имеют высокую степень свободы выбора и проявления инициатив.

Отсюда видно, что сфера деятельности кластеров может быть гораздо больше, чем на предприятиях ТПК, и что кластеры могут быть различными по своим производственным и пространственным масштабам.

В заключение отметим, что среди отечественных исследователей вопросов территориальной организации производства наблюдаются различные оценки в сопоставлении ТПК и кластеров. С нашей точки зрения, во-первых, и ТПК, и кластеры – это лишь одни из ряда существенных форм организации производства; во-вторых, они имеют и большие сходства, и явные различия; в-третьих, в современных условиях российской экономики сами принципы и механизмы функционирования ТПК (холдингов, корпораций) и кластеров могут существовать параллельно, будь то в дополнение друг друга или в конкурентных отношениях. Это зависит от экономической политики государства, стратегий развития бизнеса, инициатив региональных элит и местных сообществ. В свою очередь, данные факторы и обстоятельства должны быть адекватны глобальным экономическим вызовам современности, включая конкуренцию.

Литература

1. Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М. К. Бандман. – Новосибирск : Наука, 1980. – 256 с.

2. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков. – Новосибирск : Гео, 2008. – 369 с.

3. Кластерные объединения предприятий: обзор основ политики, теории, практики (информационно-аналитическое издание) / сост. В. М. Парфенов, У. В. Парфенова. – Иркутск : ИИК «Развитие-Информ», 2008. – 146 с.
4. Колосовский Н. Н. Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири / Н. Н. Колосовский. – Новосибирск : Наука, 1971. – 176 с.
5. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность регионов и кластерная политика : материалы XXIII ежегод. сессии экон.-геогр. секции Междунар. акад. регион. развития и сотрудничества на тему «Пространственная организация хозяйства: ТПК или КЛАСТЕРЫ?». – М., 2006. – С. 26–36.
6. Портер М. Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М. : Издат. дом «Вильямс», 2006. – 608 с.
7. Семенов М. А. Кластеры Иркутской области: проблемы и перспективы развития / М. А. Семенов, А. П. Козьмин. – Иркутск : ИрГТУ, 2008. – 236 с.
8. Третьяк В. П. Кластеры предприятий / В. П. Третьяк. – Изд. 2, доп. – Иркутск, 2006. – 220 с.

САННИКОВ А. П.

СОЗДАНИЕ ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ

В истории церковного управления в Восточной Сибири важным этапом стало создание в Иркутске духовной консистории. Особенностью Иркутской епархии было то, что при ее формировании наложились сразу два обстоятельства: стремление правительства к унификации церковного управления и кризис в управлении епархией, связанный с последним периодом деятельности епископа Иннокентия Неруновича.

Иннокентий Нерунович находился во главе епархии с 1732 г. Его деятельность была многогранной и одновременно противоречивой. За десятилетие своего управления он столкнулся с непониманием и противодействием части духовенства, открытым неприятием гражданской администрации и отсутствием поддержки части верующих. Почувствовав отчужденность, архиерей удалился от дел в Жилкинский скит Вознесенского монастыря. 1 мая 1744 г. Иннокентий предписал, «дабы никто отнюдь не утруждал никакими доношениями, кроме дел самых нужнейших и до персоны его Преосвященства касающихся» [1]. Удаление епископа обернулось снижением эффективности управления. Ревизия 1744 г., прошедшая в губернии, выявила в монастырях епархии множество «бесхозного люда». Епархии был предъявлен штраф в размере 2 415 руб. [2].

Существовавший церковно-административный орган Иркутской епархии – архиерейский приказ явно не справлялся с потоком дел. С 1727 г. приказ составляли: настоятель Иркутского Воз-

несенского монастыря игумен Пахомий (затем Корнилий), приказной надзиратель Алексей Попов, подканцелярист Егор Рециков, писец Артамон Шлаков. Для обеспечения деятельности приказа из архиерейской казны ежегодно отпускалось 4 руб. 40 коп. [3]. Решения приказа вступали в силу после их утверждения епископом.

Размещался архиерейский приказ в Вознесенском монастыре, при этом большинство его служителей проживало в Иркутске. В летнее и осеннее время бывали случаи, когда служители неделями не могли попасть в монастырь. Отрыв между центрами духовной и гражданской власти сказывался негативно на управлении. Попытка епископа Иннокентия Неруновича перенести архиерейский приказ в Иркутск оказалась неудачной, так как гражданские власти не смогли предоставить достойное место для его строительства в городе.

Воспользовавшись удалением епископа в 1744 г. в Жилкинскую слободу, служители архиерейского приказа «распустились совершенно». Настоятель Вознесенского монастыря Корнилий из-за старости и состояния здоровья не проводил заседаний и не следил за положением дел в приказе. Приказной надзиратель Алексей Попов спился и прекратил вести дела. «Подканцелярист Егор Рециков пьянствует и дел государевых и челобитных не отправляет и денежных сборов не ведет», – отмечалось в документах [4].

9 июля 1744 г. Синод, в целях унификации системы церковного управления, направил в епархии распоряжение, предписывавшее: «Отныне во всех епархиях, в домах архиерейских, в которых духовные дела отправляются, различно доныне именуемым именоваться консисториями» [5]. В Иркутске указ получили 25 октября 1744 г., но никаких действий не предприняли.

Из кризисного положения Иркутскую епархию вывел указ Синода от 23 января 1746 г., требовавший немедленного выезда епископа Иннокентия Неруновича в столицу для подробного отчета. Синод требовал: «Всякие дела и зборы отправления поручить духовным лицам, учредив для того Духовную консисторию, которой в заседание определить единого из архимандритов, другого из игуменов достойных, третьего иркутского протопопа, дав им како в том правлении они должны поступать с домовым наставлением инструкцию» [6]. 24 марта указ был продублирован, но в еще более жесткой форме. В случае его неисполнения епископа могли доставить в столицу «за караулом» (под арестом).

Перед своим отъездом епископ Иннокентий упразднил архиерейский приказ и уволил его служителей. Вместо архиерейского приказа создавались два независимых органа: архиерейский дом и духовная консистория. Архиерейский дом занимался управлением земельными владениями епископа и его обслуживанием (подготовка выезда, столовые припасы, облачение и др.).

Духовная консистория ведала делами церковного управления. Она состояла из присутствия и канцелярии. В присутствии заседали члены консистории, назначенные епископом и обладавшие правом голоса. Возглавлял консисторию наместник, он же председатель присутствия. Эту должность в XVIII в., как правило, занимал настоятель Вознесенского монастыря. Его заместителем и постоянным членом присутствия был протопоп Богоявленского собора Иркутска. Третьим ее членом избирался представитель приходского духовенства из любого духовного правления.

Епископ Иннокентий назначил в 1746 г. трех членов присутствия: архимандрита Нафанаила (Вознесенский монастырь), Алексея Шангина (Богоявленский собор), Ивана Сенотрусова (священник из Забайкалья). В годы правления епископа Михаила Миткевича присутствие составляли игумен Вознесенского монастыря Бонифатий Березин, протоиерей Богоявленского собора Иван Миткевич, ключарь-священник Иван Журавлев и священник Сергей Пантелеев [7]. К концу XVIII в. число постоянных членов увеличилось до пяти человек. Епископ имел право вводить в состав присутствия и временных заседателей.

Работа в присутствии оплачивалась только председателю. Его жалование составляло 16 руб. 60 и 3/4 коп. Остальным предписывалось служить безвозмездно.

Подготовкой документов для присутствия занималась канцелярия. Ее составляли: приказной надзиратель, протоколист, канцелярист, подканцелярист, 5 копиистов и 4 писчика. Каждый из сотрудников канцелярии получал годовое жалование в соответствии со штатной должностью.

В целом из архиерейской казны на содержание канцелярии в 1746 г. епископ Иннокентий выделил 88 руб. деньгами и 310 пудов хлеба.

Размещалась консистория по-прежнему в Вознесенском монастыре. Поздней осенью, зимой и ранней весной их доставляли к месту службы на монастырских лошадях. В остальное время транспортное обеспечение вызывало постоянные осложнения. Перевозчики требовали денег, провинциальная канцелярия пла-

тить отказалась, не выплачивали денег и из монастырской казны. В отсутствие епископа никто не решался тратить деньги из архиерейских доходов. В результате работа консистории часто приостанавливалась.

К разрешению этого болезненного вопроса приступили в 1750 г. Наместнику консистории удалось согласовать главный вопрос – место строительства, после чего начались работы. Иркутская летопись так описывает это событие: «1750 г. в октябре месяце обложен на стойках в Иркутске архиерейский деревянный дом». Епископ Софроний распорядился перестроить деревянный дом в каменный, что затянуло строительство. «1754 г. октября 7-го дня начали в Иркутске перестраивать архиерейский дом... 1755 г. августа 27-го дня Преосвященный епископ Софроний перешел в дом свой» [8]. Сюда же перевели консисторию.

В отличие от архиерейского приказа функции и порядок работы консистории четко определялись нормативными документами. Консистория занималась делами, связанными со строительством и освящением церквей, определением причтов, следственными делами по церковным вопросам, исполняла наказания в отношении виновного духовенства, вела переписку с монастырями, готовила документы для Синода и других центральных органов власти, подбирала кандидатуры на должности заказчиков, проверяла церковных старост, скрепляла акты большой и малой архиерейской печатью. Все поступающие в консисторию бумаги заносились в особый журнал, затем раздавались служителям для работы. По поводу каждого донесения составлялся протокол и выносилось решение. Если возникали разногласия, то в журнал записывалось решение большинства и меньшинства. Епископ имел право утвердить любое из них. До прибытия в Иркутск в марте 1754 г. епископа Софрония Кристаллевского решения принимались членами присутствия с формулировкой «приговорили», значительно реже «приказали».

Епископ Михаил Миткевич произвел изменения в работе консистории. Он реорганизовал работу канцелярии, сформировав особые подразделения – столы и определил для каждого из них свой круг обязанностей. Первоначально действовало 5 столов: *ставленнический* (подбирал кадры на церковные должности), *счетный* (следил за отчислениями в архиерейскую казну, проводил ревизию – «счет» – деятельности церковных старост), *судебный* (разбирал жалобы, проводил следствие по делам, которые касались духовенства), *входящих бумаг и переписки* (принимал

прошения от прихожан, занимался перепиской, готовил отчеты епархии перед Синодом), *учетный* (собирал и учитывал метрические книги и исповедальные росписи, готовил выписки из метрических книг). Епископ Вениамин Багрянский учредил *наградной* (готовил представления для награждения духовенства) и *миссионерский* (контролировал вопросы, связанные с христианизацией коренных народов) столы.

Эффективность работы консистории в большинстве случаев определялась работой канцелярии. Поэтому руководитель канцелярии получал жалование большее, чем наместник (председатель присутствия) и назначался епископом. Первым руководителем канцелярии был Гавриил Федорович Ленский.

П. В. Громов, занимавшийся историей Иркутской епархии, считал его выходцем из Тобольска. Вслед за ним этой версии придерживаются многие исследователи. Однако фамилия Ленский явно не сочетается с Тобольском. Известно, что он происходил из семьи духовенства. Если предположить, что фамилия служит указанием места рождения, то дополнительные поиски в архивах по имени и отчеству указывают на сына пономаря Бирюльской слободы – Гавриила Федорова Дьяконова. 20 января 1734 г. Дьяконов, по указу епископа, выехал в Иркутск для обучения в школе. Школьную программу он освоил довольно быстро, чему способствовало домашнее образование. 10 июня 1736 г. епископ направил Дьяконова в Москву в Славяно-греко-латинскую академию, для дальнейшего обучения «на коште архиерея». В 1739 г. епископ Иннокентий получил донесение о направленном ученике: «Минувшего июня 25 дня 1739 г. по данным Св. Пр. Синоду дому Вашего Преосвященства служитель Гавриил Федоров сын Дьяконов доношением объявил, что обучался в оной академии был на инспектории у княжны Марьи Яворской, с которой де февраля 9 дня сего года в Санкт-Петербург приехал, а от оной академии для проезде в Санкт-Петербург пашпорту не требовал для того, что обучался в оной без казенного жалованья, а ныне намерен он из Санкт-Петербурга ехать прямо в Иркутск, в дом Вашего Преосвященства» [9]. 14 декабря 1742 г. для исправления должности учителя латинского языка Иннокентий Нерунович назначил Гавриила Ленского, вытребованного из Тобольска. Жалование ему определили лишь с 1 января 1744 г., т. е. год Ленский работал бесплатно, вероятнее всего, в исправление какого-либо проступка. Дьяконов не спешил в Иркутск для оправдания перед архиереем и задержался в Тобольске. Поэтому епископу при-

шлось требовать его отправки. Сопоставив все обстоятельства, можно предположить, что Дьяконов и Ленский – одно и то же лицо.

В 1746 г. епископ назначил Гавриила Ленского подканцеляристом, затем канцеляристом и, наконец, оставил во главе канцелярии. Со своей новой должностью Ленский справлялся успешно и прослужил в консистории около 30 лет. Он вышел за штат при епископе Михаиле Миткевиче. Период его служения был одним из самых трудных в истории епархии. Деятельность нового органа управления с 1747 по 1754 г. осуществлялась при отсутствии архиерея, но консистория справлялась со своими обязанностями. Дело отца продолжил сын – Иван Ленский, служивший в канцелярии в должности секретаря.

В целом созданная в 1746 г., на два года позже чем в других епархиях, иркутская духовная консистория сумела обеспечить преемственность церковного управления и способствовала поступательному развитию Иркутской епархии.

Примечания

1. Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). Прибавления. 1870. С. 177.
2. Вадим, архиепископ. «Во Святем Духе брат наш» // Рус. сила. 2001. № 5. С. 4.
3. Громов П. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий первый епископ Иркутский. Иркутск, 1868. С. 89.
4. ИЕВ. Прибавления. 1870. С. 1776–177.
5. Там же. С. 195.
6. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф.10. Оп. 2. Д. 899. Л. 377.
7. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996.– С. 73.
8. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 107–110.
9. НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д.899. Л. 273.

СЛАВИНА Л. Н.

СМЕРТНОСТЬ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990–2000-Е ГГ.)

Проблемы воспроизводства населения в постсоветской России чрезвычайно актуальны «благодаря» переживаемому ею демографическому кризису. Он вызван развитием негативных тенденций в обеих составляющих процесса воспроизводства – и в рождаемости, и в смертности. Но они по-разному проявляют себя в городах и деревнях, на разных территориях, что вызывает необходимость дифференцированных региональных исследований. Задача этой работы – оценить характер смертности в краснояр-

ской деревне. Источником информации выступает демографическая статистика, опубликованная Росстатом.

Смертность в красноярских деревнях в XX – нач. XXI в. эволюционировала в рамках общероссийских трендов, имея при этом особенности, обусловленные спецификой края. Смысл происходивших в ней перемен заключался в модернизации. Но до конца советского периода уровень, динамика и характер смертности красноярцев, как и всех россиян, во многом противоречили закономерностям модернизационного процесса. Это позволяло видеть в ней признаки кризиса. Красноярская деревня выступала лидером демографической модернизации в сельской местности Восточной Сибири, но отставала от деревень Европейской части страны. Большинство характеристик смертности красноярцев отличались от аналогичных среднероссийских в худшую сторону. Ее уровень был слишком высоким, а динамика – неустойчивой. В постсоветский период красноярцы вошли вместе со всеми россиянами на волне начавшегося в 1988 г. роста смертности и ухудшения всех ее показателей.

В 1991 г. общий коэффициент смертности в селах края составлял 11,9 ‰ (табл. 1) [1, с. 26]. Он был ниже среднего по селам России (13,4 ‰), но лишь потому, что красноярцы имели более молодую возрастную структуру. Возрастные же коэффициенты показывают, что у них смертность была выше, чем у среднестатистических сельских жителей республики, во всех возрастах, начиная с младенцев. Наибольший разрыв – в 1,5 раза – наблюдался в группе 15–24 года, а в когортах от 25 до 70 лет он составлял 1,2–1,4 раза [4, с. 76; 5, с. 222].

Таблица 1

Общие показатели смертности в сельской местности
Красноярского края в 1991–2010 гг.

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1998	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Тыс. чел.	9,8	10,9	12,8	13,7	12,5	12,1	14,2	12,5	11,6	11,8	11,4	11,4
‰	11,9	13,0	15,3	16,8	15,7	15,7	20,3	17,8	16,3	16,9	16,3	17,0

За советский период причины смерти у красноярцев, как у всех россиян, модернизировались. Главной угрозой для жизни стали сердечно-сосудистые и онкологические болезни, внешние воздействия – травмы, убийства и т. п. Суровая природная среда, нездоровые условия труда и быта и другие факторы вызывали

быстрое распространение этих причин смерти в деревнях края. Сельская медицина была безоружной не только перед новыми «главными» болезнями, но часто и перед традиционными. Слишком много людей умирало от болезней органов дыхания, а смертность от инфекций и паразитов у красноярцев была в 1,6 раза выше среднероссийской (табл. 2) [2, с. 307, 311; 5, с. 245, 251].

Таблица 2

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти в Красноярском крае и в России в 1991 и 2009 г. (число умерших на 100 тыс. жителей)*

	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5	Класс 6
1991 г.						
РСФСР село	15,3	188,3	745,1	89,9	30,1	171,5
Край село	23,9	179,7	575,1	72,8	34,7	196,0
город	15,5	170,8	414,5	40,5	26,5	138,8
2009 г.						
РФ село	24,4	186,1	915,0	75,3	58,9	197,5
Край село	40,7	221,7	795,8	78,0	72,9	276,2
город	27,0	209,4	575,8	54,4	68,7	176,5

* Классы причин смерти: 1 – инфекционные и паразитарные болезни; 2 – новообразования; 3 – болезни системы кровообращения; 4 – болезни органов дыхания; 5 – болезни органов пищеварения; 6 – внешние воздействия

Попытки реформирования общественной системы России в 1990-х гг. вызвали социальный стресс, который негативно отразился на общественном здоровье и углубил кризис смертности. В первой половине 1990-х гг. все ее показатели в красноярских деревнях резко ухудшились. К 1994 г. число ежегодных смертей увеличилось на 40 % по сравнению с 1991 г. Уровень смертности вырос во всех возрастах и от всех причин. Сердечно-сосудистые заболевания дали прирост в 1,4 раза, онкологические – в 1,1, внешние воздействия – в 1,6 (из них убийства и самоубийства – 1,6 раза, алкогольные отравления – 5,2 раза). Число умерших от инфекций увеличилось в 1,6 раза, в том числе от туберкулеза – в 1,8 раза. Смертность «помолодела». Доля лиц рабочего возраста среди умерших сельчан за 1991–1994 гг. поднялась с 47,7 до 50,4 %. Коэффициент младенческой смертности достиг в 1993 г. 27,7 ‰ против 21,4 ‰ по селам России в целом [3, с. 226, 234; 4, С. 75, 87]. Катастрофически сократилась ожидаемая продолжительность жизни при рождении. В 1987 г. она составляла 61,9 года у мужчин и 74,4 года у женщин (лучшие показатели в истории краснояр-

ской деревни), а в 1993 г. – соответственно 55,3 и 68,9 года [4, с. 89; 1, с. 46].

В середине 1990-х гг. рост смертности красноярцев прекратился и начался возврат к ее обычному уровню. Но в 1998 г. последовал новый всплеск, отчасти вызванный августовским кризисом. Но еще важнее было то, что система здравоохранения, сформировавшаяся в советский период и уже тогда не отвечающая требованиям времени, в 90-х гг. быстро разрушалась. Без ее радикальной реформы улучшений в демографической сфере ожидать не приходилось.

Смертность в красноярских деревнях росла с 1998 по 2005 г. включительно и достигла наивысшего в постсоветский период уровня. Благодаря активизации государственной политики в сфере здравоохранения, началу реализации национального проекта «Здоровье» и общему росту благосостояния населения с 2006 г. смертность стала снижаться. Но в 2008 г. с началом нового всеобщего кризиса опять последовал ее рост, и в последние годы ее динамика демонстрирует крайне неустойчивый и непредсказуемый характер.

С 1991 по 2010 г. число ежегодных смертей в красноярских селах увеличилось на 16,5 % при сокращении количества их жителей на ту же величину. Смертность выросла от всех без исключения причин, причем темпами, превысившими среднероссийские (табл. 2). С 1991 по 2009 г. уровень смертности от новообразований поднялся на 23 %, сердечно-сосудистых заболеваний – на 38 %, внешних воздействий – на 41 %, инфекций – на 70 %, болезней желудочно-кишечного тракта – на 210 %. Красноярцы, прежде отстававшие от среднестатистических сельчан России по уровню смертности от эндогенных болезней (сердечно-сосудистых, онкологических и т. п.), в постсоветский период «превзошли» их по всем показателям, кроме сердечно-сосудистых заболеваний. Но и тут сократили разрыв: в 1991 г. уровень этой смертности у них составлял 77 % от среднероссийского, а в 2009 г. – 87 %. Рост смертности частично вызывало старение населения. Однако главными были все же социально-экономические и психологические причины.

Процессы смертности по-разному развивались у мужчин и женщин, у взрослых и детей. Но негативные тенденции, обозначившиеся в советский период, теперь у всех либо углублялись, либо оставались на прежнем уровне. Увеличились различия меж-

ду показателями смертности жителей красноярских сел и городов в пользу последних, сельского населения края и России в целом.

Очень различался характер смертности по полу. Показатели смертности мужчин были намного хуже. В 2009 г. они умирали в 1,6–1,7 раза чаще женщин от болезней органов пищеварения, сердца и сосудов, в 2 раза – от новообразований, в 3,3 раза – от инфекций, в 3,6 раза – от болезней органов дыхания и внешних воздействий. Особенно большими были различия в молодых трудоспособных возрастах (в 3,3–3,7 раза). В советскую эпоху женская смертность по законам модернизации перемещалась в старшие возраста. После 1991 г. ее «постарение» прекратилось: лица старше 60 лет составляли среди умерших женщин 75 % и в 1991, и в 2009 г. Мужская смертность немного «постарела»: доля лиц старше 60 лет среди умерших мужчин поднялась до 51,2 % в 2010 г. [1, с. 85, 109, 110]. Но половина мужского населения все равно продолжала уходить из жизни, «не дожив до пенсии».

Младенческая смертность – обобщающий показатель степени благополучия общества – тоже развивалась неудовлетворительно. Ее динамика была крайне неустойчивой, а уровень – слишком высоким. В 1999 г. он составил 32,0 ‰ (табл. 3) [1, с. 89]. Затем последовало его стремительное снижение к 2004 г., после чего младенческая смертность, чередуя подъемы и спады, сократилась до 12,8 ‰ в 2010 г. Этот показатель рекордно низок для сел края, но далек от стандартов развитых стран (2–5 ‰). Младенческая смертность в селах края все время была в 1,5–2 раза выше, чем в городах, и заметно выше, чем в сельской местности России в целом. Причем разница увеличивалась.

Таблица 3

Уровень младенческой смертности в Красноярском крае
в 1991–2010 гг., ‰

Год	1991	1992	1993	1994	1998	1999	2004	2006	2007	2008	2009	2010
Село	13,0	25,5	27,7	25,2	29,8	32,0	18,0	20,2	15,7	15,0	16,5	12,8
Город	19,5	20,2	22,5	19,5	18,5	24,6	11,5	10,4	10,6	7,8	8,2	7,9

Высокая смертность во всех возрастах отрицательно влияла на динамику продолжительности жизни красноярцев. Она сократилась по сравнению с 1990–1991 гг., когда составляла 66,0 года, в том числе 60,8 года – у мужчин и 70,0 лет – у женщин [5, с. 398]. После многократного чередования сокращения и роста эти

показатели в 2009 г. составляли, соответственно, 64,4, 59,0 и 70,7 года и находились на уровне первой половины 1950-х гг. Из-за мужской сверхсмертности разница в продолжительности жизни мужчин и женщин была недопустимо большой – 11,7 года. Красноярцы-горожане имели лучшие перспективы. Им предстояло прожить 68,7 года, в том числе мужчинам – 62,8, женщинам – 74,3. У среднестатистических сельских жителей России показатели тоже были лучше – соответственно 66,7, 60,9 и 73,4 года [2, с. 102, 106].

Итак, тенденции развития смертности в красноярской деревне в постсоветский период с большим основанием могут оцениваться как кризисные. Но причину кризиса нельзя объяснить только событиями этих десятилетий. Он прослеживался с середины 1960-х гг., а в постсоветский период только усилился и пока не преодолен. Сущность кризиса смертности в современной красноярской деревне та же, что в России в целом, общественное здоровье там ухудшалось так же, как в городах края и в сельской местности всей страны, но более быстрыми темпами. Приведенная статистика показывает, что в отношении сельских жителей, особенно периферийных районов, таких как Красноярский край, сохранилась, как в советские времена, социальная несправедливость. Заболев одинаковыми болезнями с горожанами или с жителями деревень центра страны, сельчане-красноярцы имели меньше шансов выжить. Смертность от всех классов причин у них была намного выше. А статистика младенческой смертности свидетельствует, что несправедливость проявлялась с момента рождения и даже раньше.

Странно, что долговременные кризисные тенденции смертности тревожат общество меньше, чем негативные тенденции рождаемости. Во всяком случае, в красноярских деревнях именно критическое состояние смертности можно считать более важной причиной депопуляции. Рождаемость в них вернулась к уровню простого воспроизводства населения в 2009 г. Но из-за высокой смертности естественный прирост остался отрицательным, также как и в следующем – 2010 г.

Литература

1. Демографический ежегодник Красноярского края. 2010 год : стат. сб. – Красноярск : Красноярскстат, 2011. – 162 с.
2. Демографический ежегодник России. 2010 : стат. сб. – М. : Росстат, 2010. – 525 с.
3. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М., 1994. – 419 с.
4. Естественное движение населения Красноярского края : стат. сб. – Красноярск : Крайкомстат, 1996. – 124 с.
5. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации : стат. сб. – М. : Госкомстат, 1992. – 480 с.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ориентация на гуманистические ценности и стремление к максимально полной реализации индивидуальных способностей каждого человека – таков центральный посыл изменений, запланированных в социальной сфере, и в первую очередь – в системе российского образования подрастающего поколения. В Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг. *развитие человеческого капитала* признано основным фактором экономического развития страны.

Понятие «человеческий капитал» находится сегодня на пересечении различных наук: экономики, социологии, философии, медицины, психологии, педагогики и др. Исследователи подчеркивают, что настало время для понимания человеческого капитала «как личности, как субъекта труда, как индивидуальности» [4]. Человеческий капитал – это «креативные профессионалы, интеллект, знания, качественный и высокопроизводительный труд и высокое качество жизни... Индивидуальный человеческий капитал – это накопленный запас особенных и специальных знаний, профессиональных навыков индивидуума, позволяющие ему получать дополнительные доходы и другие блага по сравнению с человеком без оных» [2].

С позиций модернизации России развитие человеческого капитала предполагает преодоление таких негативных тенденций, как низкое качество и снижение уровня доступности социальных услуг в сфере образования. В то же время *образование выступает как процесс и одновременно – результат создания индивидуального человеческого капитала*, а снижение доступности качественного образования ведет к усугублению складывающегося социального неравенства и социальной эксклюзии тех граждан, которые не смогли его получить. Риск социальной эксклюзии, по мнению исследователей, подвержены в первую очередь инвалиды, безработные, неимущие, бездомные, т. е. те социальные группы, чья бедность вынуждает их придерживаться стиля жизни, отличающегося от сложившегося в данном обществе. В этом контексте особое внимание необходимо уделить обеспечению доступности качественного образования и созданию условий для успешной социализации детей и молодежи с ограниченными возможностями

ми здоровья (ОВЗ), детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

На протяжении XX в. в России для данных социальных групп складывалась и развивалась дифференцированная сеть учреждений разной ведомственной принадлежности, направление в которые осуществлялось и осуществляется до сих пор на основе комплексного (психолого-педагогического и медико-социального) изучения индивидуальных психофизических особенностей, образовательных потребностей и социальной ситуации развития каждого ребенка. В результате в образовательных учреждениях (реже – в медицинских или учреждениях социальной защиты населения) складывались относительно однородные группы воспитанников, обучающихся. С учетом типических особенностей и образовательных потребностей каждой из таких групп были созданы специальные образовательные программы для ДОУ/групп компенсирующей и комбинированной направленности, специальных (коррекционных) школ/классов I–VIII видов (для детей с ОВЗ), разработаны развернутые методические рекомендации по организации сопровождения детей и подростков из числа детей, оставшихся без попечения родителей и/или находящихся в трудной жизненной ситуации в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах, реабилитационных, коррекционно-диагностических центрах и т. п., использующиеся на протяжении многих лет практическими работниками образовательных и медицинских учреждений, а также учреждений социальной защиты населения. Сегодня некоторые исследователи склонны называть этот подход сегрегационным, ущемляющим права гражданина. В противовес ему международные правовые документы в области образования провозглашают *переход к инклюзии в образовании*.

Во Всемирной декларации по образованию для всех (Таиланд, Джомтьен, 5–9 марта 1990 г.) излагается общее видение инклюзивности: обеспечение всеобщего доступа к образованию для всех детей, молодежи и взрослых, а также содействие равенству в этой области. В соответствии с философией инклюзии каждый отдельный человек может и должен «принимать эффективное участие в жизни общества и развивать свой потенциал <...> Цель инклюзивного образования – ликвидация социального отчуждения как следствия различного рода негативных отношений и отсутствия должного реагирования на различия по при-

знаку расы, экономического положения, социальной принадлежности, этнического происхождения, языка, религии, пола, сексуальной ориентации и индивидуальных способностей» [3, с. 4]. Содействие инклюзивности означает осуществление упреждающих действий по выявлению барьеров и препятствий, с которыми многие люди сталкиваются в получении доступа к образовательным возможностям, и определение ресурсов, необходимых для их преодоления. Образовательная инклюзия, таким образом, создает предпосылки для социальной адаптации и интеграции многочисленной и разнообразной по составу социальной группы.

В документах ЮНЕСКО подчеркивается, что инклюзивное образование – процесс, связанный с преобразованиями в школах и в других центрах обучения, работа которых охватывает всех детей, в том числе «мальчиков и девочек, учащихся из этнических и языковых меньшинств, населения, проживающего в сельской местности, тех детей, которые затронуты ВИЧ и СПИДом, а также детей-инвалидов и детей, сталкивающихся с трудностями в обучении, и призванный предоставить возможности обучения всем молодым людям и взрослым» [3, с. 4]. По отношению к детскому возрасту (от 0 до 18 лет) общая концепция инклюзии охватывает всех представителей соответствующей возрастной группы и формирует убеждение в том, что именно обычная школьная система призвана дать образование всем детям с учетом их разнообразных индивидуальных потребностей. Это положение аргументируется следующими причинами:

- *образовательная* (школы должны изыскать пути и средства такого обучения и преподавания, которое отвечало бы потребностям отдельных групп обучающихся и, вместе с тем, приносило бы пользу всем детям);

- *социальная* (только инклюзивные школы способны добиться изменений во взглядах в пользу формирования разнообразия путем обучения всех детей вместе и создать тем самым основу для более справедливого и недискриминационного общества);

- *экономическая* (дешевле создавать и поддерживать школы, обеспечивающие образование для всех детей без исключения, чем формировать сложную систему различных видов школ, специализирующихся на различных группах детей) [3, с. 9].

В междисциплинарном контексте инклюзивно организованное общее и профессиональное образование выступает фактором превенции социальной эксклюзии. В силу ряда объективных и субъективных обстоятельств сложилось так, что в России боль-

шинство дискуссий по теме инклюзии сосредоточено преимущественно на проблемах людей с ограниченными возможностями (и прежде всего детей) [1]. Считаем, что обозначенное проблемное поле и предстоящая ратификация Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов, задающей вектор движения к инклюзивному образованию, открывают широкие перспективы для теоретико-методологического обоснования и практической разработки достаточно большого круга проблем, связанных с определением принципов, условий, средств и механизмов, обеспечивающих доступность качественного образования и развитие личности в условиях учебных групп гетерогенного (смешанного по составу) типа. Анализ научно-теоретических и прикладных исследований по проблеме образования и развития личности в условиях гетерогенной группы выявил, что наиболее часто она находилась в фокусе внимания педагогики и психологии, во-первых, применительно к дошкольному и школьному возрастам, и, во-вторых, по отношению к категории лиц с ОВЗ (Н. Н. Соловьев, 2003; Л. Б. Буданова, 2007; Е. Ю. Малеванов, 2009; Н. П. Артющенко, 2010; В. В. Юнина, 2011 и др.). При этом акцент в изучении был сделан в основном на дидактических аспектах проблемы, связанных с организацией, содержанием и технологиями обучения, а экономические, социологические, социально-психологические и иные аспекты проблемы развития личности в условиях инклюзивного образования требуют развернутых исследований.

Социальные группы, по отношению к которым сегодня обсуждается возможность и целесообразность организации инклюзивного образования, представляют собой естественный резерв развития современного рынка труда, а эластичность этого рынка может способствовать их успешной социальной интеграции. Тем самым инвестирование в развитие индивидуального человеческого капитала, и в первую очередь в образование и улучшение качества жизни каждого человека, повышает качество рабочей силы и дает наибольшую отдачу для общества в целом. На наш взгляд, междисциплинарный подход позволит не только каждому из направлений научных разработок внести свой значимый вклад в изучение проблемы социальной инклюзии той части подрастающего поколения, которая подвергнута риску маргинализации, но и интегрировать исследовательские результаты для выработки единой стратегии развития образовательной инклюзии как фактора развития человеческого капитала.

Литература

1. Астоянц М. С. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия / М. С. Астоянц, И. Г. Россихина // Изв. Юж. федер. ун-та. Сер.: Пед. науки – 2009. – № 12. – С. 51–58.
2. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал как фактор развития [Электронный ресурс] : докл. в ВШЭ / Ю. А. Корчагин. – URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=35>.
3. Руководящие принципы политики в области инклюзивного образования. – М. : ЮНЕСКО, 2009. – 36 с.
4. Юрьев А. И. Человеческий капитал как новый предмет исследований в психологии [Электронный ресурс] / А. И. Юрьев. – URL: <http://www.yuriev.spb.ru/polit-chelovek/human-capital-research>

СУБАЧЕВ А. А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В СУБЪЕКТАХ РФ

Являясь по форме государственного устройства федеративным государством, Россия может рамочно или напрямую предоставлять своим субъектам возможность нормативного регулирования тех или иных вопросов. Согласно ч. 2 ст. 68 Конституции РФ республики в составе РФ вправе устанавливать свои государственные языки. В связи с этим законодательство ряда субъектов Российской Федерации содержит нормативные правовые акты о языках (законы о языках приняты в подавляющем большинстве республик – субъектов Федерации). Так, в Восточной Сибири подобные законодательные акты были приняты в Хакасии – Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов республики Хакасия» (с изменениями и дополнениями), в Республике Тыва – Закон Республики Тыва № 462 ВХ-1 от 31 декабря 2003 г. «О языках в Республике Тыва», в Республике Бурятия – Закон Республики Бурятия от 10 июня 1992 г. № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия».

В то же время в Конституции отсутствуют нормы о государственных языках других «национальных» субъектов – автономной области, автономных округов, что объясняется скорее всего тем, что в них проживает небольшой процент граждан, относящихся к «титульным» этносам, давшим название соответствующим национально-территориальным образованиям [1, с. 598]. Помимо этого нормы о языках встречаются и в образовательном законодательстве субъектов РФ. Так, в восточносибирских национально-территориальных образованиях были приняты сле-

дующие законодательные акты: Закон Республики Хакасия от 24 октября 2004 г. № 53 «Об образовании», Закон Республики Бурятия от 2 июня 1993 г. № 338-ХП (ред. от 13 октября 2011 г.) «Об образовании» (принят Верховным Советом РБ 2 июня 1993 г.), Закон Республики Тыва «Об образовании в Республике Тыва» от 23 декабря 2010 г. Нормы о языках также могут содержаться в законодательстве о статусе коренных малочисленных народов: Закон Республики Хакасия от 16 ноября 2009 г. № 125-ЗРХ «О коренных малочисленных народах Российской Федерации на территории Республики Хакасия», Закон Красноярского края от 1 июля 2003 г. № 7-1215 «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов севера Красноярского края». Что касается иных субъектов РФ – краев, областей и городов федерального значения, то государственный язык РФ является для них официальным, что, как правило, отражено в их уставах (например, ст. 27 Устава Красноярского края от 5 июня 2009 г.). В ряде случаев в уставах территориальных образований в составе Федерации закрепляются нормы, гарантирующие реализацию основных прав и свобод человека и гражданина на территории края, не допускающие дискриминацию в зависимости от национальности, языка, религии, пола, общественного, имущественного или должностного положения, а также других обстоятельств (ч. 2, ст. 2 Устава Красноярского края от 5 июня 2008 г., ч. 4 ст. 1 Устава Иркутской области от 15 апреля 2009 г.). В то же время в уставы могут включаться положения о языках и культурах автохтонных народов. Так, например, согласно ч. 1 ст. 17 Устава Иркутской области органы государственной власти Иркутской области создают условия для сохранения и развития языков, культур и иных составляющих национальной самобытности бурятского народа и иных народов, традиционно проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа. Анализ актов субъектов Федерации показывает, что они, как правило, содержат 4 группы положений: 1) это гарантии реализации субъективных языковых прав. Так, в частности, согласно ст. 5 Закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» граждане, проживающие на территории Бурятии, имеют право свободного выбора языка воспитания, обучения. Аналогичное положение содержится в ст. 7 Закона Республики Тыва – «Республика Тыва гарантирует гражданам, проживающим в республике, право на использование родного языка, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»; 2) это нормы, закрепляющие статус язы-

ка в качестве государственного. Например, согласно ст. 2 Закона Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Республики Хакасия» государственными языками Республики Тыва являются тувинский и русский; 3) положения, регламентирующие использование языков в конкретных сферах общественной жизни. Так, ст. 12 Закона Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» говорит, что при подготовке и проведении выборов и референдумов Республика Хакасия наряду с русским языком вправе использовать хакасский язык и языки народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания. Или, например, согласно ст. 29 Закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» почтово-телеграфные отправления в республике производятся на русском языке, при желании граждан в пределах республики и на бурятском языке; 4) это нормы, касающиеся нарушения законодательства о языках народов республик. Так, например, ст. 31 Закона Республики Бурятия гласит: «Действия юридических и физических лиц, нарушивших законодательство о языках народов Российской Федерации и Республики Бурятия, влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Бурятия». Схожую норму содержит ст. 20 Закона Республики Тыва: «Действия юридических и физических лиц, нарушающих законодательство Республики Тыва о языках в Республике Тыва, влекут за собой ответственность и обжалуются в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Тыва». Здесь необходимо отметить, что положения законодательных актов субъектов РФ дублируют норму, содержащуюся в ст. 28 Закона РФ «О языках народов РФ». Вместе с тем, как отмечает Л. Н. Васильева, диспозиция данной нормы весьма расплывчата, поскольку в ней не установлены ни виды, ни основания ответственности за нарушения положений законодательства Российской Федерации о языках народов России [4]. Принято считать, что институт ответственности за нарушение законодательства о языках является комплексным. Речь идет о возможности привлечения к разным видам ответственности в зависимости от квалификации совершенного правонарушения. Исходя из принципа разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами, уголовная и гражданско-правовая ответственность предусматривается федеральным законодательством. В то же время административное и административно-процессуальное законодательство

находится в совместном ведении России и субъектов Федерации (ст. 72 Конституции РФ). В силу этого некоторые субъекты РФ предусмотрели административную ответственность за нарушение языкового законодательства. Законом Республики Саха (Якутия) о языках установлена административная ответственность должностных лиц органов государственной власти и управления, учреждений, предприятий и организаций Республики Саха (Якутия) за несоблюдение требований Закона о языках Республики Саха (Якутия). В силу ст. 39 указанного Закона пренебрежение к любому языку народов Республики Саха (Якутия), нарушение прав граждан в выборе языка, дискриминация граждан по языковым мотивам признаются недопустимыми и влекут за собой судебную и административную ответственность в соответствии с законодательством.

В субъектах Российской Федерации законодательное регулирование вопросов использования языков пошло двумя различными путями. В республиках приняты законы, в которых законодатели стремились закрепить в большинстве своем нормы, конкретизирующие и развивающие положения федерального законодательства о языках народов России. В то же время в «территориальных» субъектах Федерации либо вообще не принято на данный момент никаких законов в развитие федерального законодательства о языках, либо данный вопрос регулируется косвенно немногочисленными нормами, содержащимися в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности. Это объясняется не столько моноэтничностью данного вида субъектов (каковыми, в принципе, они и не являются), сколько желанием республик закрепить статус языка титульной нации в качестве государственного.

Говоря о праве республик на установление собственных государственных языков, следует отметить, что в литературе встречаются мнения диаметрально противоположные проводимой в республиках политике. Так отечественный конституционалист В. В. Иванов считает, что установление республиками собственных государственных языков противоречит как конституционным принципам равноправия субъектов РФ, так и принципу равноправия всех народов РФ, а также принципу равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от языка. Автор говорит: «Тем более, что как Россия не является “государством русских”, так и республики не могут и не должны считаться ни государствами, ни даже “регионами” каких-либо народов» [8, с. 111].

Русский язык, который *a priori* давно не является языком исключительно русского народа, объявлен Конституцией государственным языком РФ на всей территории страны, в то время как языки отдельных народов в отдельных регионах устанавливаются в качестве государственных. В. В. Иванов полагает, что такая ситуация приводит к ущемлению прав представителей других национальностей, поскольку они, составляя часть той или иной республики, лишены возможности пользоваться своим языком как государственным. К тому же из ч. 2 ст. 68 Конституции РФ не вытекает обязанности республик устанавливать государственные языки, а только право, которым республики в большинстве своем и воспользовались.

По мнению Л. Н. Васильевой, не всегда целесообразно устанавливать в республиках в качестве государственного языка республики (помимо русского) исключительно языка этноса, самоназвание которого легло в основу наименования субъекта Российской Федерации: численность представителей такого этноса иногда не преобладает над численным составом остального населения. Было бы оправдано законодательное определение численного критерия для установления языка в качестве государственного. Более того, следует учитывать, что не все представители этноса, самоназвание которого легло в основу наименования республики, могут избрать родной язык для использования в официальных сферах общения [4].

В последнее время все больше утверждается как источник права судебная практика. В юридической литературе обычно указывается, что толкования высших судебных инстанций служат основанием к новому пониманию и применению тех или иных норм права. В системе континентального права и российского права толкования служат вторичным источником права. Толкования высших судебных инстанций как бы углубляют, дополняют закон [11, с. 223]. Особое место среди актов судебной практики занимают решения Конституционного Суда РФ, так как выступают основанием для изменения, отмены акта или принятия нового акта. На сегодняшний день есть уже несколько решений Конституционного Суда РФ, касающихся языковых отношений. Приведем несколько примеров. Так, в Постановлении от 16 ноября 2004 г. № 16-П Конституционный Суд РФ указал, что основы федеральной политики в области культурного и национального развития Российской Федерации, в том числе государственная языковая политика, регулирование и защита прав и свобод чело-

века и гражданина в языковой сфере, общие вопросы образования и культуры регулируются федеральными законами. Результатом рассмотренного выше в Конституционном Суде РФ спора было признание конституционным Федерального закона от 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”», согласно которому в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами. Данное положение ставит проблему объявления языка того или иного народа государственным. В случаях, если такие языки основаны не на кириллице, они либо должны быть на нее переведены, либо нужно будет принять соответствующий федеральный закон о необходимом алфавите, либо такое право вовсе не будет реализовано [13]. Здесь следует отметить, что связывание государственного языка республики только с культурным и национальным развитием крайне опасно, поскольку государственный язык призван выполнять такие функции, как обеспечение оптимальных функционирования деятельности органов государственной власти и связи государства с народом. При объявлении языка государственным следует учитывать степень его развития, уровень владения им населения, проживающего в республике, его востребованность [6]. Несколько лет ранее было принято Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П о проверке отдельных положений Конституции и некоторых нормативных актов Республики Башкортостан [5]. В данном Постановлении с точки зрения своего соответствия Конституции РФ рассматривались положения республиканского законодательства, устанавливающие такое требование к кандидату на должность Президента Республики Башкортостан, как владение башкирским и русским языками, т. е. государственными языками Республики Башкортостан. Однако здесь нужно отметить, что от решения вопроса о конституционности «языкового ценза» Суд в конечном счете воздержался, мотивируя это «нерешенностью вопроса о правовом статусе государственного языка Республики Башкортостан» [9]. Приведенные решения на данный момент фактически являют собой весь массив практики Конституционного Суда по языковым вопросам.

С момента принятия Закона СССР «О языках народов СССР» от 24 апреля 1990 г., который по сути стал первым законодательным актом, посвященным языковым отношениям, прошло уже более 20 лет. И за эти годы в стране сделан уже далеко не один шаг в отношении государственного регулирования взаимоотношений различных языков полиэтнического общества. По всей видимости, на повестке дня стоит официальное признание политики билингвизма, предполагающего легитимное равенство двух государственных языков в национальных республиках и расширение возможностей для реализации своего личного права на пользование родным языком для лиц, проживающих в других субъектах Федерации, что объективно ведет к лингвокультурной конвергенции, гармонизации социально-психологического климата общества и сглаживанию радикальных сепаратистских настроений.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционное право России / С. А. Авакьян. – М., 2007. – Т. 1.
2. Бердашкевич А. О государственной языковой политике России // Высшее образование в России. – 2000. – № 6.
3. Борисов А. Н. Комментарий к Закону РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов РФ» // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. Васильева Л. Н. Комментарий к Закону РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов РФ» // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
5. Вестн. Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 4.
6. Воронцов П. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений // Журн. рос. права. – 2007. – № 11.
7. Доровских Е. М. Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право. – 2003. – № 2.
8. Иванов В. В. Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложносоставных субъектов РФ». Конституционно-правовое исследование / В. В. Иванов ; под ред. С. А. Авакьяна. – М. : Изд-во МГУ, 2002.
9. Кленов А. Л. Проблемы языкового равенства в решениях Конституционного Суда // Конституц. и муницип. право. – 2010. – № 9.
10. Мечковская Н. Б. Социолингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект-Пресс, 2000.
11. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – М. : Юрист, 2012.
12. Руссо Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики. Языковая политика в современном мире // По материалам Третьего и Четвертого международных семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия. – СПб., 2007.
13. Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 47. – Ст. 4691.
14. Сытинская М. В. Комментарий к Закону РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 / М. В. Сытинская, В. И. Шкатулла // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ КОЛХОЗАМИ И СОВХОЗАМИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Программа по освоению целинных и залежных земель проводилась в 1950–1970-х гг. Она была принята в 1953 г. на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, и включала в себя следующие меры: улучшение материально-технической базы, появление материальной заинтересованности в сельскохозяйственном производстве, расширение посевных площадей. Данные меры были направлены на повышение эффективности сельского хозяйства. Освоение целинных и залежных земель предполагало в течение ближайших лет резко повысить обеспечение всего населения Иркутской области продовольственными товарами и сырьем для промышленности и вместе с тем поднять материальное благосостояние сельских тружеников. После принятия данной программы было привлечено внимание к нуждам сельского хозяйства: развитию колхозов и совхозов, увеличению урожайности, повышению уровня жизни сельских жителей, увеличению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и т. д.

Иркутская область вошла в число 19 краев и областей, которые были отнесены к целинным регионам. Причинами начала освоения новых земель стали не только огромные сибирские просторы, но и в быстрый рост населения на данной территории в 1950-х гг. Произошло значительное увеличение городов, где было сконцентрировано крупное производство – Братск, Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское и т. д. Например, по данным ЦСУ (Центрального статистического управления) население г. Братска увеличилось в три раза: 1959 г. – 43 265 чел., 1970 г. – 155 362 чел.росло и число городских поселений в Иркутской области (в 2,5 раза). Так, например, городских поселений в 1939 г. было 84, а в 1961 г. – 200,2 (с числом жителей не менее 10 тыс. человек) [1, с. 40]. Приангарье не могло самостоятельно обеспечить население основными продуктами питания, необходимы были действенные меры по увеличению пахотных земель, данные меры пришли в виде освоения целинных и залежных земель в 1950–1970-х гг.

Стоит изначально сказать о значительной неравномерности развития сельского хозяйства в Иркутской области и разной степени населенности отдельных районов области, поэтому и освоение проходило в наиболее благоприятных для сельского хозяйства районах. Главными районами освоения являлись Усть-

Ордынский Бурятский национальный округ, районы Тулуно-Балаганской лесостепи и в меньшей степени Верхнеленский район. После принятия решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС в 1953 г. колхозы района взялись за подъем целины. В Иркутской области на 1954 г., на начало освоения, было намечено освоить 157 тыс. га целины: фактически было поднято 155 тыс. га [2, с. 45].

Один из главных районов, где проходило освоение, был Усть-Ордынский Бурятский национальный округ – главный сельскохозяйственный район области. В него входят Аларский, Боханский, Осинский, Нукутский, Эхирит-Булагатский и Баяндаевский районы. Округ занимает всего лишь 2,8 % территории Иркутской области и сосредотачивает около 6 % населения области, но при этом располагает 31 % всех сельскохозяйственных угодий и 40 % всей пашни. В округе в 1950-х гг. было 104 колхоза и 17 машинно-тракторных станций. Особенно много было поднято целины и залежи в Нукутском районе (28 945 га), Эхирит-Булагатском (20 055 га), Баяндаевском (19 403 га) и Аларском (13 417 га). В колхозах Осинского, Эхирит-Булагатского и Баяндаевского районов в 1955 г. на целинных и залежных землях был получен урожай пшеницы до 15–20 ц с гектара. Колхозы Нукутского района в первый год (1955 г.) наступления на целину получили более 4,5 млн пудов хлеба. Все колхозы также обеспечили себя семенами, были созданы общественные фонды и выдано по 2–3 кг зерна колхозникам за трудодень. На целинных и залежных землях в 1953–1957 гг. был выращен высокий урожай. Пшеницы получено с одного га от 22 до 37 ц [2, с. 53–54].

Наибольших результатов в освоении целины в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе добились колхозы им. Маленкова, им. Ленина, «Унгинский скотовод», «Страна Советов», им. Хрущева, которые сдали государству в 1954–1956 гг. от 36 до 86 тыс. ц, что составляет 8–11,3 ц с каждого гектара. В целом район сдал государству в 1954 г. 8,4 ц с га [4, с. 98]. Освоение целины и повышение урожайности полей в округе значительно увеличили количество товарного хлеба с одного гектара. Колхоз им. Ленина до 1953 г. мог сдавать государству с одного га по 2,17 ц, а в 1955 г. сдал по 9,77 ц с га. Колхоз «Унгинский скотовод» сдавал в 1953 г. по 1,58 ц, а в 1955 г. – по 10,54 ц, колхоз им. Маленкова сдавал в 1953 г. по 0,77 ц, а в 1955 г. – по 11,24 ц с гектара, колхоз «Страна Советов» – соответственно 0,59 и 10,54 ц, колхоз им. Хрущева – 1,99 и 8,04 ц с га [3, с. 12].

С началом освоения (1953–1960-е гг.) была проведена огромная работа по улучшению использования земель. Если в 1953 г. в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе было распахано 350 тыс. га пашни, а ее доля в сельхозугодьях не превышала 30 %, то в 1960 г. под пашню было занято 576,2 тыс. угодий, т. е. уже 68 % всех угодий округа. Расширение пашни позволило значительно увеличить площадь посевов (в 1960 г. – 460 тыс. га), в связи с этим значительно расширилось зерновое хозяйство. Посевы под зерновые культуры за 1950–1960 гг. возросли в 2,4 раза, и в 1960 г. занимали 311,9 тыс. га, или две трети всех посевных площадей. За 1955–1960 гг. ежегодный сбор зерна составлял 3,5–4 млн ц. Сельское хозяйство округа имело ясно выраженную пшеничную специализацию. Посевы пшеницы в 1960-х гг. составляли 69 % всех посевов зерновых культур.

Можно сказать, что с новой государственной политикой в области сельского хозяйства Иркутская область стала интенсивнее использовать свои земельные ресурсы, произошел рост товарной продукции и животноводства. С 1951–1953 гг. в Иркутское областное управление совхозов было сдано 249 211 ц зерна, а с 1954–1956 гг. – 564 808 ц [4, с. 107]. Подъем сельского хозяйства должен был осуществляться и на основе комплексной механизации всех процессов сельскохозяйственного производства, одна из главных ролей в этом процессе была отведена машинно-тракторным станциям. Можно отметить, что с приходом МТС изменилась и сама жизнь крестьян. В этот период улучшилась энергетическая база сельского хозяйства, возросло электроснабжение сельскохозяйственных потребителей от промышленных станций и сетей. Но в 1958 г. МТС были ликвидированы, а техника, во многом изношенная и морально устаревшая, была продана колхозам. Хозяйства Иркутской области выкупили у МТС 2 850 тракторов, 1 810 зерновых комбайнов и другой техники [5, с. 14].

С 1950 г. было одобрено Постановление Совета Министров СССР «Об укрупнении мелких совхозов». Начиная с 1951 по 1958 г. государственная политика была направлена в сторону укрупнения колхозов. В Иркутской области до укрупнения на каждый колхоз в среднем приходилось 3 494 га угодий, в том числе пашни – 732 га, а после объединения земельные угодья увеличились до 8 142 га, в том числе пахотные – до 1 350 га. До укрупнения на каждый колхоз приходилось в среднем 58 дворов, 95 человек трудоспособных, а после объединения – 128 дворов и 238 трудоспособных. В 2–3 раза увеличились животноводческие фермы.

В результате укрупнения произошло также сокращение на 1 890 человек управленческого аппарата. Благодаря укрупнению удалось улучшить председательский состав совхозов, выдвинув наиболее образованных и опытных [5, с. 68].

Приведенные данные во многом подтверждают, что после 1953 г. наступил перелом в работе совхозов Иркутской области благодаря технической оснащенности и квалифицированности кадров сельского хозяйства. Произошли рост производительности труда, снижение себестоимости продукции; сельскохозяйственная техника стала более рационально использоваться. Урожайность на целинных и залежных землях была значительно выше, чем на старопахотных. Благодаря освоению целинных и залежных земель в Иркутской области был накоплен положительный опыт в развитии сельского хозяйства. Стали возникать крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные учреждения и учебные заведения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач. В короткие сроки (1954–1957 гг.) было освоено 381,1 тыс. га целинных и залежных земель. Из общей площади освоенных земель более 60 % распаханно в районах Усть-Ордынского Бурятского национального округа. За счет освоения новых земель посевная площадь зерновых культур в области в 1958 г. по сравнению с 1954 г. увеличилась на 112,6 тыс. га [5, с. 119]. Увеличение производства зерна происходило двумя путями – за счет расширения посевных площадей и повышения урожайности. На рост урожайности заметное влияние оказали повышение уровня агротехники возделывания зерновых культур, более качественная обработка почвы, оптимальные сроки проведения посевных и уборочных работ за счет возросшего уровня механизации. Также это можно объяснить и тем, что в оборот были введены новые земли, обладающие впервые годы их использования высоким естественным плодородием, обеспечивающим сравнительно высокие урожаи без удобрений. Многие колхозы окрепли организационно, подготовили и воспитали кадры, способные организовать колхозное производство. Основная масса тружеников стала сознательно и более усердно участвовать в сельскохозяйственном производстве. Значительно выросла и материально-техническая база: была восстановлена и расширена сеть машинно-тракторных станций, повышена их техническая оснащенность, увеличены поставки сельскохозяйственной техники.

Можно сказать и о том, что освоение целинных земель показало, какие потенциальные возможности заложены в сельском хозяйстве Иркутской области, и что их надо использовать. Необходимо в дальнейшем наметить программу развития сельского хозяйства в XXI в., и ее главная идея будет заключаться в том, чтобы поднять сельское хозяйство в Иркутской области на качественно новую ступень.

Литература

1. Народное хозяйство Иркутской области : стат. сб. – Иркутск, 1962. – 262 с.
2. Григорьева А. А. Иркутская область (экономико-географическая характеристика) / А. А. Григорьева, В. П. Шоцкий, В. В. Воробьев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1962. – 250 с.
3. Ершов В. К. Сельское хозяйство Иркутской области в 1946–1985 гг. : учеб. пособие / В. К. Ершов. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1997. – 47 с.
4. Косых А. П. Совхозы Иркутской области / А. П. Косых. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. – 147 с.
5. Гаврилов М. К. Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет / М. К. Гаврилов, А. А. Смирнов, И. С. Степичев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. – 121 с.

ТЕПЛЫХ В. В.

ПЕРВЫЕ НАСТАВНИКИ ИРКУТСКОЙ ЖЕНСКОЙ КОМАНДЫ ПО ХОККЕЮ С МЯЧОМ «РЕКОРД»

В настоящее время иркутская женская команда по хоккею с мячом «Рекорд» является одним из лидеров отечественного и международного бенди, что, несомненно, способствует еще большему развитию хоккея с мячом в Иркутской области. Команда «Рекорд» приобрел интерес и любовь в лице многочисленных болельщиков. Данные спортивные результаты показывают, что проблемы развития женского хоккея с мячом в Иркутской области очень актуальны. Необходимо выявить причины столь активного роста положительных результатов команды «Рекорд». В научной литературе до сего времени нет специальных работ, освещающих данный вопрос.

Спустя почти тридцать лет в стране, благодаря многочисленным энтузиастам, стал возрождаться женский хоккей. Ромуальд Брониславович Гляудель не мог позволить себе, чтобы в таком хоккейном городе, как Иркутск, не было женской команды по хоккею с мячом. Ведь в довоенные времена в Иркутске насчитывалось 6 девичьих команд. Он сумел в короткий срок при заводе радиоприемников имени 50-летия СССР создать коллектив из

числа бывших спортсменов, неплохо проявивших себя в других видах спорта. Прежде Р. Б. Гляудель получил среднетехническое образование, работал фрезеровщиком, а затем мастером 26-го цеха Иркутского завода радиоприемников. Талантливый педагог, тренер и воспитатель, Ромуальд Брониславович своей энергией заряжал всех вокруг. Создал на общественных началах на радио-заводе мужскую команду «Рекорд» по хоккею с мячом, сам был игроком, тренером этой команды. Под его началом хоккеисты «Рекорда» неоднократно становились победителями и призерами городских и областных соревнований в 1960–70-е гг. Судья республиканской категории, Гляудель в 60–70-е гг. прошлого столетия возглавлял Областную федерацию по хоккею с мячом. Коллеги помнят его как требовательного, компетентного специалиста и руководителя. И вот в феврале 1986 г. в Иркутске состоялся международный турнир на призы газеты «Советская Россия». В перерыве между играми ведущих хоккейных держав на центральном стадионе «Труд» в присутствии более 30 тыс. болельщиков был представлен показательный матч женских команд Иркутска («Рекорд») и Новосибирска («Энергия») [1]. Добрые слова напутствия и благословения получили начинающие хоккеистки от прославленных в прошлом московских хоккеисток довоенной поры: заслуженного мастера спорта Елизаветы Ивановны Емельяновой и мастера спорта Лидии Васильевны Волковой, приглашенных в Иркутск Ромуальдом Брониславовичем. Иркутянки проиграли первый матч со счетом 0:3, но с той игры и началась история женской хоккейной команды «Рекорд». На просьбу авторитетного наставника иркутянок о помощи в подготовке женской команды игроки хоккейных мужских команд откликнулись с удовольствием. Ромуальд Брониславович, будучи в то время директором стадиона, понимал необходимость его реконструкции, благоустройства самого корпуса стадиона, принимал активное участие в этом нелегком деле. Его желание и стремление поднять уровень физкультурно-спортивной работы в регионе передавались работникам стадиона. Отечественная мягкость к девчонкам сочеталась с требовательностью к руководству физкультурно-спортивной работой области в поддержке хоккейной женской команды. Под его руководством в 1987 г. на Кубке ВЦСПС женская хоккейная команда «Рекорд» достигла первых серьезных побед, став бронзовыми призерами. К сожалению, не довелось увидеть первому тренеру преобразование своей команды «Рекорд» [2].

На смену безвременно скончавшемуся основателю и бесменному руководителю Р. Б. Гляуделю в новом сезоне пришел молодой тренер Евгений Викторович Белоусов, сохранивший добрые традиции. Молодой тренер Е. В. Белоусов не побоялся взять ответственность за подготовку команды, сумел сохранить ее в трудное время 90-х гг. XX столетия. Евгений Викторович первым обратился с предложением к П. В. Скуратову по подготовке девочек-хоккеисток, что в дальнейшем послужило сохранению и развитию команды «Рекорд». Его воспитанницы Е. В. Белоусова О. Белоколоцкая, А. Коробейникова, Л. Кузнецова, Т. Соловей, Л. Петрова на тот момент являлись лидерами команды «Рекорд» и олимпийского бенди [3]. Все годы своей работы с командой Белоусов успешно совмещал тренерскую и административную работу. К сожалению, талантливый хоккеист и тренер Евгений Викторович Белоусов ушел из жизни в 38 лет.

С приходом в команду «Рекорд» в 1992 г. старшего тренера Бориса Федоровича Баринаова спортсменки обрели второе дыхание. Вдумчивый, всецело преданный своей профессии, он требовал от подопечных сознательного отношения к учебно-тренировочному процессу, тонко чувствовал физическое и психологическое состояние команды. Он смело ввел на ключевые посты воспитанниц иркутской школы хоккея с мячом, предпочитающих атакующий стиль игры. Это З. Именохоева, О. Белоколоцкая, Н. Петрова, Л. Кузнецова, составившие прочный костяк обновленной команды. К ним присоединились Е. Баулина, О. Дмитриева, А. Коробейникова, С. Боброва [4]. Финансовая поддержка «Гефеста» и плодотворная работа тренера позволили команде стать финалистом Кубка России и бронзовым призером чемпионата страны. Это не привело к смягчению дисциплины, и ежедневный жесткий тренировочный график выполнялся неукоснительно. Активно проводилась индивидуальная работа по отработке специфических приемов, ударов по воротам из нестандартных положений: упражнения по совершенствованию технического арсенала, скоростной выносливости дали соответствующий положительный результат. Женщины – народ эмоциональный, непредсказуемый. Так или иначе, Борис Федорович Баринов попросил Выборова Валерия Степановича принять команду.

В. С. Выборов – известная личность в иркутском футболе и хоккее. И как игрок, и как тренер. Кумир болельщиков 60–70-х гг. прошлого столетия, он входил в сборную России, мастер спорта. Позже, завершив игровую карьеру, Выборов поработал в фут-

больной «Звезде» и вторым, и главным тренером. Под его руководством команда становилась призером зоны Урала, Сибири и Дальнего Востока. Став директором иркутской ДЮСШ № 7, Валерий Степанович решал большой спектр вопросов, но при этом не забывал и о хоккее – с шайбой и с мячом. И, несмотря на работу в ДЮСШ, Выборов возглавил команду. Сложные 90-е гг. XX в., безусловно, наложили отрицательный отпечаток на молодых игроков команды, прежде всего психологический. Выборову удалось найти для каждой спортсменки нужные слова. Под руководством опытного тренера хоккеистки клуба «Рекорд-Гефест» стали серебряными призерами России. Главный тренер сборной России Николай Чегодаев включил в состав национальной команды пятерых иркутянок: вратаря Т. Бородину, защитницу Н. Мурсалимову, полузащитниц О. Белоколоцкую и З. Именохеву, форварда А. Коробейникову. В. С. Выборов был назначен помощником главного тренера [5]. А в 1995 г. команда «Рекорд» с тренером В. С. Выборовым заняла четвертое место на кубке мира в Швеции. Выборов стоял у истоков женского «Рекорда», который уже под его руководством «засиял» на всю страну и не сдает позиций до сих пор.

В 1996 г. директор женского клуба «Рекорд» Татьяна Лешина обратилась за помощью к Сергею Романовичу Огородникову. И одной из своих задач опытный тренер поставил поиск перспективных игроков. На городских детских соревнованиях приглянулись ему 13-летние Оксана Проньшина («Рекорд») и Татьяна Талаленко («Зенит»). И Огородников не ошибся, юные хоккеистки достойно показали себя. На протяжении нескольких лет они являются лидерами иркутской команды и сборной России. Под его руководством «Рекорд» становится сильнейшим клубом страны. Осенью 1997 г. первая международная победа – «Рекорд» стал обладателем Кубка мира в Швеции. Наставник иркутской женской хоккейной команды «Рекорд» возглавлял национальную сборную страны, которая выиграла в марте 1998 г. в Нидерландах чемпионат мира по ринк-бенди [7]. Это было первое золото россиянок за всю историю мирового первенства по «маленькому» хоккею. Огородников был требовательный и уверенный в своих действиях. Так увлеченно мог заразить своей идеей, так щедро делился духом победителя, что делали, казалось бы, невозможное.

И, конечно, особого внимания заслуживает Татьяна Геннадьевна Лешина, которая внесла значительный вклад в развитие женского хоккея с мячом не только в Иркутске, но и России. Она обладала незаурядными организаторскими способностями, ак-

тивно участвовала в привлечении игроков в женскую хоккейную команду «Рекорд». Но в первом матче с командой из Новосибирска в феврале 1986 г. Лешина не выступала в связи с полученной травмой. До этого занималась лыжным спортом и обладала достаточно хорошими функциональными возможностями, будучи смелой и подвижной. За свою достаточно продолжительную спортивную карьеру Татьяна была призером чемпионата РСФСР 1988 г., Кубка ВЦСПС 1988 г. Неоднократный призер, чемпион и обладатель Кубка России 2000 г. Признавалась лучшим вратарем турнира Спартакиады народов РСФСР 1989 г. В 1992 г. была в списках «22 лучших». В составе сборной России на Кубке мира в 1992 г. стала серебряным призером. В 1995 г. ей было присвоено звание мастера спорта [8]. На протяжении нескольких лет была капитаном своей команды. До 2000 г. играла за «Рекорд». С 1995 г. Лешина – директор хоккейного клуба «Рекорд». В 90-е гг. XX в. энергичная и настойчивая Татьяна активно участвовала в поддержке своей команды. В этот период хоккейный клуб «Рекорд» под руководством Т. Г. Лешиной создал сеть секций по хоккею с мячом для девочек на стадионах: «Рекорд», «Зенит», «Локомотив» (Ново-Ленино), школа № 65. При плодотворной, совместной работе бригады тренеров были подготовлены игроки основного состава «Рекорда». Именно Лешина явилась организатором проходящего несколько лет детского турнира, посвященного памяти основателя иркутской женской команды «Рекорд» Р. Б. Гляуделя.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что одной из основных причин улучшения спортивных результатов иркутского женского хоккея с мячом послужила компетентная работа первых наставников команды. Именно в годы становления команды был заложен прочный фундамент для дальнейшего развития иркутского женского хоккея.

Литература

1. Азербаяев Э. Г. Иркутский спорт в XX в.: Литературно-документальная летопись / Э. Г. Азербаяев. – Иркутск : Облмашинформ, 2003.
2. Вост.-Сиб. правда. – 1987. – 5 февр.
3. Справочник-календарь Чемпионата СССР по хоккею с мячом среди женских команд, высшая лига / сост. е. Белоусов. – Иркутск, 1991.
4. Спорт – дело. – 1993. – 20 апр.
5. Сов. молодежь. – 1994. – 3 дек.
6. Синявский В. А. Хоккей с мячом – народная игра : сб. / В. А. Синявский. – Иркутск, 1986.
7. Наша Сибскана. – 2009. – Дек.
8. Хоккей с мячом : энциклопедия / сост.: Соснин В. И., Щеглов М. И., Юрин В. Л. – М. : Новые технологии, 2009.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – НАЧАЛО 1950-Х ГГ.)

Женщины Тюменской области, как и в целом Советского Союза, в предвоенный период составляли более половины населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в стране проживало 99,2 млн женщин и 91,4 млн мужчин [12, с. 44]. На территории Тюменской области на 17 января 1939 г. проживало 991 тыс. человек [11, с. 31], из них 48,7 % составляли мужчины, 51,3 % – женщины [9, с. 45]. Такое соотношение мужского и женского полов было связано с предшествующими периодами революций и гражданской войны, где участвовали в основном мужчины. Следующая послевоенная перепись населения 1959 г. также зафиксировала преобладающий состав женского населения. В Тюменской области мужчин было 44,7 %, женщин – 55,3 % [2, с. 14].

В начале 1940-х гг. начинается трудовая деятельность женщин, ранее не работавших. Это было связано с Великой Отечественной войной, когда мужчины были вынуждены покинуть производство и идти на фронт. В конце 1940-х гг. с возвращением мужчин число женщин в народном хозяйстве резко сокращается. Активное вовлечение женщин в народное хозяйство в начале 1950-х гг. заставляет государство пересмотреть свою политику в области трудовой деятельности женского населения. До войны государственная политика в отношении женского труда осуществлялась лишь нормативным актом, запрещающим применение труда женщин на «особо тяжелых и вредных для здоровья работах» [1, с. 39]. Были внесены изменения в «Список особо тяжелых и вредных профессий» – женщинам запрещалось работать в торфяной, нефтяной, лесной, судостроительной и судоремонтной промышленности. В дальнейшем, в связи с механизацией указанных отраслей, женщины к некоторым работам стали допускаться.

Развитие промышленности и высокая заработная плата все больше привлекали женщин к труду в этих отраслях. К «тяжелой и вредной» работе женщины приступали лишь «после ознакомления с техникой безопасности по 8-часовой программе». Однако очень часто средства безопасности вовсе отсутствовали, и женщины работали «в тяжелых условиях» больше 8 часов. Так, в Са-

маровском районе организация труда женщин на Салымском лесоучастке была «поставлена крайне неудовлетворительно, и из 75 женщин, работающих на валке леса, только 18 выполняли дневные задания, остальные выполняли нормы от 50 до 90 %. Все это происходило потому, что не было дифференцированного подхода к женщине-работнице со стороны мастеров лесоучастка. Бывая в лесу, они недостаточно уделяли внимание обучению женщин – правильной валке и разделке древесины, не прислушивались к их запросам и не оказывали практической помощи. Отсутствовала и техника безопасности: лесоповальных вилок, клиньев и поворотных крючьев женщины не имели, вследствие чего имели место несчастные случаи» [3, л. 21]. В Сургутском районе в 1952 г. женщины «работали на тяжелых физических работах без всякой механизации; на льдозаготовках, на погрузочно-разгрузочных работах по 12–14 часов; женщины переносили тяжести до 50–70 кг или катали бочки весом до 150 кг» [5, л. 64]. Такие условия работы являлись нарушением законодательства. Согласно постановлению НКТ СССР от 14 августа 1932 г., предельный вес груза для женщины старше 18 лет при ручной переноске составлял 20 кг, а младше 18 лет – 10,25 кг. Перемещение тяжестей на тележках не должно было превышать 50 кг на человека [1, с. 46]. Тяжелый физический труд и работа во вредных условиях, помимо ухудшения общего состояния здоровья женщин, приводили к патологическим изменениям специфических функций женского организма: нарушению нормального течения беременности и родов, рождению ослабленных детей и другим отрицательным последствиям. Именно на создание безопасных условий труда беременным женщинам и женщинам, имеющих малолетних детей, была направлена основная часть государственной политики в области женского труда.

Еще в 1949 г. указом Верховного Совета СССР «Об улучшении условий труда и быта женщин» беременным и матерям, имеющим детей в возрасте до одного года, было предоставлено право перехода на другую работу по месту жительства с сохранением за ними непрерывности трудового стажа. Этим же указом плата за содержание в детских садах и яслях детей одиноких матерей, заработок которых не превышал 600 руб. в месяц, была снижена на 50 % [9, с. 184]. С начала 1950-х гг. законом запрещалось отказывать женщинам в приеме на работу и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет, а одиноким матерям – с наличием ребенка в возрасте до 14 лет [13, с. 30].

Однако эти законодательные меры зачастую игнорировались на местах. В Тюменской области в 1950-х гг. многие предприятия не принимали беременных женщин и женщин с малолетними детьми на работу. В 1956 г. зав. детсадом Самаровского района Шилова отказала в приеме на работу беременной женщине на должность няни; «заведующий отделом окркинофикации сократил по штату помощника бухгалтера – одинокую мать. Сокращая, он не принял мер к переводу ее в горком помощником бухгалтера, и женщина осталась без работы с двумя детьми» [4, л. 22–23]. Из этих документов видно, что государственная политика по охране труда беременных женщин и матерей-одиночек сводилась лишь к принятию законов и постановлений. На деле же эти законы нарушались, в результате чего женщины оставались без работы.

После снятия юридического запрета на производство аборт в 1955 г. усилилось предоставление семье льгот нематериального характера. Свидетельством перемен явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам». В соответствии с указом с 1 апреля 1956 г. отпуск по беременности и родам был увеличен с 77 до 112 календарных дней с выдачей за этот период денежного пособия. В случае ненормальных родов или рождения двух детей и более продолжительность послеродового отпуска увеличивалась до 70 дней [9, с. 184].

В октябре 1956 г. было принято еще одно постановление – «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и учреждениях». Этим постановлением руководителям предприятий, организаций и учреждений вменялось в обязанность предоставить женщинам, по их просьбе, после окончания отпуска по беременности и родам отпуск до трех месяцев без сохранения заработной платы [9, с. 184].

Согласно трудовому законодательству СССР женщинам, работающим в тяжелых условиях, в соответствии с медицинским заключением мог быть предложен более легкий труд временно или без ограничения срока. Врачебно-консультационная комиссия определяла необходимость перевода женщин на облегченные условия труда с конкретными рекомендациями, где и на каких работах может использоваться их труд. Беременные женщины и матери не должны были привлекаться к трудовой деятельности в ночное время, к сверхурочным работам, в выходные и праздничные дни. Беременных женщин, матерей, кормящих грудью и женщин, имеющих детей в возрасте до 1 года, запрещалось на-

правлять в командировки. Помимо этого кормящие матери имели право на сокращенный рабочий день на один час с сохранением заработной платы [8, с. 68–69]. Все эти меры чаще всего оставались на бумаге, женщины продолжали работать в тяжелых условиях. В 1952 г. «заведующий городской пекарней Самаровского района т. Смолин заявил работнице-пекарю Звягинцевой о том, что если она не будет работать в ночную смену, то будет уволена с работы. Тогда как Звягинцева имеет трехмесячного грудного ребенка» [4, л. 22]. В 1954 г. на Салехардском консервном комбинате из-за работы в ночное время «более 100 матерей-работниц вынуждены были оставлять детей дома безнадзорными». Так, «Исакова Мария, рабочая цеха, имела четырех детей в возрасте от двух до восьми лет и, уходя на работу в ночную смену, вынуждена была оставлять детей одних “под замком”. Бригадир цеха Колцова Т. П. ввиду того, что не было мест в яслях, вынуждена была пойти в отпуск, так как не с кем было оставлять ребенка в возрасте одного года» [6, л. 7]. Многие женщины ввиду своей малограмотности даже могли и не знать о существовании трудовых законов, поэтому им приходилось соглашаться с любыми условиями работы из-за опасения ее потерять.

Таким образом, трудовое законодательство Советского Союза было направлено на создание наиболее благоприятных условий труда для женщин. В нем прописывались правила принятия женщин на работу, перевода беременных женщин на более легкую трудовую деятельность; запрещалось женщинам занимать должности «с вредными условиями труда». Однако зачастую на местах эти законы игнорировались, и условия труда на большинстве предприятий Тюменской области не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Многие женщины в связи с угрозой потери работы скрывали подобные факты тяжелых условий труда. Государство, скорее, создавало видимость целенаправленной политики по улучшению условий и охране труда женщин. Различные незначительные льготы не устраняли главной причины тяжелого положения женщин на производстве – невозможность достойно обеспечить себя и семью на женской работе: в сфере услуг, домашнем хозяйстве. Более того, государство фактически игнорировало эту проблему, пыталось решать экономические вопросы за счет увеличения доли неквалифицированного женского труда в народном хозяйстве страны.

Литература

1. Абрамова А. Охрана труда женщин (справочник по законодательству) / А. Абрамова. – М. : Профиздат, 1972.
2. Барбакова К. Г. Ищите женщину! / К. Г. Барбакова, А. И. Баикина, С. М. Моор. – Тюмень : Тюмен. правда, 1991.
3. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Тюменской области). Ф. 107. Оп. 1. Д. 1270.
4. ЦДНИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1484.
5. ЦДНИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2027.
6. ЦДНИТО. Ф. 135. Оп. 39. Д. 75.
7. ГУ ГАТО (Государственное учреждение Государственный архив Тюменской области) Ф. 1810. Оп. 3. Д. 90.
8. Законодательство о правах женщин в СССР (сб. нормативных актов). – М. : Юрид. лит., 1975.
9. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В. А. Исупов. – Новосибирск, 1991.
10. Кодекс законов о труде РСФСР. – М. : Юрид. лит., 1974.
11. Народное хозяйство Тюменской области : стат. сб. – Тюмень, 1964.
12. Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск, 1997.
13. Севостьянов Г. М. Охрана труда. Труд женщин. Труд молодежи / Г. М. Севостьянов, В. И. Штифанов. – М., 1991.

УРОЖАЕВА Т. П.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НОВЫХ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1980-Е ГГ.

Среди факторов, формирующих условия жизни в городах, особое место занимает состояние природной среды. Миграционное движение населения было тесно связано с меняющейся экологической обстановкой. Если обеспеченность социальной инфраструктурой, предметами потребления и т. п. в связи с промышленным развитием, как правило, возрастала, то состояние природной среды ухудшалось. К началу 1980-х гг. на территории Иркутской области были созданы крупнейшие предприятия теплоэнергетики, переработки нефти, цветной и черной металлургии, химической и целлюлозно-бумажной промышленности, которые определяли количественный и качественный состав выбрасываемых загрязняющих веществ в атмосферу. Единственным критерием безопасности предприятий для окружающей среды являлся уровень предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных веществ в атмосфере. Долгое время в доступной периодической печати такой информации, а точнее ее анализа, не было. По рекомендации СО АН СССР Иркутский областной совет

народных депутатов в 1979 г. принял решение об обязательной экологической паспортизации промышленных предприятий [1].

Проектирование новых городов в регионе осуществлялось в рамках концепции «социалистического расселения», т. е. приближения жилых массивов к производственным объектам. Недостатками проектов являлись: необоснованный выбор направлений территориального развития жилых массивов, нерациональное размещение инженерных сетей, некомплексная застройка городов, отсутствие в проектах зеленых зон и др. Невыполнение требования Министерства здравоохранения о создании санитарно-защитных зон (СЗЗ) вокруг предприятий в 1970–1980-е гг. привело к высокой концентрации промышленного производства внутри жилых массивов. В регионе наблюдалось строительство городов в подфакельных зонах предприятий (например, Ангарск), в одной с промпредприятием горной котловине (Железногорск-Илимский), в нижнем бьефе крупных гидроэлектростанций (левобережная часть Усть-Илимска). В первую десятку наиболее промышленно загрязненных городов во второй половине 1970-х гг. прочно вошли Ангарск, Братск и Шелехов. К 1990 г. количество загрязнений на единицу площади в Ангарске составило в среднем 14,2 т на км² [2]. В табл. приведены данные о количестве вредных веществ, выброшенных в атмосферу городов Иркутской области в 1989–1990 гг.

Таблица

Масса вредных веществ, выброшенных в атмосферу городов
Иркутской области (в тыс. т) *

Город	9 мес. 1989 г.	9 мес. 1990 г.
Ангарск	308,6	280,6
Братск	128,8	92,6
Шелехов	37,1	35,0
Зима и Саянск	22,7	23,3

* Составлена по: Дедова Л. Значение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в некоторых городах области // Вост.-Сиб. правда. 1990. 28 нояб.

Ошибки в проектировании городов зачастую усугубляли экологическую ситуацию. Когда проектировали Ангарск, допустили серьезный просчет – не учли розу ветров. Промышленные предприятия были построены на востоке, северо-востоке, юго-востоке от города, и 48 % ветров имели направление от промышленных объектов прямо на город, на жилые кварталы [3, с. 277–278]. В Ангарске состояние экологии осложнялось деятельностью

Ангарского нефтехимического комбината (АНХК), который производил большую группу высокотоксичных продуктов органического синтеза. Особенно выделялось производство метанола, на базе которого вырабатывались карбомидные смолы. В составе комбината действовало крупное азотнотуковое производство и предприятие по получению серной кислоты. Начиная с 1967 г., АНХК периодически сбрасывал загрязненные химическими примесями промышленные воды в реки Ангара и Белая, а также затапливал ими сельскохозяйственные угодья и леса на значительной площади. Очистные сооружения работали с предельной нагрузкой, а окончание второй очереди биологических очистных сооружений было завершено только к 1979 г. [4]. На долю Ангарска в отдельные годы приходилось более 36 % областных выбросов в атмосферу.

Опасность техногенной аварии в 1980-е гг. постепенно нарастала в Саянске, где более 30 т ртути находилось в грунте под корпусом электролизного цеха предприятия «Саянскхимпром». Ртуть с загрязненных территорий испарялась в воздух и вместе с грязью выносилась автотранспортом за пределы предприятия. В результате вдоль автомобильных дорог, ведущих к химкомбинату, почва оказалась сильно загрязненной ртутью (до 130 мг/кг при ПДК для почвы 2,1 мг/кг), и чем ближе к комбинату, тем больше было ее содержание (вдоль улицы Богграда, являющейся продолжением автодороги комбината) [5]. В 1989 г. на ПО «Саянскхимпром» было зафиксировано 26 аварийных залповых сбросов, в результате чего на прилегающей территории отмечено значительное повышение концентраций ртути, хлора и других опасных веществ. Расчет рассеивания выбросов от предприятия выявил в 3-километровой СЗЗ и в близлежащих поселках (Выдрино, Подгорном, Писарево) высокую концентрацию загрязняющих веществ, которая достигала по винилхлориду до 1,5 ПДК, поливинилхлориду до 4 ПДК [6]. Осложняли обстановку многочисленные факты нарушения природоохранного законодательства, связанные с низкой экологической культурой жителей, сжигающих мусор и автопокрышки в городе, захламляющих улицы, безжалостно истребляющих зеленую зону.

При создании Братского промышленного узла не учитывались и не сопоставлялись возможные предельные концентрации вредных веществ при различных вариантах размещения предприятий. Результатом этого явилось размещение в городской черте промышленных гигантов лесопромышленного комплекса и

алюминиевого завода, которые выбрасывали в атмосферу (по данным за 1988 г.) более 170 тыс. т вредных веществ [7]. Особенности ландшафта, «подкорректированного» Братским водохранилищем, позволили промышленным выбросам, как по трубе, доноситься до отдаленных микрорайонов (пос. Падун, Энергетик, Гидростроитель) и даже в курортную зону – до мыса Зяба. БрАЗ и БЛПК вплоть до 1975 г. не имели проектов санитарно-защитных зон. К началу 1990-х гг. максимальные выбросы с предприятий города превышали ПДК в 104 (!) раза [8]. В Братске росло количество аллергиков, особенно маленьких. Люди теряли надежду на улучшение жизни и уезжали из города, спасая здоровье своих детей. Братск в 1980-е гг. прочно занял одно из первых мест среди экстремально загрязненных городов страны.

Очень сложным можно было назвать положение и в Шелехове. В ходе разработки проекта города высказывалось предположение об уменьшении СЗЗ до 1,2 км. С точки зрения заместителя главного государственного санитарного инспектора РСФСР М. М. Шухмана, такое решение было допустимо только при высокой эффективности очистки промышленных выбросов [9]. Основным загрязнителем атмосферы явился Иркутский алюминиевый завод (ИрКАЗ), сверхнормативные выбросы которого за 1989 г. составили 8,1 тыс. т. Вокруг города и завода были построены новые заводы и производства: кабельный завод, завод «Стройдеталь», завод ЖБИ, ТЭЦ и др. Всего – 28 предприятий, промышленных и строительных, в узкой долине, плюс 3 крупных автобазы и тысячи машин, проносящихся сквозь город по Московскому тракту. Сильное загрязнение было не только в промышленной зоне, но и в самом городе. Конкретизировал общие положения экологического неблагополучия в Шелехове директор Института биофизики Восточной Сибири Валерий Прусаков. По мнению ученого, по количеству и тяжести заболеваемости детей Шелехов являлся первым или вторым в области, в разные годы меняясь печальным лидерством с Ангарском. Взрослое население страдало флюорозом (накоплением фтора в костях) [10]. По выводам ученого, сделанным на основании исследований, Шелехов стал зоной чрезвычайной экологической ситуации, переходящей по многим параметрам в зону экологического бедствия.

Высокой оставалась концентрация вредных веществ в атмосфере Байкальска. В атмосфере этого города систематически обнаруживалось высокое загрязнение метилмеркаптаном (до 84 ПДК) [11]. Жилые районы Байкальска были построены без учета

влияния метеоусловий. Горные хребты способствовали концентрации вредных веществ в черте города. Повторяемость высоких концентраций вредных веществ в 1978 г. достигала от 35 до 67 % [12]. В 1980-е гг. около 40 % всего персонала комбината работало во вредных цехах. По БЦБК с конца 1980-х гг. все острее вставал вопрос о перепрофилировании комбината. Затягивание с решением о перепрофилировании БЦБК негативно сказывалось на выполнении природоохранных мероприятий. Так, уже в I квартале 1989 г., по сравнению с аналогичным периодом 1988 г., увеличился валовой сброс загрязнений в сточных водах. В итоге из 165 источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферу на предприятии только 46 были оснащены газоочистным оборудованием [13]. На уровне правительства был принят ряд постановлений о природоохранной деятельности в зоне оз. Байкал, неоднократно поднимался вопрос о перепрофилировании или закрытии БЦБК, но проблема промышленного загрязнения экосистемы озера так и не была решена.

Решением экологических проблем занимались: лаборатория кафедры гигиены медицинского института Иркутска, отдел медицинской географии Института географии Сибири и Дальнего Востока ВСФ АН СССР. В них разрабатывались прогнозы и рекомендации по оздоровлению среды жизнедеятельности сибирского населения путем обеспечения соответствующих служб и ведомств необходимой медико-географической информацией [14]. Природоохранные инспекции штрафовали за нарушения природоохранного законодательства, выступали в прессе и на радио (г. Шелехов, Братск), выходили на администрации предприятий с предложениями (БЛПК, БрАЗ и др.) [15], но выполнение планов природоохранительных мероприятий не являлось первоочередными задачами для предприятий и не приравнивалось к выполнению производственных планов. Экономическая стагнация начала 1990-х гг. привела к обострению старых и породила массу новых проблем. Прежде всего, были свернуты практически все работы по строительству промышленных и муниципальных очистных сооружений. Неблагополучие экологической обстановки и социально-бытовой инфраструктуры городов приводило к росту заболеваемости и повышенной миграционной подвижности населения.

Примечания

1. О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 дек. 1978 г. // ГАНИИО. Ф. 127. оп. 109. д. 44. л. 141.
2. Монахов В. Экологическое напряжение растет // Вост.-Сиб. правда. 1990. 4 янв.
3. Савчук Н. В. Практика проектирования и строительства городов Иркутской области: историко-экологический аспект // Проблемы земной цивилизации : сб. ст. Вып. 9, ч. 1. Иркутск, 2004. С. 277-278.
4. Справки и информации отдела химической промышленности по выполнению постановления бюро и секретариата обкома КПСС об охране природы // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 119. Д. 71. Л. 148.
5. Рихванов Е. Живое серебро и мертвое // Волна : экол. журн. 2000. № 22 (1).
6. Областной комитет по охране природы информирует об экологической обстановке и деятельности облкомприроды // Вост.-Сиб. правда. 1990. 11 мая.
7. Фонд Иркутского областного комитета КПСС документы и материалы Постоянной и Плановой комиссии по охране природы Иркутского облисполкома // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 19. Д. 13. Л. 113.
8. Подшивалов И. Есть ли жизнь в Братске? // Сов. молодежь. 1993. 13 мая.
9. Фонд исполнительного комитета Иркутского областного совета народных депутатов трудящихся (1970-1990-е гг.) // ГАИО. Ф. 1933. Оп. 6. Д. 50. Л. 41.
10. Прусаков В. Шелеховцы ломают ноги чаще, чем другие жители области // Вост.-Сиб. правда. 1996. 20 июля.
11. Еремин И. Озеро Байкал и БЦБК в 1989 г. // Вост.-Сиб. правда. 1990. 16 мая.
12. ГАИО. Ф.-р.-1933. Оп. 6. Д. 95. Л. 61.
13. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 106. Д. 52. Л. 33-34.
14. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 72. Д. 10. Л. 103-108.
15. Мирошников П. Об экологической обстановке и деятельности природоохранных органов Иркутской области в 1989 г. (Сообщение областного комитета по охране природы) // Вост.-Сиб. правда. 1990. 27 марта.

ФАРТЫШЕВ А. Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Влияние географического фактора на общество и на его развитие бесспорно. Само по себе признание этого факта никак не может быть названо географическим детерминизмом. О нем речь может идти только тогда, когда природная среда принимается за главный, основной фактор, определяющий характер социальной жизни. В ранних концепциях географического детерминизма природная среда выступала отнюдь не в качестве движущей силы исторического процесса. Она рассматривалась главным образом в качестве фактора, определяющего характер социальных порядков в том или ином конкретном обществе, а также фактора, влиявшего на его развитие.

Географический детерминизм был положен в основу геополитического учения Фридриха Ратцеля, где ему придавалось особое и исключительное значение в формировании и развитии экономической системы в каком бы то ни было государстве. В нашем случае следует говорить не о влиянии на государство, а на каждую определенную территорию, так как Россия неоднородна не только экономически или этнически, но в первую очередь географически, что нас интересует более всего, так как Сибирь и Дальний Восток – территории, географически особо выделяемые.

На советском этапе планирования уделялось внимание именно планированию размещения экономики (прежде всего ТПК). Целью экономической географии являлось выявление благоприятных географических факторов размещения предприятий. Именно благодаря структурированному и планомерному использованию благоприятных факторов удалось сделать из Сибири полноценную территорию СССР, а не колонию, хотя взгляды на это у исследователей разнятся.

Сейчас же ситуация поменялась – Сибирь и Дальний Восток используют свою географическую предопределенность, но слишком много факторов влияют на экономику отрицательно – это и большие расстояния, и резкоконтинентальный климат, и слабая освоенность, и неравномерность освоения территории. В современной ситуации, когда географическое планирование территории, казалось бы, дискредитировало себя в годы экономических реформ 1990-х г., раз за разом снова актуализируется необходимость именно пространственно-ориентированного развития экономики. Представляется возможным не останавливаться и акцентировать внимание на использовании благоприятных факторов географического положения, а стремиться перейти к нивелированию отрицательных факторов, чему уделяется незаслуженно мало внимания, причем именно в отечественной науке.

В связи с новым кризисом перепроизводства сегодня все чаще говорят о том, что мир вступил в переходный период смены экономических формаций. Кроме того, именно на наступающее десятилетие приходится нисходящая фаза цикла «кондратьевских волн», и выход из сложившейся ситуации возможен только на основе нового принципа взаимодействия экономической системы. Как правило, этот новый принцип возникает на периферии мировой цивилизации (теория периферийных цивилизаций), которая может выгодно им воспользоваться. Сибирь, очевидно, и является периферией мировой экономики, но надо учитывать,

что не она одна таковая. Однако Сибирь в связи со своим экономико-географическим положением имеет ряд особенностей, причем это касается не только ресурсов, на что обращается наибольшее внимание со стороны экономогеографов.

Зарубежные концепции развития Сибири видят в ней в большинстве своем территорию природных ресурсов (что, собственно, не является открытием). Особенно на это обращает внимание современная англо-саксонская школа геополитики, причем упор делается именно на энергетические ресурсы¹¹[2]. Для европейских геополитиков, кроме того, свойственно представлять Сибирь как трансевразийский транспортный коридор, о чем свидетельствуют концепции «большого геополитического пространства» от Парижа до Владивостока. Однако уже известна непригодность использования Сибири в соединительной роли между сверхпродуктивной Азией и сверхпотребляющей Европой. Это ясно доказывает концепция континентально-океанической дихотомии Л. А. Безрукова, где говорится о том, что пространство Сибири не соединяет, а разделяет, причем в первую очередь экономически, а, следовательно, и политически [1].

Обращаясь к концепциям развития Сибири, предлагаемым российскими авторами, можно отметить два основания, на которые опираются отечественные теории: это возобновление промышленного развития (которое, как уже упоминалось, продвигалось в советские годы), и второе – экологическое развитие, т. е. сохранение природной самобытности и развитие рекреационных систем. Причем абсолютно очевидным представляется, что это два противоположных по сути друг другу вектора. Промышленное освоение методами планирования и возобновления практики ТПК упирается опять в ту же самую континентально-океаническую дихотомию, что производство готового продукта внутриконтинентальной территории окажется дороже, чем производство ее в прибрежных странах. А экологическое развитие неизбежно наткнется на то, что и без того чрезмерно зависимая от экспорта Россия вынуждена будет производить продукты как

¹¹ Появилось такое выражение, как геополитика энергоресурсов, или энергетическая геополитика, где главным инструментом достижения господства и экономического преуспевания является контроль над как можно большим процентов нефти и газа в мире. Эта возможность была выявлена еще Хальфордом Маккиндером, активно использовалась во Вторую мировую войну, но сейчас получила наибольшее распространение.

минимум для собственного потребления для того, чтобы укреплять свой суверенитет.

В связи с этим заметим еще одну очень важную особенность – ни одна, ни другая, ни даже смешанная модель этих двух факторов развития не может быть построена или хотя бы насколько-нибудь продвинута при рыночной экономике и свободной конкуренции. К настоящему времени уже сложилась мировая специализация стран производства основных товаров, и место Сибири и России в ней вполне известно. Однако нельзя сказать, что промышленности в Сибири нет совсем – в ряде крупнейших городов, таких как Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Комсомольск-на-Амуре и др., сложились центры военно-технической промышленности, которая успешно функционирует при нынешней экономической формации, невзирая на ультраконтинентальность мест производства. Здесь есть два момента такого парадокса.

Первым моментом видится то, что военно-промышленный комплекс не был приватизирован в 90-е гг. и не является элементом той рыночной структуры, которая строится поныне в большинстве остальных областей. Хотя система заказов и имеет элементы конкуренции (имеются в виду, прежде всего, иностранные заказы, так как внутренние заказы распределяются не по системе конкуренции, а по принципу равномерного распределения занятости и специализации заводов), где правительство той или иной страны вольно выбирать исполнителя производства военной техники. Заказ приходит не напрямую на стол директора завода, а через госкорпорацию «Рособоронэкспорт», держащую правительственную монополию на сделки продаж продуктов ВПК. Однако налицо то, что нарушение свободной конкуренции позволило сохранить мировую специализацию России (хотя и с существенными оговорками) в производстве военной техники, хотя надо признать и оставшуюся роль идеологического противостояния со времен «холодной войны»¹² [3].

Вторым моментом является то, что в военном производстве играет роль не столько сам продукт, сколько его технология. Неважно, какой путь преодолевает технология сквозь экономическое

¹² Так, например, правительство Индии неоднократно объявляет свою позицию равного удаления от крупных держав, закупая вооружение равномерно как у США, так и у России. Налицо идеологический фактор влияния на конкуренцию, сформированный «Кодексом неприсоединения» еще при объявлении независимости Индии в 1948–1949 гг. Джавахарлалом Неру.

пространство, ценность его существенно не сможет повлиять на цену. Наиболее ярко эта особенность иллюстрируется продуктами непроеизводственной сферы экономики, но имеющими свой физический образ, который производится в той же стране, где и их непосредственный ценностный компонент. Цены регулируются уже не столько географическими особенностями стран, сколько основными рыночными законами «спрос – цена – предложение» по месту потребления.

Часто высказывается предположение о том, что непроеизводственная экономика – это экономика прогресса, и новая теория экономической системы должна строиться именно на ней. Но это не соответствует правде, так как одновременно во всех странах непроеизводственная сфера не может доминировать, так как чтобы что-либо продавать, нужно что-то производить. А раз она не может быть во всех странах – она не универсальна. В этой неуниверсальности усматривается идея мальтузианства – получается, что непроеизводственная экономика существует лишь для избранных стран, в то время как товары широкого потребления должны производиться в странах, которые «не доросли» до непроеизводственной экономики, а по рыночным законам – это то, где производство более всего выгодно с точки зрения себестоимости: где наименьшие фрахтовые ставки, наименьшая стоимость рабочей силы, наименьшие затраты на обустройство и инфраструктуру. А, как становится очевидно, Сибирь является чуть ли ни одной из наименее благоприятных территорий для хозяйствования с этой точки зрения, и гораздо более выгодным является Китай. Поэтому и неудивительно, что, несмотря на активную государственную политику привлечения инвестиций, как Сибирь, так и вся Россия остается одной из наименее благоприятных стран для ведения массового производства – это продиктовано ей географически.

Конечно, времена жесткой критики Лениным мальтузианства и неомальтузианства прошли, но тем не менее ныне главным критерием идеальной экономической концепции должна являться ее универсальность для какой бы то ни было территории. А раз так, то принцип ориентации на нивелирование отрицательных географических факторов должен являться доминантой в построении современных геоэкономических теорий как для территории Сибири и Дальнего Востока, для всей России, так и для всего мира в целом, благодаря чему возможно добиться выравнивания мирового экономического уровня и устранения диспро-

порций, приводящих к периодическим кризисам перепроизводства. Наиболее эффективным методом такой нивелировки является ориентация на производство технологий, а не товара.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков ; отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Ин-т географии СО РАН. – Новосибирск : Гео, 2008
2. Дугин А. Энергетическая геополитика // Геополитика. – 2011. – № 3.
3. Тузмухаммедов Р. Движение неприсоединения и международное право / Р. Тузмухаммедов. – М. : Наука, 1989.

ХОМЕНКО Д. Ю.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. оставалась аграрной страной, несмотря на проходившие процессы капиталистической модернизации. Территория Сибири и Енисейской губернии, в частности, не были исключением. Потому вопросы землеустройства имели для местного населения первостепенное значение. Аграрная политика изучалась и современниками, и советской исторической наукой, и представляет интерес для современных исследователей.

Из современников особенно следует выделить исследования старшего начальника землеустроительных работ в Енисейской губернии В. Ю. Григорьева и заведующего минусинской поземельно-устроительной партией Н. Н. Козьмина. Оба автора положительно оценивали государственную землеустроительную политику, а Н. Н. Козьмин даже отмечал, что аграрная политика царского правительства в Сибири «не находится в противоречии с социалистической аграрной программой» [5, с. 10].

В советской исторической науке преобладало мнение о том, что аграрная политика царизма строилась в интересах богатых, эксплуататорских слоев населения.

Важной чертой аграрной политики в Сибири было отсутствие частной собственности на землю. Вся земля считалась собственностью казны. Малочисленные помещичьи имения практически не имели значения. Во второй половине XIX в. правительство предпринимало попытки создать дворянское землевладение в Сибири, однако меры были крайне не решительные и половин-

чатые. Так, на территории Енисейской губернии создавались казенно-оброчные статьи, которые предполагалось после утверждения закона о дворянском землевладении передавать желающим дворянам [7, с. 124]. Однако закон появился только в 1901 г., а до этого времени казна извлекала выгоду из данных участков, сдавая их в аренду. С появлением закона о частной собственности на землю в Сибири дворянское землевладение не начало развиваться. Предназначенные для дворян казенно-оброчные статьи стали настоль доходными для казны, что отдавать их дворянам означало бы потерять большие доходы [7, с. 133]. С другой стороны, казенно-оброчные статьи и запасные участки образовывались не на самой лучшей территории. Так, 37,1 % территории отмежеванных к 1905 г. запасных участков были покрыты лесом [1, с. 157]. Для организации хозяйства на таких территориях были необходимы большие средства.

До 1890-х гг. землеустройства в Сибири не существовало. Местное население владело землей на основании захватного права. Различают две формы захватного владения землей: заимочно-захватное и захватно-общинное. При первом варианте крестьянин имел право пользоваться тем количеством земли, которое «соответствовало его хозяйственным силам» [3, с. 34]. Во второй половине XIX в. захватно-общинный тип становится основным в Сибири. Для него характерно существование общины и ее влияние на поземельные отношения. Следует отметить, что сибирская община была слабее среднерусской, и переделы земли производились в очень небольших масштабах.

Коренное население владело землей на основании Устава об управлении сибирских инородцев 1822 г. В соответствии с ним, хакасское население было в большинстве отнесено к кочевым инородцам. Несмотря на то, что Устав закреплял за кочевыми инородцами их исконные территории, на них постоянно претендовали как соседние крестьяне, так и казна. Хотя среди хакасов существовало убеждение, что земли, на которых они проживали, были им дарованы и что даже существовали документы, подтверждающие это, тем не менее, предъявить такие документы хакасы не могли [2, с. 100].

Возникавшие конфликты администрация старалась разрешать полюбовно. Так, в 1874 г., во время «приведения в известность инородческих земель улуса Косонгольского ведомства Кизильской Степной Думы» возник спор между жителями этого улуса и крестьянами соседней деревни Шушенской. Землемер

приложил все усилия к тому, чтобы конфликт был решен через полюбовное соглашение, каковое и было заключено [Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 19. Д. 199. Л. 1–2].

В конце XIX в. правительство озаботилось вопросом необходимости размежевания земель на территории Сибири. Это было связано с тем, что во второй половине XIX в. возрастал поток переселенцев в Сибирь, необходимость их водворения сталкивалась с отсутствием у чиновников четкого представления о том, какие территории уже были занятыми, а какие – свободными.

23 мая 1896 г. был принят закон о землеустройстве в четырех сибирских губерниях: Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской. Это был первый законодательный акт, который был призван урегулировать поземельные отношения. В соответствии с ним казенная земля передавалась в бессрочное пользование сельским обществам. За это право пользования крестьяне обязаны были отрабатывать прежние повинности. Таким образом, в сфере землевладения новый закон не изменил существовавшую до него ситуацию. Однако он ввел нормы земельного надела для крестьян и «инородцев»: 15 десятин земли и 3 десятины леса на душу мужского пола [7, с. 121].

Закон указывал, что 15-десятинная норма не является однозначной, что при необходимости землеустроительные чины могли как увеличить ее, так и уменьшить. Основной идеей закона было размежевание земель на основании фактического землепользования [5, с. 5–6].

Процесс землеустройства проходил относительно медленно. Отвечая на обвинения в замедленности работ, В. Ю. Григорьев в 1906 г. указывал следующие причины: большая площадь земель, подлежащих размежеванию, малочисленность сотрудников, продолжавшееся переселение: в результате прибытия новых крестьян фактическое землепользование менялось постоянно [ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 28. Л. 4]. Тем не менее, к 1905–06 гг. в основном было завершено землеустройство в Красноярском уезде, наполовину – в Минусинском [Там же, л. 5].

Непростая ситуация сложилась вокруг землепользования у кочевых коренных народов Енисейской губернии, в частности у хакасов. В начале 1890-х гг. земледелием занимались 52 % хозяйств [4, с. 308]. При этом хозяйство с запашкой более 15 десятин в Абаканском ведомстве было всего одно, а в Аскизском – 70. Средних по размерам хозяйств (запашка от 5 до 15 десятин) было 12,7 % и 42,4 % соответственно (от числа земледельческих хо-

зяйств), мелких же в Абаканском было 86,8 %, в Аскизском – 53,4 % [1, с. 79]. Таким образом, можно заметить, что в целом для хакасов в начале 1890-х гг. земледелие еще не стало основным занятием и только дополняло скотоводческое хозяйство, так как запашки менее 15 десятин явно недостаточно для того, чтобы говорить о земледелии как об основном занятии.

На земли инородцев периодически претендовала казна. Так, в начале XX в. лесное ведомство пришло к выводу о необходимости запретить инородцам торговать лесами, расположенными на их территории. Весьма вольно истолковав положения «Устава» 1822 г., лесное ведомство решило, что оно вправе распоряжаться лесами «инородцев». Утверждая, что хакасы сами не в состоянии грамотно распорядиться лесными массивами, лесное ведомство само стало распродавать лесные угодья [ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 22. Л. 2].

Кроме казны, на земли «инородцев» претендовали и их соседи – русские крестьяне. Как правило, отчуждение инородческих территорий было незначительным, однако крестьяне претендовали на лучшие по качеству земли – либо пашни либо сенокосные угодья. И тех и других земель было очень мало, поэтому они представляли особую ценность для хакасов. Так, в 1901 г. у нескольких улусов Сагайской управы были отобраны 4 сенокосных угодья [2, с. 107].

Таковые факты требовали, по мнению В. Ю. Григорьева, скорейшего закрепления за «инородцами» их земель, т. е. проведения землеустройства. С другой стороны, решающее значение скотоводства не позволяло провести размежевание на общих основаниях, так как надел в 15 десятин, несомненно, привел бы к гибели скотоводческого хозяйства [2, с. 118]. В 1907 г. землеустройство было передано в Переселенческое управление.

Это вызвало законные опасения, что землеустроительная деятельность не будет проводиться в пользу старожилов. «Это управление... существующее для урегулирования переселений, уже по этому самому не может не служить по преимуществу переселенческому делу» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 12. Д. 33. Л. 5].

Необходимость мобилизации большого количества земли под нужды переселений в начале XX в. была обусловлена столыпинской аграрной реформой, которая увеличила число переселенцев. Поэтому было необходимо изыскивать новые территории для их водворения. В 1909–1910 гг. Н. Н. Козьминым и М. С. Богдановым было проведено исследование хакасских хо-

зяйств с целью определения нормы надела для размежевания земель и выявления «излишек».

Исследование показало, что процент хозяйств, имеющих запашку, вырос незначительно [6, с. 28]. Что же касается распределения хозяйств по количеству пахотной земли, то крупных хозяйств (более 15 десятин) в Абаканской управе не было, а в Аскизской – 2,5 % от всех, имеющих запашку; средних хозяйств (5–15 десятин) – 12,3 % и 35 % соответственно; мелких (менее 5 десятин) – 87,7 % и 62,5 % соответственно [6, с. 29]. Соответственно, земледелие как было, так и осталось вспомогательной отраслью хакасского хозяйства. Что касается скотоводства, то здесь наблюдается количественное увеличение численности голов скота, в среднем в 1,8 раз [6, с. 24]. Результатом обследования стало утверждение нормы надела для хакасов Абаканской управы – в 61,3 десятины на душу мужского пола, а для Аскизской – 31,3 десятины. В реальности же средний надел для Аскизской управы составил 18–20 десятин, для Абаканской – 30–35 десятин [6, с. 23]. Следует отметить, что землеустройство хакасов проходило параллельно с административной реформой, по которой, во-первых, все «инородцы» Ачинского и Минусинского округов переводились в разряд оседлых, во-вторых, управы преобразовывались в волости [8, с. 245]. Учитывая, что нормы наделов были значительно ниже фактического землепользования, огромные территории в 518 тыс. десятин были отрезаны как излишки и поступили в казну только у хакасов Минусинского уезда [5, с. 12].

Таким образом, землеустроительная политика в Енисейской губернии пережила несколько этапов. Первый – до 1890-х гг. В этот период не существовало каких-либо законодательных актов, регулировавших землепользование в Сибири. Основой было захватное право. Второй – 1890–1907 гг. – период, когда правительство утвердило законодательно землеустройство. Третий период – с 1907 г., в этот период под влиянием потребностей возросшего потока переселенцев правительство активно проводило экспроприации земель, в том числе у коренного населения.

Литература

1. Головачев Д. Частное землевладение в Сибири // Сиб. вопр. – 1905. – № 1. С. 122–170.
2. Григорьев В. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края / В. Ю. Григорьев. – СПб. : Типогр. М. Стасюлевича, 1906. – 133 с.
3. История Сибири. – 1968. – Т. 3. – 530 с.
4. История Хакасии. – М. : Наука, 1993. – 525 с.

5. Козьмин Н. Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии / Н. Н. Козьмин. – Красноярск : Изд. Краснояр. комитета партии социалистов-революционеров, 1917. – 24 с.

6. Козьмин Н. Н. Материалы для определения норм скотоводческого хозяйства в Минусинском крае / Н. Н. Козьмин. – Красноярск, 1918. – 44 с.

7. Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в период капитализма / В. А. Степынин. – Красноярск : изд. КГПИ, 1962. – 561 с.

8. Шерстова Л. И. Тюрки и русские Южной Сибири / Л. И. Шерстова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.

ШЕРИН Е. А.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Современный промышленный комплекс Кемеровской области сформировался в относительно короткий промежуток времени (главным образом в течение XX в.) в результате выполнения мероприятий, направленных на скорейшее решение крупных общегосударственных задач. Его ускоренному развитию и углепромышленной специализации способствовали, прежде всего, колоссальные запасы угля и их благоприятное территориальное сочетание с другими природными ресурсами: минеральными (прежде всего железорудными), водными, земельными и лесными. Общегеологические запасы углей Кузнецкого бассейна, почти целиком расположенного в Кемеровской области, до глубины 1600 м оценены более чем в 700 млрд т, из них пригодных для коксования – 270 млрд т [7].

Вслед за Б. М. Ишмуратовым (2003) мы считаем, что выделение исторических этапов должно определяться определенными экономическими «вехами», например, ввод Транссибирской железнодорожной магистрали в эксплуатацию, начало формирования Урало-Кузнецкой угольно-металлургической базы страны и т. д. Такой подход позволил нам выделить 5 вех в историческом процессе формирования угольной промышленности области.

История угольной промышленности Кузбасса насчитывает почти 3 столетия. В 1721 г. рудознатец Михайло Волков обнаружил на правом берегу реки Томь выход на поверхность каменноугольных пород – горелую гору. Это можно считать *первой* вехой развития угольной промышленности Кузбасса. В 1842 г. геолог П. А. Чихачев оценил запасы угля Кузнецкой котловины и ввел термин «Кузнецкий бассейн». Первые попытки добычи каменно-

го угля для промышленных целей относятся к концу XVIII в. Начало регулярной добычи угля в бассейне датируется лишь серединой XIX в. Однако вплоть до конца XIX в. использование уникальных угольных ресурсов Кузбасса было значительно ниже его возможностей. В 1860 г. удельный вес Кузбасса в общероссийском объеме добычи угля составлял всего 0,3 %.

Второй вехой в развитии угольной промышленности Кузбасса явился, по нашему мнению, ввод в эксплуатацию участка Транссибирской железнодорожной магистрали (1897 г.), прошедшего по северной части области. Железная дорога предопределила рост объемов добычи угля: за период с 1900 по 1917 г. – в 16 раз: с 16 до 1 257 тыс. т [2]. Промышленное развитие происходило локально и ограничивалось строительством шахт в северной части области (Анжеро-Судженский угленосный район) и в районе пос. Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий), куда от станции Юрга была проложена железнодорожная ветка. Остальные районы Кузбасса промышленное развитие не затронуло. Уголь использовался главным образом железнодорожным транспортом, поставлялся на Урал и в Поволжье, особого применения в Кузбассе не имел из-за отсутствия здесь крупной промышленности.

После Октябрьской революции реконструируются созданные ранее шахты и строится ряд новых в Анжеро-Судженском, Кемеровском, Ленинск-Кузнецком угленосных районах, начаты работы по освоению Прокопьевско-Киселевского района. Создание и ввод в строй крупных угледобывающих предприятий сопровождалось ликвидацией мелких малопроизводительных шахт. Общий объем добычи угля к концу 1920-х гг. в сравнении с 1917 г. увеличился на 87 %, однако удельный вес региона в общероссийской добыче угля продолжал оставаться небольшим – в 1928 г. 6,7 % [4]. Основным районом угледобычи оставался Анжеро-Судженский. В результате мероприятий по механизации и рационализации труда шахтеров выработка на одного рабочего с 1921 по 1928 г. увеличилась вдвое. В конце 1920-х гг. на долю угольной промышленности приходилось около 50 % всей численности рабочих, занятых в промышленном производстве области. В эти годы шел трудный и сложный процесс превращения вчерашних крестьян, многие из которых являлись отходниками, в индустриальных рабочих. Социальные условия жизни рабочих оставались крайне неблагоприятными [3].

К 1926 г. была достроена железная дорога от Кольчугино через Белово до станции Новокузнецк, от которой проложена ветка

Белово – Гурьевск [4]. В дополнение к ранее существовавшим городам – Кузнецку, Мариинску, Тайге, сформировались новые – Кемерово и Ленинск-Кузнецкий. Их появление связано с началом разработки угля на прилегающих территориях.

Третьей вехой можно считать решение правительственных органов государства о создании в стране новой Урало-Кузнецкой металлургической базы (1930 г.). К этому времени в регионе функционировало 11 небольших шахт и штолен, дававших чуть более 2 млн т угля в год. В техническом отношении все они были несовершенны и по уровню механизации значительно уступали шахтам Донбасса. В 1928–1940 гг. в Кузнецком бассейне развернулось интенсивное строительство новых шахт. Вступили в строй шахты: «Коксовая», «Зиминка 1-2», № 3-3-бис (г. Прокопьевск); «Капитальная-2», «Новожуриная» (г. Анжеро-Судженск); «Капитальная-1» (г. Киселевск) и «Северная» (г. Кемерово). Одновременно проводились работы по разведке и подготовке новых шахтных полей в Кемеровском, Прокопьевском, Ленинск-Кузнецком, Киселевском и других угленосных районах. Уже к 1940 г. в Кузбассе работало 44 шахты, добыча угля возросла до 21,1 млн т. Наиболее крупным районом по добыче угля стал Прокопьевский, немаловажную роль играли Осинниковский, Киселевский и Араличевский, обладавшие огромными запасами высококачественных коксующихся углей, необходимых металлургии. Изменилась и технология угледобывающих работ: лошадей заменили электровозы, кайлу – отбойные молотки и врубовки, корытки – конвейеры. Удельный вес механизированной добычи в 1937 г. составил в среднем по бассейну 77 %, в том числе на шахтах Анжеро-Судженского района и на угледобывающих предприятиях южной части бассейна – 100 %. Удельный вес коксующихся углей составил 40 % [3].

В период с 1930 по 1940 г. производство валовой продукции в Кузбассе возросло в 42 раза, в том числе средств производства – в 49 раз. В 1937 г. на систему угольно-металлургических производств, химическую промышленность и выпуск производственного оборудования приходилось свыше 80 % всей промышленной продукции Кузбасса. По производственной мощности регион стал занимать пятое место по СССР.

Рост промышленного производства потребовал и дополнительных трудовых ресурсов. Обеспечение рабочими кадрами решалось, с одной стороны, за счет их привлечения из деревень, сел, других районов страны, с другой стороны – созданием сис-

темы лагерей (ГУЛАГ). В результате численность населения Кузбасса резко возросла с 718 тыс. чел. в 1926 г. до 1 654 тыс. чел. – в 1939 г. К существовавшим ранее 5 городам и 7 рабочим поселкам прибавилось соответственно 8 и 18. Доля городского населения увеличилась с 21 % до 56 %. Возникновение и развитие г. Прокопьевска, Ленинска-Кузнецкого, Анжеро-Судженска, Киселевска, Осинников напрямую связано с угольной промышленностью, Сталинска (ныне г. Новокузнецк) – угольной промышленностью и черной металлургией.

В годы Второй мировой войны Кузбасс не только не снизил, а наоборот увеличил выпуск продукции угольной промышленности. За счет строительства новых угольных шахт и более полного освоения имеющихся мощностей добыча угля возросла на 35 %. Основные объемы добычи пришлось на районы г. Прокопьевска и Киселевска, где условия залегания и мощность пластов позволяли с меньшей затратой трудовых средств и времени получать качественные коксующиеся марки углей.

В послевоенное время в угольной промышленности практически не меняется технология производства, но благодаря отказу от выборочной выемки снижаются потери угля. За период с 1945 по 1988 г. происходит неуклонный рост объемов добычи (с 29 млн т до 159). Строятся новые крупные шахты и разрезы, обогатительные фабрики, началось освоение нового Томь-Усинского угленосного района на юге области.

В целом к середине 1980-х гг. была сформирована в современных чертах функциональная и территориальная структура промышленности региона. Базовой стала система угольно-металлургических производств, на основе которой возникли химическая промышленность, машиностроение, энергетика, а также работающие на их нужды строительная индустрия и направленные на обеспечение внутренних потребностей и трудоустройства женского населения легкая и пищевая. Продукция первых четырех (базовых) отраслей стала занимать основное место в валовом объеме производства.

Четвертую веку развития угольной промышленности можно соотнести с начавшимся в конце 80-х гг. экономическим кризисом в стране, со всей остротой проявившимся и в Кузбассе. С 1989 г. отмечено падение объемов добычи угля, которое продолжалось до 1997 г. Этот этап нами выделен как депрессивный (кризисный).

Реализация в начале 1990-х гг. программы реструктуризации угольной промышленности не принесла ожидаемого эффекта [5].

В Кузбассе было закрыто 35 нерентабельных угледобывающих предприятий [6]. При этом не было уделено достаточного внимания созданию новых рабочих мест, возможности профессиональной переподготовки высвобождающихся кадров. Уменьшилась продолжительность жизни. Численность населения стала снижаться за счет сокращения рождаемости и увеличения смертности, а также за счет миграции за пределы региона.

Пятой вехой в развитии угольной промышленности можно считать новый этап возрождения экономики области, как и в России в целом, начавшийся прежде всего в промышленном производстве в 1997 г. Наблюдается рост объемов добычи угля. Этому способствовал ряд мер (указов, постановлений), принятых Правительством РФ. С 1997 по 2002 г. добыча угля увеличилась с 93,7 до 131,7 млн т, ежегодно рост составил около 9 млн т. Таких темпов Кузбасс не знал за всю историю своего развития. В 2010 г. впервые за всю историю бассейна было добыто 185 млн т угля, что на 3,7 млн т больше, чем в 2009 г. Коксующихся марок угля добыто 50 млн т, что на 3,8 млн т ниже уровня 2009 г. [1]. К 2020 г. добыча должна достигнуть 200 млн т.

Выводы:

1. В промышленном развитии Кузбасса выделяются пять этапов, связанных с важными экономическими «вехами», коренным образом повлиявшими на производственную и территориальную структуру угольной промышленности.

2. Формирование современной функциональной и территориальной структуры угольной промышленности произошло преимущественно на третьем этапе ее развития (1930–1980-е гг.).

Литература

1. Добыча угля в Кузбассе в 2010 г. выросла на 2 % [Электронный ресурс] // Сибирский деловой портал. – URL: <http://sibdepo.ru/index.php?newsid=12543>.
2. Ильичев А. И. Кузбасс. Ресурсы. Экономика. Рынок / А. И. Ильичев, М. П. Виткин. – Кемерово : Кемеров. полиграфкомбинат, 1995. – 228 с.
3. История Кузбасса. Ч. 3 / под ред. В. В. Банникова. – Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1970. – 224 с.
4. Колобков М. Н. Кемеровская область. Природные и экономические ресурсы и перспективы хозяйственного освоения / М. Н. Колобков. – Новосибирск, 1950. – 205 с.
5. Основные направления реструктуризации угольной промышленности России / Правительство России. – М., 1995.
6. Тулеев А. М. Уголь России в XXI веке: Проблемы и решения / А. М. Тулеев, С. В. Шатилов. – М. : Коллекция Совершенно секретно, 2002. – 304 с.
7. Шерин Е. А. Углеэнергетический цикл на территории Кемеровской области / Е. А. Шерин, В. А. Рябов // Природа и общество: взгляд из прошлого в будущее : материалы XVII науч. конф. молодых географов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 2011. – 236 с.

**ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ОСНОВАТЕЛЬ
Б. А. МИЛЮТИН В ЖИЗНИ ИРКУТСКА 60-70-Х ГГ. XIX В.**

В Сибири второй половины XIX в. заметным явлением стало создание обществ. Начало положено в 1851 г. открытием в Иркутске Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (СОИРГО). В 1863 г. открывается Общество врачей Восточной Сибири в г. Иркутске. Также одним из первых обществ Иркутска стало Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества, созданное инициативной группой во главе с Б. А. Милютиным в 1867 г. Общим собранием членов отделения разработали устав, и в мае 1868 г. вышла из печати брошюра «Инструкция для Восточно-Сибирского отделения русского технического общества», состоящая из 17 параграфов. Отделение учреждалось «для успешности содействия целям Русского Технического общества». Делами отдела ведал распорядительный комитет. «Отделению предоставлено право издавать известия или записки, в которых, кроме сведений о своей деятельности, печатать труды своих членов и посторонних лиц, имеющих соотношение к предметам его занятий» [1, с. 229].

Работа Восточно-Сибирского отделения строилась по принципу самостоятельных комиссий (сельскохозяйственной, коннозаводства, горного и золотодобывающего дела, химикотехнической, строительно-механической). Общество быстро приобрело популярность в Иркутске. Много слушателей привлекали технические беседы, организуемые с осени 1867 г. раз в месяц по вечерам. Темы обсуждали разные: «к вопросу об амальгамации золота посредством гальванического тока», «исследования о вентиляции», «о промышленных заведениях г. Иркутска», «способы определения чистоты воздуха», «о предположениях относительно устройства фундамента нового кафедрального собора», «о применении микроскопа в золотопромышленном деле» и др.

На заседаниях технического общества рассматривались изобретения, демонстрировались опытные образцы, к примеру, машина для очистки кедровых орехов от скорлупы или способы получения керосина из угля. Технические беседы проводились с разной периодичностью вплоть до 1876 г. Немало слушателей привлекали беседы по сельскохозяйственной тематике, отражающие как правовые вопросы землепользования, так и практи-

ческие советы по сельскому хозяйству и огородничеству. С 1870 г. регулярно ежемесячно, затем почти еженедельно проводились беседы на разнообразные актуальные темы. Например: «о порядке пользования землями на общинных началах...»; «о необходимости образовать опытных мерщиков из крестьян и инородцев»; «о системах полеводства, подлежащих введению взамен существующих»; «искусственное орошение хлебопахотных земель и сенокосных лугов...»; «о мерах по улучшению пород домашнего скота»; «о введении правильной порубки лесов в ограждении их от пожаров»; «о возможности устройств в Восточной Сибири на коммерческих основаниях образцовых ферм»; «вопросы о сельских кредитах» и проч.

«Протоколы сельскохозяйственных бесед» публиковались в газете «Иркутские губернские ведомости» в виде статей, некоторые перепечатывались затем отдельными брошюрами. Серии подобных книжек представляли массовый интерес по актуальным для крестьян проблемам землеустройства.

Членами технического общества в губернии создавались опытные образцовые сельскохозяйственные усадьбы, фермы, питомники. Интересна деятельность члена сельскохозяйственной комиссии М. А. Шестакова. В 1875 г., арендовав у города на 15 лет землю «на думской заимке» по р. Кае, он «устроил опытный питомник и сад для акклиматизации растений, посеял образчики разных родов огородных овощей, злаков и кормовых трав, в числе их некоторые, например, японская редиска, новость для Иркутска», – сообщалось в местной печати [1, с. 325]. В 1876 г. министр государственных имуществ, оценив общественную значимость трудов Шестакова, для его опытного питомника «разрешил бесплатный отпуск семян и растений из разных ботанических и земледельческих учреждений» [1, с. 342–343]. М. А. Шестаков отчитывался о работе на заседаниях сельскохозяйственной комиссии, один из его докладов «Об устройстве опытного питомника растений» был опубликован отдельной книгой в 1875 г.

Просветительские и популяризаторские функции обществ этого периода являлись определяющими. Часто мероприятия проводились сообща. Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества при участии СОИРГО в Иркутске организовало с разрешения министра государственных имуществ и финансов первую публичную сельскохозяйственную и мануфактурно-ремесленную выставку, работавшую с 12 по 22 октября 1868 г. Впервые в Сибири была представлена картина экономиче-

ского состояния края. Более двух тысяч экспонатов разместили в одиннадцати комнатах и в специальных помещениях во дворе. Успеху выставки способствовала большая предварительная работа. Кроме сообщений в газетах, в типографии Н. Н. Синицына напечатали «Объявление об устраиваемых в Иркутске публичных выставках» – программу, подробно объяснявшую цели и задачи выставок, помогая в подборе экспонатов.

Сельскохозяйственный комитет в августе 1869 г. успешно провел выставку цветов. В сентябре по инициативе комитета коннозаводства в Иркутске три дня работала выставка лошадей местного производства, завершившаяся скачками на ипподроме. Значение подобных мероприятий подчеркивалось присутствием высоких гостей – от Главного управления государственного коннозаводства был делегирован полковник граф О. Рурк. В ноябре 1869 г. в Иркутске три недели работала вторая «Сельскохозяйственная, мануфактурно-ремесленная и фабричного производства края» выставка. Часть экспонатов из Амурского края не успела прибыть вовремя из-за сложности пути. Поэтому в январе организовали в помещении реальной прогимназии дополнительную выставку, в течение недели ее могли посетить бесплатно все желающие.

Выставки имели большой общественный резонанс, их деятельность широко освещалась в печати. Отчеты публиковались в газете «Иркутские губернские ведомости». В типографии Н. Н. Синицына напечатаны подробные описания и полные каталоги предметов прошедших выставок. Кроме того, в 1868 г. отдельно издано «Описание Иркутской выставки». По ноябрьской выставке 1869 г. в губернской типографии в 1870 г. также напечатали отдельную книгу.

Важную инициативу в 1872 г. проявили совместно техническое и географическое общества по празднованию 200-летия со дня рождения Петра I. На объединенном собрании в феврале решили образовать особый капитал для организации различных благотворительных мероприятий за счет проведения в зале музея девяти платных общих заседаний. На этих заседаниях члены обоих обществ делали сообщения по разным темам. 28 мая провели музыкально-литературный вечер, а в день юбилея, 30 мая – спектакль. Собранные средства, вместе с пожертвованиями, юбилейная объединенная комиссия направила на образование стипендий имени Петра I. «С целью дать возможность сибирским уроженцам, посвящающим себя техническому делу, начав свое

образование здесь, в пределах Сибири, дополнить его, для пользы родного края, в высших учебных заведениях России или за границей» [1, с. 274].

Среди заслуг Восточно-Сибирского отделения и его председателя Б. А. Милютин – открытие в Иркутске Технического училища. Эта актуальная для Иркутска тема широко обсуждалась, предлагались различные варианты учебного заведения. Но дело об открытии технического училища долго стопорилось по разным причинам, а решение пришло неожиданно.

В 1873 г., впервые через всю Сибирь, с Дальнего Востока в Петербург проследовал представитель царской семьи Великий князь Алексей Александрович. И во время его знакомства с учреждениями Иркутска в Общественной реальной прогимназии Б. А. Милютин при передаче великому князю приветственного адреса и печатных трудов отделения технического общества «объяснил причины столь ничтожного развития технического дела в В[осточной] С[ибири], указывая как на главные из них на отсутствие гарантии капитала и на неимение местного технического училища и просил Е[го] В[ысочество] принять на себя звание почетного покровителя отдела и попечителя технического училища» [1, с. 295]. Решение об учреждении в Иркутске среднего специального учебного заведения, выпускавшего дипломированных техников, было принято еще по дороге в столицу, подписано в Курске 19 августа 1873 г.

В дальнейшем Техническое училище в Иркутске будет преобразовано в Промышленное училище, в здании которого сейчас располагается биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета. (И вместе с Горным училищем оно станет основой будущего Иркутского политехнического института.)

Главным инициатором и организатором, затем председателем Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества являлся Б. А. Милютин. После окончания в 1851 г. Санкт-Петербургского университета он в 1859 г. прибыл в Сибирь на службу чиновником особых поручений при генерал-губернаторе, затем исполнял и другие должности в Главном управлении Восточной Сибири, в том числе председателя Иркутского губернского суда.

Заслуживает освещения пятнадцатилетняя государственная и общественная служба в Сибири Б. А. Милютина. Он младший брат известных российских государственных деятелей второй половины XIX в. Д. А. Милютин – граф, генерал-фельдмаршал, крупный специалист в области военно-исторических наук, док-

тор истории, профессор и почетный член нескольких университетов и член-корреспондент академий, пожизненный член Государственного Совета, военный министр. Н. А. Милютин – директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, затем заместитель министра, один из основных разработчиков реформы по отмене крепостного права, а также по началу русского городского и земского самоуправления и проведения целого ряда реформ.

В отличие от старших братьев, информация о Борисе Алексеевиче Милютине (1830–1886) в энциклопедиях почти отсутствует. В справочных изданиях не упоминалось, что он родной брат тех самых Милютиных. Старшие братья поддерживали его в начале карьеры, особенно Николай Алексеевич, но родство не афишировали. Конечно, Борис не такая величина, как Дмитрий и Николай, однако в истории Восточной Сибири, Иркутска фигура весьма заметная.

Это активный общественный деятель, инициатор и вдохновитель многих полезных общественных начинаний в Иркутске. Велика его заслуга в открытии первой в городе общедоступной женской гимназии, мужской и женской воскресных школ, городской публичной библиотеки, библиотеки реальной прогимназии. Милютин приложил немало сил и к устройству городских литературно-разговорных вечеров, и к организации проведения первого съезда педагогов Восточной Сибири. Он в числе инициаторов создания в Иркутске «Общества для распространения грамотности в народе», член многих благотворительных комитетов и попечительств. По инициативе надворного советника Б. А. Милютина в Иркутске создано и под его председательством действовало потребительское общество «Сбережение».

Б. А. Милютин не только чиновник и активнейший общественный деятель, но и писатель, опытный журналист и редактор-издатель периодической прессы. С 1860 г. Милютин участвовал в издании, а затем в 1861–1862 гг. самостоятельно издавал и редактировал первую иркутскую частную газету «Амур», после ее закрытия основал в 1864–1868 гг. собственную газету «Сибирский вестник». Входил в редакционный совет СОИРГО, редактировал его некоторые издания.

По инициативе и под руководством Б. А. Милютина в Иркутске стали издаваться «Известия о деятельности Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества», программа которых включала публикацию материалов по прикладным видам техники, о научно-технических достижениях, отра-

жала разнообразные темы. Первые шесть выпусков «Известий» в 1869–1872 гг. напечатаны иркутской типографией Штаба военного округа. Последний, седьмой выпуск «Известий», подготовленный в Иркутске, напечатан уже в столице, после отъезда Б. А. Милютина в Санкт-Петербург в конце 1873 г.

В 1870 и 1871 г. изданы «Труды» общества, выпущено несколько книг в типографиях Н. Н. Сеницына и Штаба военного округа. Ежегодно публиковались отчеты общества и протоколы годовых заседаний общего собрания, а также отчеты каждой из комиссий отдела. Выходили в виде книг прочитанные ранее доклады. Напечатаны несколько выпусков «Материалов к исследованию состояния коннозаводства в Восточной Сибири», книга Н. С. Коперницкого «Краткое наставление к разведению некоторых хозяйственных растений, примененное к местностям Восточной Сибири», «Отчет по образцовой крестьянской усадьбе за первый год», два объемных выпуска «Справочной книги для золотопромышленников», «Описание подвижной золотопромывальной машины, изобретенной Коузовым и удостоенной на Всероссийской политехнической выставке Большой золотой медали».

Без Милютина деятельность Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества постепенно почти прекратилась, частично влившись в географическое общество. Комитеты позднее преобразовались в самостоятельные общества. Вместо сельскохозяйственного комитета было образовано Иркутское сельскохозяйственное общество, действовавшее до 1918 г. Комиссия горного дела и золотодобычи в 1880 г. распоряжением генерал-губернатора преобразована в Комитет по вопросам золотопромышленности.

Но отъезд Б. А. Милютина в столицу не прервал его связи с нашим краем. В 1875 г. он задумал издание сборника историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах, привлекая к участию в нем сибирских авторов. Цель издания – «ознакомление читающей публики с прошедшим и настоящим положением Сибири» [1, с. 324]. Два тома «Сборника» напечатаны в Санкт-Петербурге в 1875–1876 гг. В это же время он издает книгу «Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Милютин являлся одним из учредителей и первым председателем Общества пособий учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам. И уже после смерти Б. А. Милютина в «Историческом вестнике» (1888, № 11 и 12) опубликованы его воспоминания: «Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири» [2].

Литература

1. Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / сост. Н. С. Романов ; под ред. И. И. Серебренникова // Тр. Вост.-Сиб. отдела Император. рус. геогр. об-ва. – Иркутск, 1914. – № 8. – 426 с.

2. Милютин Б. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний) // Ист. вестн. – 1888. – Т. XXXIV, № 11–12.

ШПИКЕЛЬМАН Р. Ю.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ (1920-Е ГГ.)

XX столетие стало веком науки. В его рамках не только сделаны многие фундаментальные открытия, но научно-исследовательская деятельность стала уделом, образом мышления и жизни для миллионов людей по всей планете. 1917 г. стал переломным для общественного научного движения России. Изменение социально-политической ситуации в стране поставило перед ним альтернативу: либо уйти с исторической арены, либо, трансформировавшись, приспособиться к новым условиям.

Основными исследовательскими организациями в Сибири в этот период являлись структуры Русского географического общества, а действовавший в Иркутске Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО) остался единственным отделом РГО за Уралом, не прекратившим своей деятельности во время революции и Гражданской войны. В революцию 1917 г. отдел вошел под руководством Распорядительного комитета (РК). Его штатными работниками являлись Н. Н. Карамзинский (председатель с 1908 г.), И. И. Серебренников (правитель дел – правдел), Н. Н. Богородский (консерватор музея), Р. С. Пророков (зав. астрономической обсерваторией), А. Н. Кузнецова (зав. библиотекой) и В. В. Сказываев (казначей) [23, л. 14].

В регионе продолжил работу и ряд других общественных организаций научно-исследовательского толка. Так, в Иркутске в 1917 г. действовали Общество изучения Сибири (пред. М. А. Кроль), Народный университет, Военно-просветительное общество, Общество самообразования, Университетская комиссия, Агрономическое общество (Х. Х. Зиверт), Общество инженеров Восточной Сибири (В. Можаров) и др. В Тулуне в 1917 г. возобновил свою активную деятельность Отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (рук. Г. С. Виноградов и И. А. Евсенин) [4, л. 2; 47, с. 24; 44, с. 237, 255; 42, с. 547].

Иркутск в рассматриваемый период являлся второй культурной и научной столицей Сибири. Поэтому именно здесь состоялся Первый Сибирский областной метеорологический съезд (февр. 1917 г.), принявший решение о создании Института исследования Сибири (ИИС). Его учредительный съезд состоялся в Томске (15 янв. 1919 г.). Съезд учредил в Иркутске Средне-Сибирское отделение ИИС, открывшееся под руководством В. Б. Шостаковича 25 апреля 1919 г. Институт был закрыт 5 июня 1920 г. В Томске в 1921 г. был созван Второй съезд по исследованию Сибири, делегаты которого представляли ИИС. По причине отсутствия государственного финансирования эта структура вскоре распалась [41, с. 54; 46, с. 980; 47, с. 1, 12].

Общественные научные организации содействовали образованию новых учебных учреждений, так, ВСОРГО активно участвовал в работе структур, занимавшихся организацией университета, и в 1917–1918 гг. отдел фактически являлся координатором работы по открытию ИГУ, им проводились мероприятия по сбору пожертвований среди предпринимателей и населения. После открытия первенца высшего образования Восточной Сибири ВСОРГО постоянно оказывал ему посильную помощь оборудованием и экспонатами, предоставлял свои помещения для проведения занятий, открыл доступ его преподавателям в библиотеку отдела. Особенно велико было участие отдела в создании научной библиотеки вуза, ей в течение 20-х гг. были переданы тысячи книг, в том числе и раритеты [6, л. 2; 7, л. 3; 14, л. 39; 17, л. 2; 18, л. 16; 19, л. 126; 20, л. 105; 24, л. 2, 24, 25, 53].

С открытием в октябре 1918 г. в Иркутске госуниверситета повысился градус научной жизни региона. Преподаватели и ученые, бежавшие от большевиков и поступившие на службу в университет, влились в общественные научные организации и в первую очередь во ВСОРГО. Среди них проф. В. И. Огородников, А. М. Селищев, В. К. Абольд, доц. Б. Э. Петри и др. В отдел вступили и некоторые молодые иркутяне, получившие высшее образование в столичных университетах и возвратившиеся в Иркутск, например, Г. С. Виноградов, М. В. Муратов, А. Н. Турунов, П. К. Казаринов, В. И. Подгорбунский. Третьим источником пополнения отдела стала творческая молодежь: Е. И. Титов, П. П. Хороших, А. М. Попова, Г. В. Ксенофонтова [1, с. 60].

Исследование природы Байкальской Сибири являлось основным направлением их работы. Даже в 1917 г. удалось организовать стодневную экспедицию сотрудника Отдела этнографа

М. М. Хангалова в Забайкальскую область и Верхнеленский уезд Иркутской губернии. В том же году В. Ч. Дорогостайский продолжил свои работы по изучению Байкала. Революция и гражданская война приостановили экспедиционную деятельность, и только в 1919 г. отдел смог вернуться к ней. В основном это были гидрологические исследования, под руководством И. Ф. Молодых, С. Г. Пархоменко по рекам Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара, Чикой, Хилок и др. [23, л. 14; 24, л. 31; 39, л. 47].

Окончание Гражданской войны означало наступление нового этапа в истории общественных научно-исследовательских организаций. Для представителей научной общественности стало ясно, что новая власть и новый строй – это надолго, и с ними надо ужиться. Двадцатые годы – это время компромисса между властью и наукой, необходимость которого понимали и те, и другие. Советская власть нашла устраивавшую ее форму существования общественных научно-исследовательских организаций – краеведческое движение. Эта формула позволяла ограничить деятельность этих организаций изучением мелких локальных проблем и обеспечить местным органам власти возможность их использования в качестве интеллектуально-пропагандистских помощников. В декабре 1921 г. в Москве состоялась первая Всероссийская конференция обществ по изучению местного края, созванная академическим центром Наркомпроса, в ее работе приняли участие представители 67 организаций, в том числе и ВСОРГО. Конференция образовала Центральное бюро краеведения при Российской АН [9, л. 12].

В разоренной стране, да еще в глубокой провинции эти процессы имели свою специфику. Весной 1920 г. под благовидным предлогом обеспечения сохранности коллекций музея началось наступление местных властей на собственность ВСОРГО. Отстоять удалось только библиотеку [36, с. 190].

Несмотря на все трудности, ВСОРГО возобновил экспедиционную и издательскую деятельность, восстановил связи с исследовательскими организациями страны и мира, увеличил количество членов отдела. Не имея средств для организации экспедиций, отдел использовал практику научных поручений. Так, 15 декабря 1920 г. его РК поручил инженеру Б. Н. Наследову при выполнении задания вновь организуемого Иркутского разведывательного бюро одновременно исполнять научные поручения ВСОРГО; а 13 мая 1921 г. – И. В. Овчинникову, выезжавшему в

Нижнеудинский уезд к карагасам для статистического обследования [6, л. 9; 24, л. 65] и др.

Затем ситуация с финансированием за счет новаций нэпа несколько улучшилась, и в 1921–1924 гг. членами ВСОРГО была проведена серия ежегодных экспедиций: О. А. Зеленкина и Т. А. Земляницкий проводили исследования по этнографии бурят в Балаганском уезде; П. П. Хороших – на о. Ольхон и северо-западном побережье Байкала; Г. С. Виноградов – в Тулунском уезде; В. И. Подгорбунский – в Бохане, Унге и Алари. Кроме этого, в 1921 г. В. Ч. Дорогостайскому удалось организовать стационарные исследования на Байкале и начать подготовку к регулярным экспедиционным работам, Г. П. Сосновскому организовать экспедицию в Балаганский уезд. В 1922–1925 гг. В. Н. Яснитский исследовал планктон и флору водорослей на оз. Байкал. В 1922 г. И. С. Пежемский произвел экспедиционное обследование Тельма-Усолье-Александровского заводско-промышленного района. В 1922 г. была организована экспедиция проф. С. Н. Лаптева, исследовавшая процессы образования донного льда и движения сыпучих песков в районе дельты Селенги. В 1923–1924 гг. Г. Ф. Дебец проводил исследования в долине р. Ангары и Абакана. В 1924 г. А. С. Герасимов произвел физико-географическое и экономическое обследование р. Баргузин. В 1924–1925 гг. А. В. Львов проводил геологические исследования в районе Забайкальской железной дороги в Хамар-Дабане и изучал вулканизм в Тункинской долине [7, л. 55, 61, 74; 10, л. 6, 7, 9; 25, л. 3; 38, с. 27; 40, с. 71; 33, с. 56].

Результаты исследований, прошедшие апробацию в секциях, публиковались в изданиях отдела. Этому направлению работы ВСОРГО уделял особое внимание. Принципиальное значение для исследователей имел выход первого после революции 1917 г. 46-го тома «Известий ВСОРГО». Он рождался в муках и издавался в три приема – в 1921, 1922, 1925 г. В 1921 г. ВСОРГО издал работу В. П. Никитенко «Тункинские минеральные источники» и С. С. Турова «К вопросу о баргузинском соболином заповеднике». В последующий период Отдел выпустил ряд удачных и популярных изданий: «Известия ВСОРГО» (т. 47–55). С 1922 г. издавался «Этнографический бюллетень» (№ 1–4), а с 1924 г. он был переименован в «Бюллетень ВСОРГО» (№ 5, 6). Значительное место в этих трудах отведено материалам по Бурятии. Эти работы ВСОРГО получили широкое признание – на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. отдел был удостоен Диплома

1-й степени за издательскую деятельность. Особую известность получил этнографический журнал «Сибирская живая старина» (7 кн.), выходивший с 1923 по 1928 г. В его первом выпуске был помещен «Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности», подготовленный П. П. Хороших. Издание оказалось настолько удачным, что в резолюции Второй Всесоюзной конференции по краеведению (дек. 1924 г.) оно было названо среди трех лучших местных краеведческих изданий страны [7, л. 32; 8, л. 17; 10, л. 11; 12, л. 3; 13, л. 19; 28, л. 11; 2, с. 21; 3, с. 22].

Затем начался обратный процесс – отъезд членов научных объединений в центральные районы страны. Так, за период с 29 апреля 1923 г. по 1 мая 1924 г. Иркутск покинули А. Е. Топорнин, А. В. Арсентьев, Г. И. Решетников, А. Я. Булынников, В. И. Трушлевич, И. А. Фомичев и другие руководители и активисты отдела. Члены ВСОРГО, уехавшие из Иркутска, сохраняли с ним связи. Так, А. Н. Турунов, М. В. Муратов и А. Н. Топорнин образовали в 1924 г. представительства отдела в Москве и Ленинграде [10; л. 3; 12, л. 25; 35, с. 13]. Они помогали в решении многих важных вопросов, в том числе финансовых, и обеспечивали координацию центральных и местных научных и исследовательских организаций.

Весной 1924 г. специалисты и ученые, приехавшие в столицу с Урала, Сибири и Дальнего Востока, организовали организацию «Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока» в составе 300 человек. В ней оказалось немало бывших жителей Байкальского региона. Общество получило поддержку студентов соответствующих районов, обучавшихся в столице. Реально работать общество начало с 1925 г., когда приступило к изданию научного журнала «Северная (затем Советская. – Р. Ш.) Азия» (до 1931 г.) [45, с. 45].

Продолжался рост общественного научного и исследовательского движения, так, в декабре 1925 г. в Иркутской губернии действовало 11 общественных исследовательских организаций: Иркутское общество естествоиспытателей, Краеведческая секция при Доме работников просвещения, Научный студенческий кружок краеведения при госуниверситете, Краеведческий кружок Иркутского педтехникума, Краеведческий кружок при Киренском педтехникуме, Общество изучения Черемховского района, Слюдянское краеведческое общество, Краеведческий кружок Нижне-Илимска, Тулунское общество краеведения, Куйтунский филиал Тулунского общества, Краеведческий кружок при Куй-

тунской школе II ступени, Краеведческий кружок Нижнеудинской школы II ступени [27, л. 20; 46, с. 982].

Общественные научные и исследовательские организации не ограничивались изучением близлежащей местности, уже в середине 1920-х гг. проявилась тенденция их координации в масштабах регионов и страны. Этому способствовало и решение Пятой сессии Центрального бюро краеведения при Российской академии наук (1923 г.), разделившей Сибирь и Дальний Восток на пять районов: Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Владивостокский. Координатором Иркутского района был определен ВСОРГО. Учитывая реальное положение дел, сессия ЦБК передала ВСОРГО полномочия представителя ЦБК по Восточной Сибири [26, л. 3; 34, 88; 43, с. 1, 3].

ВСОРГО сформировал Оргбюро, организовавшее центральное событие для Байкальской региональной общественной науки 1920-х гг., – Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд (Иркутск, янв. 1925 г.), в работе которого приняли участие представители 14 организаций Бурятии, 12 иркутских и 1 забайкальской организации. Более широкому представительству научных и исследовательских организаций региона помешала ограниченность их финансовых возможностей. В мае 1926 г. в связи с отъездом из города его председателя – заведующего губернским отделом народного образования М. Е. Золоторева, председателем Оргбюро избран Н. Н. Козьмин [37, с. 65].

Председатели ВСОРГО постоянно участвовали в работе руководящих краеведческих органов страны и республики. Так, в 1925 г. П. К. Казаринов представлял Иркутский округ на Второй всесоюзной конференции по краеведению, а в 1926 г. М. К. Азодовский – на сессии ЦБК. М. П. Соколов представлял отдел на Третьей Всероссийской конференции по краеведению (Москва, 1927 г.) и на Всесоюзной конференции (1930 г.). В декабре 1927 г. ВСОРГО принял от Оргбюро Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда делопроизводство и функции краеведческого бюро Иркутской губернии, а с 1928 г. исполнял обязанности Окружного бюро краеведения [3, с. 3; 7, л. 63; 11, л. 8; 12, л. 26; 14, л. 65; 15, л. 25; 22, л. 165; 23, л. 15; 24, л. 13; 43, с. 1].

ВСОРГО делегировал своих членов в руководящие структуры общественных и научно-исследовательских организаций. Так, в 1917 г. председатель Н. Н. Кармазинский являлся зампредседателем Исполкома общественных организаций г. Иркутска, а правдел И. И. Серебренников – делегатом Первого Сибирского обла-

стного съезда (Томск, окт. 1917), и был избран в состав Сибирского облсовета. Представители ВСОРГО приняли участие в работе первой Всероссийской конференции научных обществ и учреждений (Томск, январь 1922). В 1927–1929 гг. председатель Б. Д. Азадовский входил в состав Иркутского бюро ОИС и, как представитель ВСОРГО, в Новосибирске участвовал в организации Сибирского бюро краеведения. П. П. Хороших в 1928–1929 гг. совмещал обязанности ученого секретаря Иркутского бюро ОИС и ВСГО, А. М. Скородумов возглавлял Иркутскую окружную научно-исследовательскую секцию ОСОАВИАХИМа и т. д. [18, л. 16; 23, л. 15].

Процессы консолидации научной общественности развивались и в границах Сибирского края. В 1925 г. в Новосибирске была создана центральная организация Общества изучения производительных сил Сибири (ОИС). На второй год работы ОИС организовал и провел Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд (дек. 1926 г.). В его работе участвовала делегация иркутских ученых в составе Н. Д. Бушмакина, Г. Ю. Маннса, Н. Н. Козьмина, П. К. Казаринова, В. Ч. Дорогостайского. Съезд возложил на ОИС функции сибирской ассоциации краеведения и научно-исследовательских организаций и избрал его правление. В соответствии с решением съезда о создании филиальной сети 13 ноября 1927 г. в Иркутске состоялось организационное заседание Иркутского бюро ОИС, ставшего его единственным филиалом в Восточной Сибири. На нем был избран президиум бюро под председательством Н. Д. Бушмакина. В 1929 г. в состав бюро входило 67 человек. Иркутское бюро, не имея исследовательских функций, решало задачу объединения, координации и планирования работы в регионе в интересах ассоциации, но сформировать свою филиальную сеть не смогло [5, л. 75; 21, л. 7].

Вместе с тем ВСОРГО с самого начала координировал научно-исследовательскую работу в Байкальской Сибири, так, в 1924 г. он по поручению Российского гидрологического института курировал анкетирование речного половодья в регионе. В 1927 г. Госплан РСФСР избрал отдел координатором местных организаций в разработке проблем изучения производительных сил. В 1928–1930 гг. по предложению сибирских краевых органов и ЦБК отдел провел работу по учету и организации экспедиций. В октябре 1929 г. Плановая комиссия Иркутского окрисполкома поручила ВСОРГО составление проекта «Общего плана НИР иркутских ученых на 1929/30 гг.» [3, с. 11; 15, л. 26; 24, л. 4; 43, с. 4].

В связи с образованием Восточно-Сибирского края, его оргбюро осенью 1930 г. поставило перед руководством ВСГО задачу формирования Общества изучения производительных сил Восточно-Сибирского края, в которое на правах отделов должны были войти научные общества, располагавшиеся на его территории. Работа была проведена, и с 16 октября 1930 г. стало существовать Краевое общество изучения производительных сил Восточной Сибири (КОИВС). Его председателем был избран Н. Н. Козьмин. В январе 1931 г. Общество состояло из семи отделов (Приенисейский, Иркутский, Бодайбинский, Бурят-Монгольский, Троицкосавский, Забайкальский, Восточно-Забайкальский). В регионе сложились благоприятные условия для широкого развития научно-исследовательского и краеведческого движений. Однако этот процесс был прекращен в июне 1931 г., когда КОИВС по требованию Москвы был реорганизован в массовое краеведческое общество [15, л. 74; 28, л. 8; 7, л. 60; 12, л. 17; 29, л. 14; 30, л. 107; 31, л. 50; 32, л. 112].

Литература

1. Азадовский М. Этнография в Сибири // Северная Азия. – 1926. – Кн. 5–6.
2. Бюл. ВСОРГО. Кн. 5. – Иркутск, 1924.
3. Бюл. ВСОРГО. Кн. 6. – Иркутск, 1925.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 63.
5. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 4а.
7. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 17.
8. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 24.
10. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 38а.
11. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 64.
12. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 65.
13. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 69.
14. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 84.
15. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 95.
16. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 106.
17. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 1.
18. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 53.
19. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 67.
20. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 68.
21. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 82.
22. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 2.
23. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 4.
24. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 7.
25. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 26.
26. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 30.
27. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 3. Д. 38.

28. ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 5.
29. ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 3. Д. 4.
30. ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 3. Д. 2.
31. ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 3. Д. 7.
32. ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 3. Д. 143.
33. Дорогостайская Е. В. Виталий Чеславович Дорогостайский / Е. В. Дорогостайская. – СПб. : Наука, 1994. – 54 с.
34. Жизнь Бурятии. – 1924. – № 2–3.
35. Зуляр Ю. А. Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди / Ю. А. Зуляр. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. – 75 с.
36. Зуляр Ю. А. Восточно-Сибирский отдел русского географического общества на грани эпох: люди и судьбы (1917–1931) // Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии : науч.-популяр. ист.-краевед. сб. – Иркутск, 2002. – Вып. 3. – 221 с.
37. Зуляр Ю. А. ВСОРГО как организатор и координатор краеведения в регионе (1917–1930) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск, 2000. – Ч. 1. – 180 с.
38. Изв. ВСОГО СССР. Т. 60. – Иркутск, 1962.
39. Изв. ВСОГО. Т. LIII. – Иркутск, 1927.
40. Изв. ВСОГО. Т. XLVII. – Иркутск, 1924.
41. Нестерович А. А. Институт исследования Сибири и реализация его идей в научных исследованиях Иркутского университета / А. А. Нестерович, В. В. Свинин // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск, 2000. – Ч. 1.
42. Казаринов П. К. Восточно-Сибирский отдел государственного русского географического общества // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. – Новосибирск, 1929.
43. Отчет ВСОГО с 1 мая 1924 г. по 1 октября 1925 г. – Иркутск, 1926.
44. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
45. Северная Азия. – 1925. – Кн. 1–2.
46. Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1931. – Т. 2.
47. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. – Томск, 1919.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Александров Е. Ю.</i> «Двоевластие» в Ангарске: Ангарское муниципальное образование и Ангарское городское поселение ...3	
<i>Баранов А. В.</i> Политическая система абхазии: проблемы институционального развития в условиях этнизированного государства8	
<i>Баишелханов А. Ю.</i> Правые консерваторы Иркутской области в борьбе за «третий путь». Уроки прошлого13	
<i>Бойко Н. В.</i> Итоги выборов 2012 г. в Законодательное собрание Штата Уттар Прадеш в Индии17	
<i>Волосов Е. Н.</i> Кадровая политика в отношении региональной технократической элиты (1964–1991 гг.)23	
<i>Вольтер О. В.</i> Российское национальное самосознание как основа цивилизационной идентичности: генезис и современность28	
<i>Зайцев А. В.</i> Обратная связь в диалоге государства и гражданского общества в современной России 35	
<i>Зуляр Р. Ю.</i> Байкальская школа молодого автора как инструмент организации политической социализации молодежи40	
<i>Иванов С. А.</i> Процесс трансформации политико-административных отношений между центральной и местными властями КНР в период реформ43	
<i>Леусенко И. В.</i> Социетальный анализ и безопасность общества 48	
<i>Маглеев А. А.</i> Объединительный процесс в иркутской области: результат и перспективы развития52	
<i>Метёлкина Л. Н.</i> Представленность женщин Восточной Сибири в органах власти в 1930 – начале 1960-х гг.57	
<i>Мясников Д. А.</i> К вопросу о возвращении выборов губернаторов66	
<i>Олейников И. В.</i> Развитие международных связей Иркутского государственного университета в 90-х гг. Хх в.70	
<i>Панин С. Б.</i> Присоединение грузинских княжеств к России: спорные моменты совместной истории76	
<i>Попов П. Л.</i> О территориальном распределении результатов президентских выборов 2012 г. в России85	
<i>Шелипова Н. В.</i> К вопросу о социальной функции государственной жилищной политики89	
<i>Шеметова Н. Ю.</i> Плата за вывоз твердых бытовых отходов (ТБО) в многоквартирных жилых домах России: политико-правовые проблемы93	

СИБИРЬ В XX–XXI ВВ.: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Афанасова Е. Н.</i> Развитие сети роддомов на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг.	104
<i>Баранцева Н. А.</i> Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.)	109
<i>Булгакова М. Г.</i> История формирования правовых норм общественного участия в школьном образовании в постсоветский период (1992–2002)	114
<i>Васильева Н. Ф.</i> Культурно-пропагандистская работа Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев	120
<i>Гамаюнова Е. В.</i> Школьные лесничества прибайкальской зоны как школа трудового и экологического воспитания молодежи	126
<i>Ганеева Л. Л.</i> Организационные меры по решению продовольственной программы в работе аграрного отдела обкома КПСС Иркутской области	132
<i>Зуляр Ю. А.</i> Проблемы организации охотничьего хозяйства в Байкальском регионе во второй половине 1950-х гг.	137
<i>Камынин Н. А.</i> Приезд М. М. Рубинштейна в Иркутск в 1917 г.	166
<i>Корытный Л. М.</i> Продажа аляски как крупнейшая геополитическая, геоэкономическая и геоэкологическая ошибка	172
<i>Косарев В. Н., Косарева Л. В., Макогон И. В.</i> Проблемы реформирования современного образования	175
<i>Курас Т. Л.</i> Создание и общая характеристика судебных палат в Российской империи (на примере Саратовской палаты)	181
<i>Леусенко Д. А.</i> Характеристика политической власти большевиков в послании Святейшего Патриарха Тихона Совету народных комиссаров	186
<i>Логунова Г. В., Эдельштейн О. А., Никитина М. Г.</i> Научно-исследовательская работа студентов как фактор модернизации гуманитарного образования в Иркутском государственном университете	191
<i>Нечаев С. В.</i> Исторические вехи российского и иркутского лаун-теннисного движения	196
<i>Парфёнов В. М.</i> Территориально-производственные комплексы и кластеры в Сибири: экономико-географическое сравнение	201
<i>Санников А. П.</i> Создание иркутской духовной консистории ...	206
<i>Славина Л. Н.</i> Смертность в сельской местности Красноярского края в постсоветский период (1990–2000-е гг.)	211
<i>Степанова О. А.</i> Развитие человеческого капитала в условиях инклюзивного образования: междисциплинарный контекст	217

Субачев А. А. Законодательное регулирование использования языков в субъектах РФ	221
Татарникова М. Р. Освоение целинных и залежных земель колхозами и совхозами Иркутской области	228
Теплых В. В. Первые наставники иркутской женской команды по хоккею с мячом «Рекорд»	232
Турова Е. И. Государственная политика в области использования женского труда на территории Тюменской области в восстановительный период (вторая половина 1940-х – начало 1950-х)	237
Урожаева Т. П. Экологическая обстановка как фактор нестабильности населения новых городов иркутской области в 1980-е гг.	241
Фартышев А. Н. Географический детерминизм в современных концепциях развития Сибири и Дальнего Востока	246
Хоменко Д. Ю. Государственная землеустроительная политика в Сибири в конце XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии)	251
Шерин Е. А. Историко-географические особенности формирования угольной промышленности Кемеровской области	256
Шинкарёва А. П. Восточно-Сибирское отделение русского технического общества и его основатель Б. А. Милютин в жизни Иркутска 60–70-х гг. XIX в.	261
Шпикельман Р. Ю. Исследовательские организации Предбайкалья в революционную эпоху (1920-е гг.)	267

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Евгений Юрьевич – инженер лаборатории социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: alv1982@bk.ru

Афанасова Елена Николаевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой гуманитарных и общих естественнонаучных дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Усть-Илимске), e-mail: lebeden81@mai.ru

Баранов Андрей Владимирович – д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар), e-mail: baranovandrew@mail.ru , jkostenko@yandex.ru

Баранцева Наталья Анатольевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), e-mail: Barantzeva@inbox.ru

Башелханов Анатолий Юрьевич – канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск), e-mail: bashel@list.ru

Бойко Наталья Викторовна – соискатель кафедры политологии и истории, старший лаборант кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

Булгакова Марина Геннадьевна – специалист по учебно-методической работе Центра сопровождения и реализации инновационных программ, проектов и конкурсов, Институт развития образования Иркутской области (г. Иркутск), e-mail: marina_bulgakova@inbox.ru

Васильева Наталья Федоровна – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: vasil.nf@mail.ru

Волосов Евгений Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (филиал в г. Усть-Илимске), e-mail: volosov@rambler.ru

Вольтер Ольга Владимировна – д-р полит. наук, г. Армавир, e-mail: Volter17@list.ru

Гамаюнова Екатерина Вячеславовна – соискатель кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: gamaunova86@mail.ru

Ганеева Людмила Леонидовна – соискатель кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет, препода-

даватель Иркутского государственного педагогического колледжа № 1 (г. Иркутск), e-mail: igpk@igpk.ru

Дятлов Виктор Иннокентьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: dyatlov@irk.ru

Зайцев Александр Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова (г. Кострома), e-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Зуляр Раксана Юрьевна – старший преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: raksana-m@yandex.ru

Зуляр Юрий Анатольевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой политологии и истории, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: uazulyar@yandex.ru

Иванов Сергей Александрович – младший научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), e-mail: 02isa02@mail.ru

Камынин Николай Андреевич – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

Корытный Леонид Маркусович – д-р геогр. наук, профессор, Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск), e-mail: kor@irigs.irk.ru

Косарев Виктор Николаевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Международный юридический институт (филиал в г. Волжский), e-mail: kosa55@yandex.ru

Косарева Людмила Викторовна – дипломатический работник Министерства иностранных дел РФ (г. Москва), e-mail: kosa55@yandex.ru

Курас Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры судебного права Юридического института, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Леусенко Дмитрий Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Российская академия правосудия (филиал в г. Ростове-на-Дону), e-mail: dml2003@yandex.ru

Леусенко Ирина Валерьевна – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологии, политологии, психологии и педагогики, Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону), e-mail: ll-d@yandex.ru

Логунова Галина Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: logunova@admin.isu.ru

Маглеев Александр Аполлонович – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: Magleev@mail.ru

Макогон Ирина Викторовна – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры предварительного расследования, Волгоградская академия МВД РФ (г. Волгоград)

Метёлкина Лариса Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: mln@home.isu.ru

Мясников Дмитрий Александрович – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: mda80@yandex.ru

Нечаев Станислав Викторович – аспирант кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: Irktennis@gmail.com

Никитина Маргарита Геннадьевна – координатор совета по научно-исследовательской работе студентов, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: nirs@isu.ru

Олейников Илья Васильевич – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры политологии и истории исторического факультета, зав. лабораторией по изучению истории ИГУ, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Панин Сергей Борисович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой социо-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: psb04@mail.ru

Парфёнов Владимир Михайлович – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник, лаборатории экономической географии и территориального планирования, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск)

Попов Петр Леонидович – канд. филос. наук, ведущий инженер лаборатории теоретической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: plp@irigs.irk.ru

Санников Александр Павлович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: hist-rus@hist.isu.ru

Славина Людмила Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории, Красноярский государственный пе-

дагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск), e-mail: 200146@mail.ru

Степанова Ольга Алексеевна – канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории профессионального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, Научно-исследовательский институт развития профессионального образования (г. Москва), e-mail: 915216@rambler.ru

Субачев Артем Анатольевич – соискатель кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: asubachev@mail.ru

Татарникова Марина Романовна – аспирант кафедры истории политических и экономических учений, Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск), e-mail: marinatr2009@rambler.ru\

Теплых Вероника Владимировна – соискатель кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет, преподаватель Иркутского государственного педагогического колледжа № 1 (г. Иркутск), e-mail: nvt-1@yandex.ru

Турова Елена Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии, истории и социологии, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права (г. Тюмень), e-mail: cherevako_@fromru.com

Урожаева Татьяна Петровна – аспирант кафедры истории России, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: olgo@ya.ru

Фартышев Арсений Николаевич – аспирант, инженер лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: _greek@mail.ru

Хоменко Денис Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск), e-mail: Khomenko_denis@mail.ru

Шелипова Наталья Владимировна – аспирант кафедры политологии, Астраханский государственный университет (г. Астрахань), e-mail: shelipova_natalya@mail.ru

Шеметова Наталья Юрьевна – адвокатская палата Иркутской области (г. Ангарск), e-mail: natashairkutsk@rambler.ru

Шерин Егор Александрович – аспирант, инженер лаборатории политической географии и ресурсоведения, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: vampire_256@mail.ru

Шинкарёва Антонина Петровна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики факуль-

тета филологии и журналистики, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: zaoch@slovo.isu.ru

Шпикельман Радана Юрьевна – соискатель кафедры политологии и истории, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

Эдельштейн Ольга Александровна – канд. хим. наук, доцент кафедры органической химии, химического факультета, заместитель председателя совета по научно-исследовательской работе студентов, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: nirs@isu.ru

Научное издание

ШЕСТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В 3 томах
Том 1

ISBN 978-5-9624-0633-6
ISBN 978-5-9624-0634-3 (т. 1)

Редактор *Г. А. Борисова*

Темплан 2012. Поз. 75

Подписано в печать 10.11.2012 г. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 17,8. Тираж 120 экз. Заказ 142

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел. (3952) 24-14-36